

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2012

2 (12)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2012

2 (12)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
148 с.

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., проректор по организации работы ученых советов, зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель; *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН; *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН; *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ; *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики; *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики; *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Редакционная коллегия

Н. В. Каледин, канд. геогр. наук, доц., зав. кафедрой региональной политики и политической географии, проректор по учебно-методической работе СПбГУ — сопредседатель; *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., зам. проректора по научной работе БФУ им. И. Канта; *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономики фирмы и рынков, проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ; *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западного института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (РАНХ и ГС); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ; *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии Гданьского университета (Польша).

ISSN 2074-9848

BALTIC REGION

2012

2 (12)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2012

BALTIC
REGION
2012
2 (12)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2012.
148 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint-Petersburg
State University

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University of Russia, 2012

Editorial council

Prof. *Artobolevsky Sergey*, head of the Department of Economic and Social Geography of the Institute of Geography, the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Baranovsky Vladimir*, deputy director of the Institute of the World Economy and International Relations (IMEMO), the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Chubaryan Aleksander*, director of the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Klemeshev Andrey*, rector, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia — co-chair; Prof. *Khudoley Konstantin*, vice-rector for Academic Council organisation, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Dr *Liuhto Kari*, director of the Pan-European Institute, Finland; Prof. *Mau Vladimir*, rector, the Academy of National Economy, Russia; Prof. *Melville Andrey*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nureev Rustem*, head of the Department of *Economic Analysis of Organizations and Markets*, National Research University Higher School of Economics, Russia; Prof. *Shastitko Andrey*, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia; Dr *Wellmann Christian*, acting head of Division for Peace and Conflict Research of the Institute of Social Sciences of Kiel University (former SHIP), Kiel, Germany.

Editorial board

Prof. *Fedorov Gennady*, vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia — co-chair; Dr *Kaledin Nikolay*, vice-rector for academic affairs, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Dr *Gareev Timur*, Head of the Department of Economics of the Firm and Markets, Vice-Rector for Innovation Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Ilyin Mikhail*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Knappe Elke*, Leipzig, Germany; Prof. *Kosov Jury*, head of Department of International Relations, professor, North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint-Petersburg, Russia; Prof. *Mezevich Nikolay*, head of the Center for the Cross-border Studies, Saint-Petersburg State University, Russia; Prof. *Palmowski Tadeusz*, director of the Institute of Geography, University of Gdansk, Poland; Dr *Zverev Jury*, deputy vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Зарубежная история

- Сафроновас В.* Вырываясь из объятий политики. Исследование культур воспоминания как способ поощрения исторического диалога в литовско-российских отношениях 7
- Манкевич М. А.* Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы..... 19
- Арбушаускайте А. Л.* Некоторые специфические эпизоды аншлюса Клайпеды/Мемеля в марте 1939 года 32
- Йокубаускас В.* Концепция партизанской войны в Литве в 1920—1930-е годы 43

История России

- Костяшов Ю. В.* Об учреждении и начальном этапе деятельности советского консульства в Кёнигсберге (1923–1925)..... 58
- Кретинин Г. В.* «Судебные дела» генерала Е. Ф. Керна..... 69

Политология

- Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе Европа-Евразия..... 81
- Рожков-Юрьевский Ю. Д.* Историко-географическая эволюция анклавности территории Калининградской области..... 98

Исторический опыт

- Левина Р. С., Волошенко К. Ю.* О возможностях использования исторического опыта технологий повышения плодородия почв в Восточной Пруссии в сельскохозяйственном предпринимательстве Калининградской области 109

Исследования молодых ученых

- Портнягина М. Д.* Позиция международного сообщества по вопросу «восстановления» независимости Балтийских республик 118
- Гражданкин А. С.* Роль реки Рейн в формировании пространственной структуры экономики стран Европы (I век до нашей эры — XIX век)..... 129

Рецензии

- Дементьев И. О.* Анджей Саксон. От Клайпеды до Ольштына. Современные жители бывшей Восточной Пруссии: Клайпедский край, Калининградская область, Вармия и Мазуры 140

CONTENTS

International history

- Safronovas V.* An escape from the embrace of politics. A study into the cultures of remembrance as a means to encourage a historical dialogue in Lithuanian-Russian relations 7
- Mankevich M. A.* The Vilnius issue in international relations: the historiography of the problem 19
- Arbušauskaitė A. L.* Episodes of the Klaipeda/Memel Anschluss in March, 1939 32
- Jokubauskas V.* The concept of guerrilla warfare in Lithuania in the 1920-1930s 43

Russian history

- Kostyashov Yu. V.* On the establishment and early activity of the Soviet consulate in Königsberg (1923-1925) 58
- Kretinin G. V.* The “court cases” of General Ye. F. Kern 69

Political science

- Ilyin M. V., Meleshkina Ye. Yu.* The Baltic-Pontic region in the Europe-Eurasia dual system 81
- Rozhkov-Yuryevsky Yu. D.* The historical and geographical evolution of the enclavity of the Kaliningrad region 98

Historical experience

- Levina R. S., Voloshenko K. Yu.* On the possibility to adopt the historical practice of applying technologies for land fertility increase in Eastern Prussia at agricultural enterprises of the Kaliningrad region 109

Research of young scientists

- Portnyagina M. D.* The position of international community on the restoration of independence of the Baltic States 118
- Grazhdankin A. S.* The role of the river Rhine in the formation of spatial structure of the economy of European countries (1st century BC – 19th century AD) 129

Reviews

- Dementyev I. O.* Andrzej Sakson. From Klaipeda to Olsztyn. Modern residents of former East Prussia: county of Klaipeda, Kaliningrad region, Warmia and Masuria. Instytut Zachodni w Poznaniu, 2011, 828 pp. 140

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 327(470.26)

ВЫРЫВАЯСЬ ИЗ ОБЪЯТИЙ ПОЛИТИКИ. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУР ВОСПОМИНАНИЯ КАК СПОСОБ ПООЩРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ЛИТОВСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В. Сафроновас*

---

* Клайпедский университет.
LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Поступила в редакцию 05.01.2012 г.

Обсуждается вопрос о том, что препятствует продуктивному переосмыслению прошлого в современных литовско-российских отношениях. «Переработка» прошлого воспринимается как процесс, посредством которого происходит переосмысление исторических значений, приближая их к ожиданиям и ценностям современного общества. В этом процессе, по мнению автора, исторические исследования должны выполнять определенные социальные функции, поскольку такие исследования могут поощрять сосуществование обществ. Выбрав литовско-российское коммуникационное пространство в качестве объекта, автор подчеркивает необходимость развития интереса во взаимном познании культур воспоминания в этом пространстве. В общих чертах определяются стратегии, характерные для преобладающих культур воспоминания в современной России и в Литве, поднимается вопрос об их необходимом взаимоотношении и об адекватности исторической политики. Криминализация определенных оценок прошлого и академический диалог между историками рассматриваются как две противоположности опыта исторической политики, реально существующего в литовско-российском коммуникационном пространстве. В качестве основы для дальнейшего развития исторического диалога предлагается рассматривать исследования ценностей и восприятий прошлого, которые поддерживаются определенными общественными группами Литвы и России. Этим подразумевается, что их постижение может способствовать формированию более обоснованной исторической политики.

Ключевые слова: культура воспоминания, историческая политика, переосмысление прошлого, литовско-российские отношения.

Увеличение дистанции между ака-

демическими историческими исследованиями и упрощенными образами прошлого, которые поддерживаются в общественном дискурсе, стало общей тенденцией современного пространства знаний. Следовательно, можно предположить, что одной из целей историков должно быть стремление к преодолению этой дистанции. Опыт Германии и других стран показывает, что в данном случае огромную роль играет так называемая «переработка» прошлого — процесс, в котором происходит переосмысление исторических значений, приближая их к ожиданиям и ценностям современного общества. Пионерами такого переосмысления чаще всего становятся историки, имеющие возможность благодаря сути своей профессии первыми четко увидеть расхождения между «общепринятыми» восприятиями прошлого и тем, что говорят документы и элементарная логика.

В постсоветском пространстве такая — связанная с изменением общепринятых ценностей — переработка прошлого была предопределена не только распадом «социалистического лагеря», но и целями, которые ставились перед обществами в государствах, оказавшихся на пути политических, социальных и экономических реформ [4; 10]. Например, воплощение внешнеполитических и экономических приоритетов Литвы, сформулированных в 1990-е гг., повлекло за собой переработку исторических образов, связанных с литовско-немецкими, литовско-польскими и прочими отношениями. Использование различных стратегий способствовало тому, что негативный опыт этих отношений перестал воспроизводиться и укрепляться, по крайней мере в господствующих положениях общественного дискурса. Однако опыт литовско-российских отношений начал оцениваться при помощи совершенно иных стратегий, на что, как уже утверждалось ранее [2, с. 451—456], повлияли прежде всего внутривнутриполитические факторы. Похоже, что такая зависимость от различных внешне- и внутривнутриполитических приоритетов характерна не только для Литвы, но и для России. Формирование ценностных ориентаций с использованием определенных исторических символов и образов в России также зависит от направленности на конкретную аудиторию — внутреннюю, восточноевропейскую либо западноевропейскую [13, S. 250]. Вопрос, какую пользу это приносит для обеих сторон, полагаю, уже не может считаться лишь риторическим.

Что же не позволяет осуществить продуктивное переосмысление прошлого в литовско-российском пространстве? Возможно то, что это — пространство, в котором категории исторической истины и лжи все еще руководят мышлением многих; пространство, в котором недостает взаимного уважения к национальным мифам и преобладающим конструкциям памяти. Такое уважение может появиться лишь в общении и познании друг друга, причем возникающие в процессе этого познания противоречия с чьей-либо «исторической истиной» не должны стать препятствием, не позволяющим уважать иное мнение, понимать необходимость не только определенных убеждений в определенных ситуациях, но и причину этой необходимости. Только когда такое познание и

понятие появятся, можно попробовать — крайне осторожно — задаться вопросом: действительно ли эти мифы и конструкции необходимы, если учитывать все последствия, которые влечет за собой их поддержание?

Действительно ли невозможно сблизить позиции там, где они диаметрально противоположны? Какова роль историков в этом процессе? Могут ли (и если да, то как именно) исторические исследования способствовать «переработке» прошлого в литовско-российском пространстве?

**Суть исторических исследований —
бесконечное увеличение знаний о прошлом
или выполнение социальных функций?**

Еще совсем недавно историки считали, что глубокое изучение методологии исследования исторических источников позволяет им выполнять роль своеобразных «оракулов» прошлого, имеющих исключительное право осведомленно о нем рассуждать. Однако создание «единого рынка», а также развитие различных видов коммуникаций, произошедшие в течение последних нескольких десятилетий, делают очевидным тот факт, что сочинения историков сегодня являются лишь одним из источников, на основе которых складывается общественное представление о прошлом. По многим параметрам этот источник уступает место другим, более «популярным» репрезентациям прошлого, в создании которых точность зачастую приносится в жертву аттрактивности, — кинофильмам, художественной литературе, даже компьютерным играм. Именно поэтому «традиционный» историк, оправдывающий свою зарплату бесконечным увеличением знаний о прошлом, становится все больше похожим на «динозавра». Именно поэтому все актуальнее вопрос о том, какую роль должны выполнять историки в обществе, где растет интерес к прошлому не ради глубокого познания окружающего мира, а ради удовольствия «потребления», которое влечет за собой упрощение и искажение исторических значений.

Представим два противоположных примера выбора такой роли, перед которым стоят историки. Первый пример: историки, пользуясь своими специализированными знаниями, приспособляясь к преобладающим культурным практикам, направленным на безграничное потребление, могут выполнять роль консультантов там, где в подобных услугах нуждаются создатели товаров и брендов. Они могут помогать создавать сюжеты и образы, которые используются для легитимации товаров и брендов на потребительском рынке, то есть для создания более «правдивой» их историчности. Второй пример: исследования историков, обращенные в соответствующее русло, могут способствовать реальным переменам, происходящим в общественном восприятии себя по отношению к другим. Если мы признаем, что мирное сосуществование обществ само по себе является ценностью, а поддержание негативных образов и воплощение прочих стратегий противопоставления

культур — лишь инструмент в руках манипуляторов, действующих в общественном дискурсе, исследования историков могут и даже должны охватывать преимущественно те области, которые соответствуют таким ценностям.

Выбор области исследования, так или иначе, всегда выступает прерогативой самого историка, поэтому главный вопрос в данном случае состоит лишь в том, какого эффекта позволит ожидать выбор одной или другой роли. Будет ли этот эффект кратковременным, направленным на потребление, или наоборот — долговременным, направленным на переосмысление прошлого, связанным с тем, что мешает достичь позитивного сосуществования различных обществ? При выборе последнего главным шагом становится познание прошлого друг друга и постижение мотивации того, почему соседним обществам требуются конкретные восприятия прошлого.

**Исследование культур воспоминания —
«модная» область исторического познания
или выражение потребностей сосуществования обществ?**

История создания символов и образов прошлого, их общественного воспроизведения в виде текстов, ритуалов, праздников, материальных объектов является одной из тем, наиболее активно обсуждающихся в современных европейских исторических исследованиях. Совокупность такого рода исследований образует то, что, немного упрощая, можно обобщенно назвать тематикой памяти. Однако интерес к познанию этой тематики, не ослабевающий на протяжении трех последних десятилетий, связан не только с тем, что память — новая «мода» историографии. Прежде всего память важна потому, что именно она позволяет людям четко отделить «свое» прошлое от «чужого» в настоящем.

Продуктивной аналитической категорией, позволяющей рассуждать об отношениях к прошлому в разнообразных исторических и современных обществах, выступает термин «культура воспоминания». Введенный в научное употребление культурологом Яном Ассманом в начале 1990-х гг. [6, S. 30—31], этот термин получил широкое применение в междисциплинарных исследованиях (прежде всего в Германии). Общие тенденции выразил историк Кристоф Корнелиссен, который «культуру воспоминания» предлагал понимать как наиболее широкий термин, применимый ко всем возможным формам осознанного воспоминания об исторических событиях, личностях и процессах [8, S. 555].

Культуру воспоминания мы определяем как систему значений, которая формируется посредством разных способов репрезентации, актуализируя прошлое и стимулируя «коллективную память»¹. Такое определение предполагает, что объектом исследования культуры вос-

¹ Коллективная память определяется как одно из слагаемых человеческой памяти, в котором «содержание» вспоминаемых значений поддерживается и трансформируется под влиянием групповой коммуникации — повседневной или формализованной.

поминания являются процессы создания значений, постоянно происходящие в среде общественной коммуникации. Это процессы, которые регулируют, поддерживают и трансформируют память людей — участников определенной коммуникационной среды. Познание структуры значений, которая предопределяет все поведение, связанное с прошлым, в том числе конкретные действия, актуализирующие прошлое, таким образом, и есть исследование культуры воспоминания.

Исследователи, занимающиеся анализом культур воспоминания, наблюдают характерное для сообществ преобладающее восприятие себя, которое может проявляться в ролях победителя либо побежденного, виновника либо жертвы. Они замечают, что многие общества, сталкивающиеся с определенным воздействием, применяют похожие стратегии адаптации, траура, забвения, обхождения молчанием, «вытеснения» неприятных и травмирующих воспоминаний [5, S. 62—116]. С другой стороны, несмотря на сходства стратегий обращения с прошлым, в каждой культуре воспоминания (которая может существовать на национальном, групповом, конфессиональном и другом уровне) циркулирует оригинальный набор значений о прошлом, значений, выполняющих роль того, что Я. Ассманн называет «коннективной структурой» общества. Эти значения спланивают общество, объясняя, почему мы именно такие и кем мы являемся по отношению к другим (см. также [7; 9]).

Таким образом, анализ культур воспоминания дает возможность определить ценности, на которых строится любая культура, имеющая что-либо общее с прошлым. Исследование культур воспоминания — это открытие для себя настоящего положения дел и выяснение причин, почему такое положение сложилось. Рассматривая культуры воспоминания, можно узнать, как эти культуры воспринимают себя по отношению не только к прошлому, но и будущему, потому что ценности, поддерживаемые посредством воспоминаний о прошлом, всегда проецируются в будущее. Кроме того, этот анализ дает возможность оценить, действительно ли проекции культуры в будущее, которые так или иначе строятся в любом обществе, соответствуют ценностям, поддерживаемым воспоминаниями о прошлом.

Парадоксально, но такое соответствие зачастую не наблюдается, особенно там, где общества сталкиваются с разными системами ценностей одновременно. Ведь кроме общих ценностей, характерных многим культурам, существуют ценности, ежедневно поддерживаемые в конкретных коммуникационных средах. Поэтому масштаб своеобразия определенной культуры, по сути, предопределяет и масштаб своеобразия восприятия прошлого, характерного только для данной культуры. Стратегия, используемая при столкновении этих своеобразий, уже зависит от совершенно иного фактора, который в специальной литературе называется «исторической политикой» либо «политикой воспоминания». Это проявляющаяся в дискурсе о прошлом сила, укрепляющая одни воспоминания и умеряющая другие, настраивающая носителей одних воспоминаний против других или, наоборот, предпринимающая усилия их примирить. Из-за влияния именно этого фактора формиру-

ется соответствующее отношение между разными культурами воспоминания внутри определенного государства или между государствами. Это отношение может быть приспособляющим либо подавляющим, конфликтным либо выводящим на путь сосуществования.

Не от историков зависит, какие конкретно стратегии будут использоваться, но историки своими исследованиями могут создать предпосылки для применения той или иной стратегии. Рассмотрим реальное положение дел в литовско-российском пространстве. Какое именно влияние в пространстве двух государств могут оказать исторические исследования, способствующие постижению характеристик, присущих обеим культурам воспоминания, осознанию значений и ценностей, на которых они основываются?

Объединяющее и разделяющее в отношениях культур воспоминания в литовско-российском пространстве

О преобладающих культурах воспоминания, поддерживаемых на национальном уровне в России и Литве, можно рассуждать в двух плоскостях, отдельно определяя характерные для них значения и стратегии. Многие значения в этих культурах противоположны, однако, рассуждая о стратегиях, используемых в конструировании данных значений и ценностей, можно заметить не одно сходство. В обеих культурах воспоминания роль мифа происхождения, сакрализованного нарратива, объясняющего настоящее, исполняет рассказ о трансформации общества, в котором основными являются категории победителя и побежденного (жертвы). В Литве уже более двух десятилетий это рассказ о трансформации из статуса «жертвы» в статус «победителя». Период Второй мировой войны и первых послевоенных лет в этом рассказе связывается с пактом Молотова — Риббентропа и описывается терминами «оккупация», «принудительная ссылка», «сопротивление», «геноцид», что придает Литве статус жертвы (причем потерпевшей более от Советского Союза, нежели от Германии), а распад СССР связан с терминами «освобождение», «независимость», с восстановлением государственности, то есть с победой. В России, наоборот, это — рассказ о трансформации из статуса «победителя» в статус «жертвы». Период Второй мировой войны здесь больше всего связывается с символом Победы над Германией и образом Советского Союза как освободителя наций Восточной Европы (в том числе и Литвы), а распад СССР — со статусом «жертвы», ибо прекращение его существования чаще воспринимается негативно, как огромное несчастье, после которого в России начался период «упадка»².

В обоих государствах историческая политика связывает ценности, формируемые в настоящем, именно со статусом победителя. В современной России, как и в брежневскую эпоху, наивысшей и не имеющей

² Как утверждал президент России В. Путин, «следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой» [1].

достоинных конкурентов исторической ценностью считается Победа во Второй мировой войне (а точнее, в Великой Отечественной войне). В Литве же историческая политика за последние десятилетия в наивысшую ценность превратила борьбу за свободу, независимость и символ обретения этой независимости, то есть выход Литвы из состава Советского Союза. Такая ситуация, когда ценности в настоящем формируются в связи со статусом победителя, — типичный признак «молодой» исторической политики в государствах, которые таким образом пытаются утвердить свое положение, свою мораль и получить признание и уважение со стороны других. Другие должны понять, что победа важна не только для носителя статуса победителя, но и для них самих. Этим можно объяснить тот факт, что историческая политика России в ожидании признания вклада Советского Союза в общее дело пытается соединить важный прежде всего для самой России символ Победы с практиками коммеморации Второй мировой войны в Европе. В то же русло, по сути, направлена и историческая политика Литвы, в которой иногда проявляются попытки позиционировать свою победу как вклад в общее дело — распад Советского Союза как «империи зла».

Это замечание свидетельствует о том, что, несмотря на диаметрально противоположные расхождения в оценке одних и тех же исторических символов и образов (ср. [10; 12]), в Литве и в России используются весьма похожие стратегии как конструирования ценностей посредством преобладающей культуры воспоминания, так и исторической политики. Понятие этого важно именно потому, что нет и не может быть одной «правильной» системы ценностей и «хорошей» либо «плохой» культуры воспоминания. С другой стороны, вопрос об их подобающем взаимоотношении, а значит, и об адекватности исторической политики в литовско-российских отношениях, полагаю, является вопросом, подлежащим обсуждению. Особенно потому, что тенденции исторической политики иначе, нежели культуры воспоминания, связаны не только с формированием определенных ценностей, но прежде всего со стратегиями легитимации, выбираемыми соответствующими режимами. И чем слабее агенты режима влияют на преобладающие восприятия прошлого в общественном дискурсе, тем больше потребность в утверждении символов и образов прошлого, легитимирующих политику режима.

По сути, именно в этом причина, по которой разногласия, объективно существующие в разных культурах воспоминания из-за того, что эти культуры *разные*, становятся предметом спора и причиной конкуренции за утверждение единственной и неоспоримой «исторической истины». Заблуждение начинается тогда, когда такая конкуренция признается единственным способом взаимоотношений. На самом же деле существуют и другие способы. Когда происходит столкновение позиций, проблему можно «обойти», но можно и решать ее путем открытого диалога и поиска точек соприкосновения. Решение проблемы может происходить посредством спора о том, кто прав, спора, в котором чаще всего побеждает не логика и аргументы, а сила, но можно использовать и метод оценки аргументов, потребностей общества и по-

исков общих ценностей. Парадоксально, но в современных литовско-российских отношениях оба эти способа почему-то сочетаются, то есть одновременно происходит и навязывание единой «исторической истины» с применением силы, и дискуссия. В результате это приводит к тому, что движение происходит из точки «А» обратно в точку «А» — проблема не решается, возможно из-за того, что агенты режима недостаточно четко осознают цели и функции исторической политики.

Приведем два конкретных примера параллельно происходящих процессов. Как в Литве, так и в России за последние пять лет проявились одинаково тривиальные тенденции подавления инакомыслия, связанного с мифом происхождения обеих стран. Сейм Литвы 17 июня 2008 г. принял поправку к закону «О собраниях», которая ввела запрет на демонстрацию любой символики не только нацистской Германии, но и Советского Союза (включая и Литовскую ССР) во время общественных собраний. Спустя два года, 15 июня 2010 г. была принята поправка к Уголовному кодексу Литвы, которая ввела уголовную ответственность за отрицание геноцида и других преступлений против человечности; за общественное одобрение агрессии, которую Советский Союз и Германия проявили против Литвы; за одобрение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных на территории Литвы или против жителей Литвы; за одобрение агрессии против Литовской Республики в 1990—1991 гг. В связи с этим следует напомнить, что определение «геноцид» в Литве имеет особенную специфику, то есть в соответствии с законами Литвы считается, что геноцид проводился и против литовцев [2]. По сути, похожие тенденции заметны и в России, где в феврале 2009 г. министр Сергей Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за отрицание Победы Советского Союза во Второй мировой войне, а указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. была создана «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», состоящая из представителей спецслужб и Администрации Президента РФ.

Такие тенденции, на мой взгляд, вызваны прежде всего несоответствием, возникающим при столкновении разных систем ценностей и поколений, для которых они актуальны. С одной стороны, старшее поколение не намерено мириться с релятивизацией «исторической истины» и положением, что одни и те же события и явления прошлого могут оценивать по-разному. С другой стороны, все больше альтернативных оценок и установок попадает в коммуникационное пространство, где преобладают традиционные установки, и тут логика «защиты дискурса» побуждает прикладывать усилия, чтобы «уберечь от осквернения» значения, имеющие статус самых «священных», криминализируя такое «осквернение» институционными методами. Оценки конкретных оберегаемых событий и явлений прошлого показывают, какие из этих оценок считаются преобладающими, основными в процессе формирования общей идентичности.

Однако упомянутая криминализация — отнюдь не единственный способ решения проблемы. Достаточно признать, что для своеобразных

культур (именно потому, что они своеобразны) характерно и неодинаковое восприятие прошлого; и будет нелогично требовать, чтобы одна культура вдруг стала считать «исторической истиной» то, что считается таковой в другой культуре. Главный вопрос — в том, почему многие соседние государства способны не обращать внимания на различия в восприятиях прошлого и не актуализировать того, что может углублять противостояние и конфликты в настоящем; и почему отношения между другими государствами обязательно должны быть основаны на попытках навязать единое восприятия прошлого. Иными словами, почему вопрос признания оккупации Балтийских стран или оценки участия жителей Литвы, Латвии и Эстонии в структурах СС и вермахта в современных государственных отношениях должен быть *conditio sine qua non* — вопросом, без общепринятой оценки которого ничего нельзя поделаться?

Возможно, определенной попыткой решить именно такого рода вопросы должна была стать комиссия литовско-российских историков, созданная в феврале 2006 г. на основе двухстороннего договора между Министерствами образования и науки Литвы и России (обе стороны имеют такого рода комиссии и с другими государствами). Кроме научных заседаний и конференций, которые проходят в наиболее продуктивной форме дискуссий о прошлом, одним из основных результатов совместной работы членов этой комиссии, представляющих в основном Институт истории Литвы и Институт всеобщей истории РАН, можно считать подготовку сборника документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны» в двух томах. Первый том «СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 г.)» был опубликован в Литве в начале 2006 г. [3]; второй, посвященный литовскому вопросу в международных отношениях 1940—1945 гг., закончен в конце 2011-го.

Выход первого тома этого сборника вызвал неадекватную реакцию как в Литве, так и (еще более) в России. Возможно, именно эта реакция не только повлияла на задержку окончания работ над вторым томом, но также частично содействовала и усилению уже обсуждавшейся выше решимости криминализировать «историческую ложь».

В любом случае опубликование двухтомника документов — лишь первый, хотя и весьма существенный вклад в дискуссию, а также шаг к более адекватному восприятию друг друга. Продолжить движение в этом направлении, как предполагалось ранее, могли бы исследования культур воспоминания, анализ которых может строить процесс переработки прошлого на совершенно иных основах. Переработка прошлого не станет эффективной, если она будет проводиться лишь на «верхнем» уровне — академическом либо политическом. Действенной она окажется в том случае, если будет поддерживаться ценностями, не нуждающимися в отдельной или дополнительной общественной легитимации.

Именно поэтому нужно тщательно исследовать ценности и восприятия прошлого, которые формируются, поддерживаются и необходимость которых определенным образом мотивируется в конкретных обществах. Даже в незначительной мере продвигаясь вперед на пути переосмысления прошлого, любые шаги следует предпринимать, учиты-

вая эти ценности и восприятия, согласовывая старое с новым, а не только внедряя новое. Одновременно следует учитывать, что переосмысление прошлого никогда не даст положительных результатов, если оно будет использоваться в целях манипуляции. Мотивация такого переосмысления должна быть ясна каждому, а достижение его целей должно стать консенсусом.

Список литературы

1. *Послание* Президента Федеральному собранию Российской Федерации, 25.04.2005. URL: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (дата обращения: 12.01.2012).
2. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2009. №3: Maison des sciences de l'Homme: науки о человеке в империи. P. 424—458.
3. СССР и Литва в годы Второй мировой войны : сборник документов / сост. А. Каспаравичюс [и др.]. 2006.
4. Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы. Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2004. №4: Примирение через прошлое: панъевропейская перспектива, P. 41—77.
5. Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München, 2006.
6. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1992.
7. Berek M. *Kollektives Gedächtnis und die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Erinnerungskulturen*. Wiesbaden, 2009.
8. Cornelissen Chr. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff — Methoden — Perspektiven // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 2003. Bd. 54. S. 548—563.
9. Erll A. *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*. Stuttgart, 2005.
10. *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland* / Hg. von L. Karl, I. J. Polianski. Göttingen, 2009.
11. Mark J. *The Unfinished Revolution. Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern Europe*. New Haven; L., 2010.
12. Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo: atminties ir atminimo kultūrų transformacijos XX—XXI amžiuje / sud. A. Nikžentaitis. Vilnius, 2011.
13. Troebst S. Der 23. August 1939. Ein europäischer lieu de mémoire? // *Osteuropa*. 59. Jhg. 2009. №7—8: Der Hitler-Stalin-Pakt. Der Krieg und die europäische Erinnerung. S. 249—256.

Об авторе

Сафроновас Василиюс, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Балтийского региона, Клайпедский университет; научный сотрудник, Институт истории Литвы.

E-mail: safronovas@gmail.com

AN ESCAPE FROM THE EMBRACE OF POLITICS.
A STUDY INTO THE CULTURES OF REMEMBRANCE
AS A MEANS TO ENCOURAGE A HISTORICAL DIALOGUE
IN LITHUANIAN-RUSSIAN RELATIONS

V. Safronovas

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipėda, LT-92294, Lithuania

Received on January 5, 2012

This article focuses on the factors inhibiting a productive rethinking of the past in contemporary Lithuanian-Russian relations. The rethinking of the past is understood as a process facilitating the reconsideration of historical meanings through adjusting them to the expectations and values of a contemporary society. The author argues that, during this process, historical research — an important tool for encouraging the co-existence of communities — should fulfil certain social functions. Having chosen the Lithuanian-Russian communication space as a case, the author emphasises the need to develop interest in mutual knowledge of cultures of remembrance in this space. Outlining the strategies specific to the prevailing cultures of remembrance in contemporary Russia and Lithuania, the author addresses the question of their proper relationship, as well as that of the appropriateness of politics of history. The criminalisation of certain evaluations of the past and the academic dialogue between historians are regarded as two opposite extremes of politics of history actually existing in the Lithuanian-Russian communications space. The author stresses that research on the values and interpretations of the past peculiar to certain social groups in both Lithuania and Russia may be considered as a basis for further development of the historical dialogue. It is assumed that such research may contribute to the improvement in the field of politics of history.

Key words: culture of remembrance, politics of history, rethinking of the past, Lithuanian-Russian relations.

References

1. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii [Address of the President of Russia to the Federal Assembly]*, 25.04.2005, available: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (accessed 12 January 2012).
2. Safronovas, V. 2009, O tendencijah politiki vospominanija v sovremennoj Litve [On the trends in modern politics memories Lithuania], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no 3, pp. 424—458.
3. Kasparavičius, A., Laurinavičius, Č., Lebedeva N. (ed.), 2006, *SSSR i Litva v gody Vtoroi mirovoi voiny: Sbornik dokumentov [Soviet Union and Lithuania during the Second World War: a collection of documents]*, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla.
4. Troebst, S. 2004, «Kakoj takoj kover?» Kul'tura pamjati v postkommunisticheskih obwestvah Vostochnoj Evropy. Popytka obwego opisaniija i kategorizacii ["What is this carpet?" Culture of memory in post-communist societies of Eastern

Europe. An attempt to describe and categorize the total], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no 4, pp. 41—77.

5. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München.

6. Assmann, J. 1992, *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München.

7. Berek, M. 2009, *Kollektives Gedächtnis und die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Erinnerungskulturen*, Wiesbaden.

8. Cornelißen, Chr. 2003, Was heißt Erinnerungskultur? Begriff — Methoden — Perspektiven, *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, Bd. 54, pp. 548—563.

9. Erll, A. 2005, *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*, Stuttgart.

10. Karl, L., Polianski I. J. (ed.), 2009, *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*, Göttingen.

11. Mark, J. 2010, *The Unfinished Revolution. Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern Europe*, New Haven and London.

12. Nikžentaitis, A. (ed.), 2011, *Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo: atminties ir atminimo kultūrų transformacijos XX—XXI amžiuje*, Vilnius.

13. Troebst, S. 2009, Ein europäischer lieu de mémoire? [A European lieu de mémoire?], *Osteuropa*, 59. Jhg., no. 7—8, pp. 249—256.

About author

Dr. Vasilijus Safronovas, Research Fellow, Institute of the Baltic Sea Region History and Archaeology, Klaipėda University; Research Fellow, Lithuanian Institute of History.

E-mail: safronovas@gmail.com.

УДК 930 (474.5+ 438+47)

**ВИЛЬНЮССКИЙ ВОПРОС
В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ:
ИСТОРИГРАФИЯ
ПРОБЛЕМЫ**

М. А. Манкевич*

Анализируются некоторые аспекты историографии вильнюсского вопроса как международной проблемы. Автор рассматривает истоки польско-литовского конфликта, место борьбы за Вильнюс в глобальном польско-литовском противостоянии, происхождение и природу литовского национализма. В статье также представлены историографические оценки захвата Вильнюса отрядами польского генерала Л. Желиговского и международных последствий нарушения Сувалкского договора. Особое внимание уделено позициям западных держав, решению конференции послов Антанты от 15 марта 1923 г., посредничеству Лиги Наций в разрешении территориального спора между Польшей и Литвой. Автор рассматривает существующие в историографии концепции и оценки роли советской дипломатии в вильнюсском вопросе. Делается вывод о наметившихся тенденциях в современной историографии вильнюсской проблемы.

Ключевые слова: Литва, Польша, СССР, Лига Наций, историография, международные отношения, вильнюсский вопрос, 1918—1939 гг.

Вильнюсский вопрос как международная проблема не только был камнем преткновения в двусторонних польско-литовских отношениях военного периода, но и вовлек в сложный клубок международных противоречий ведущие европейские державы и Советский Союз.

Вильнюсский вопрос – международная проблема, возникшая в результате конфликта между Польшей и Литвой из-за древнего города Вильно и прилегающих к нему территорий. После захвата города польскими войсками 9 октября 1920 г. Литва и Польша находились в состоянии войны до 1927 г. Дипломатические отношения между

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 01.03.2012 г.

странами возобновились лишь в 1938 г. На протяжении всего межвоенного периода вильнюсский вопрос был ключевой проблемой литовской внешней политики, чрезвычайно болезненной для идеологов литовского национализма, а в Конституции независимой Литвы Вильнюс провозглашался оккупированной столицей государства.

Спор между Литвой и Польшей исследователи сравнивают с другими конфликтами подобного рода. Американский историк А.Е. Зенн проводит аналогию с арабо-израильским и индо-пакистанским конфликтами, отмечая при этом особенность польско-литовского противостояния: «дискуссионный» регион включал столицу одной из конфликтующих сторон [1, р. 235]. Литовский автор В. Жалис, раскрывая значение Вильнюса для межвоенной Литвы, проводит параллель с Эльзасом и Лотарингией для Франции, а также Триестом для Италии. Он замечает, что как бы ни были дороги французским и итальянским сердцам данные территории, они «никогда не были колыбелью ни французской, ни итальянской государственности» [2, р. 24].

Став ключевой проблемой литовско-польских отношений, вильнюсский вопрос привлек внимание исследователей — современников тех событий [3—9] еще тогда, когда его окончательное разрешение представлялось делом отдаленного будущего. На польско-литовский конфликт обращали и продолжают обращать свое внимание историки разных стран. За последние десять лет было издано несколько работ по историографии проблемы, однако они представляют собой либо срез мнений историков определенного хронологического периода (обзор исследований, опубликованных после 1989 г.) [10—12], либо систематизацию накопленных исторических исследований в самом общем виде [13].

В настоящей статье предпринята попытка заострить внимание на некоторых проблемах историографии вильнюсского вопроса как международной проблемы и отойти от хронологического и традиционного национального принципа рассмотрения взглядов историков по этой проблеме. Мнения исследователей сгруппированы по четырем ключевым аспектам темы: 1) истоки и причины польско-литовского конфликта, его специфика; 2) значение и международные последствия акции польского генерала Л. Желиговского¹; 3) позиция западных держав, а также посредничество международных институтов; 4) позиция СССР в вильнюсском вопросе.

Основной корпус источников, отражающих перипетии дипломатической борьбы за Вильнюс, был опубликован еще в межвоенный период. Однако одни и те же документы интерпретировались историками по-разному, нередко в зависимости от политических убеждений и национальной принадлежности. Для современного (постсоветского) периода историографии характерно широкое использование архивных материалов, ранее недоступных или невостребованных предшествующими поколениями исследователей. К сожалению, работы современных российских историков существенно уступают публикациям их западных коллег по количеству мобилизованных источников.

¹ Имеется в виду захват Вильнюса польскими военными 9 октября 1920 г.

По мнению ряда историков, локальный конфликт из-за Вильнюса был лишь частью глобального польско-литовского противостояния, истоки которого уходят во вторую половину XIX в. Еще до воссоздания независимых Польши и Литвы проблему польско-литовского спора подробно раскрыл в своей статье М. Ромер [14]. Известный литовский юрист и общественный деятель проанализировал постепенный процесс полонизации и русификации населения, проживавшего на территориях Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Больше всего полонизация затронула литовское дворянство. Это, с точки зрения М. Ромера, привело к тому, что «литовская национальная культура сохранилась в низших крестьянских кругах» [14, р. 247]. Народ, отодвинутый от политической жизни и занятый работой на земле, не имел близких контактов с образованными сословиями и меньше всего испытал на себе влияние светской культуры, которая, после объединения Польши и Литвы, а затем включения в состав Российской империи, была польско- и русскоязычной. Литовские дворяне, поддавшись польскому и русскому культурному влиянию, «слились с ним». Именно поэтому первые деятели литовского национального движения, зародившегося на рубеже XVIII—XIX вв., были родом из крестьян.

Эту мысль — под своим углом зрения — развивали советские и российские авторы Р. Жепкайте, Р. Жюгжда, И. В. Михутина, Я. Я. Гришин [15—19]. Р. Жепкайте видела корни враждебности двух наций в «классовом антагонизме между крепостным литовским крестьянством и помещиками, большинство из которых были польского происхождения» [16, с. 17]. Российский историк Я. Я. Гришин соглашается с И. В. Михутиной в том, что литовская нация преимущественно складывалась как крестьянская, и «такого рода дифференциация в национальной структуре... обеспечивала польское культурное влияние в ущерб литовской национальной культуре. Поэтому национальное движение... изначально утверждало себя как антипольское» [18, с. 16].

Совершенно противоположным образом антипольскую направленность литовского национального движения трактовал польский специалист В. Вельгорский. Он полагал, что полонизация была следствием сознательного выбора литовским населением (не только дворянами, но мещанством и крестьянством) более прогрессивной польской культуры [20, s. 254].

Возвращаясь к развитию литовского национального движения, необходимо отметить, что сначала оно видело свою задачу лишь в просвещении литовцев. Однако со второй половины XIX в. речь начинает идти уже о достижении политической самостоятельности [21]. Именно в это время, по мнению М. Ромера, зарождается глобальное непонимание между поляками и литовцами [14, р. 248]. Литовский дипломат и юрист Д. Заунис пишет, что «на усилия литовского народа создать совершенно независимое государство народ воссозданной Польши смотрел как на нанесенную Польше обиду, особенно когда Литва решила объединиться вокруг так полюбившейся полякам литовской столицы Вильнюса» [22, р. 31].

Другая дискуссионная проблема — вопрос о национальной принадлежности населения спорных территорий. Историки приводят стати-

стические данные различных переписей населения, однако одной из причин конфликта признается совершенно разная трактовка поляками и литовцами содержания понятия «национальность». По мнению польского автора П. Лоссовского, согласно критериям, из которых исходили польские политики, поляком на бывших территориях ВКЛ считался тот, кто говорил дома по-польски и, «что важнее всего — кто ощущал себя поляком, сам идентифицировал себя как поляка». Литовцы же, пишет исследователь, «утверждали, что национальность определяется происхождением, иногда очень древним», а самоощущение человека вторично. Польское и белорусское население спорных территорий считалось славянизированными литовцами, которых надлежит вернуть в лоно «литовскости» [23, с. 14].

Другой польский специалист — К. Буховский — подробно исследует проблему литовской национальной и исторической идентичности. Он обращает внимание на отношение литовских национальных идеологов к так называемому «полонизированным литовцам» — полякам, проживающим на территориях ВКЛ [24, с. 9]. «Полонизированный литовец» — это ярлык, который активно использовался деятелями литовского национального движения. Под аналогичным ракурсом литовские националисты рассматривали и германизированное население так называемой Малой Литвы, входившей в состав Восточной Пруссии [24, с. 11]. Из такой трактовки понятия «национальность», по мнению П. Лоссовского, и выросли литовские территориальные претензии [23, с. 15]. Автор фундаментального труда «Борьба за независимость Литвы» американский историк А. Рукша называет эти претензии «немного разминувшимися с действительностью» [25, р. 67].

Оба автора, П. Лоссовский и К. Буховский, сходятся во мнении, что литовское национальное возрождение, а позже идеология независимой Литвы развивались под воздействием страха перед ассимиляцией [25, с. 14]. Национальная идеология была призвана остановить процесс биологической гибели «литовскости» [24, с. 9].

Литовский национализм, основывавшийся на славе ВКЛ со столицей в Вильнюсе², по мнению А. Е. Зенна, был сердцем вильнюсского вопроса. Отказаться от Вильнюса в тот момент «казалось эквивалентным отказу от идеи независимости» [1, р. 235]. В. Жалис солидарен со своим заокеанским коллегой: «После аннексии Вильнюса Польша в Литве воспринималась как величайший источник угрозы суверенитету и территориальному единству страны» [2, р. 24]. Вот почему в течение ряда лет вильнюсский вопрос был самой важной проблемой не только внешней, но и внутренней политики Литвы³.

Несколько иной взгляд на причины польско-литовского конфликта представлен в работах некоторых советских и российских ученых — Е. Матулайтис, И. Шубина, Р. Жепкайте, Я. Гришина. Во главу угла ими ставится «алчность и агрессивность» возрожденного польского государства [18, с. 11], которую очень эмоционально описывает И. Шу-

² О «синдроме наследия ВКЛ» пишут и другие литовские историки — см. [2, р. 17].

³ Об отношении к вильнюсскому вопросу различных литовских политических партий подробнее в [26].

бин: «...в действительности мотив о населении, выставленный Польшей, имеет такой же вес, как мотив крыловского волка, пожирившего невинного ягненка потому, что ему жрать хотелось» [4, с. 27]. Историк Я. Гришин подчеркивает, что Польша была кровно заинтересована в Неманском бассейне и незамерзающем порте Клайпеды, которые «обеспечили бы Польше свободный выход к Балтийскому морю и создали удобную базу для последующего захвата всей Прибалтики» [18, с. 35—36]. Не осталась в стороне и проблема колонизации литовцев: Е. Матулайтис в своей работе касается деятельности польских ученых межвоенного периода, развивавших идею исторической обусловленности и закономерности славянизации литовцев бывших Виленской и Ковенской губерний, а также германизации литовцев в Пруссии [3, с. 8].

Историки сходятся во мнении, что кульминацией, «точкой невозврата» польско-литовских отношений стало нарушение Польшей Сувалкского договора⁴ и захват Вильнюса отрядами генерала Л. Желиговского⁵. Тот факт, что за «бунтом» генерала стояли власти Второй Речи Посполитой, уже не подвергается сомнению в академическом сообществе. Г. Раух пишет: «Было совершенно очевидно, что Варшава фактически дала одобрение этому рискованному предприятию» [27, р. 101]. Р. Жепкайте на основании материалов польских архивов делает вывод, что кроме Ю. Пилсудского о готовящемся «мятеже» было известно и министру иностранных дел Польши И. Падеревскому [16, с. 22]. Польский автор К. Цезаж также утверждает, что акция была запланирована и воплощена в жизнь по распоряжению правительства Второй Речи Посполитой [28, s. 173]. Он критикует действия руководства Польши прежде всего потому, что они нанесли ущерб международному имиджу страны, которая оказалась в глазах мирового сообщества агрессором и нарушителем международных договоренностей [28, s. 174]. Заключение Сувалкского договора П. Лоссовский вообще считает стратегической ошибкой правительства Второй Речи Посполитой, руководству которой не хватило решительности избежать подписания документа [23, s. 225].

Однако захват Вильнюса нанес не только непоправимый вред двусторонним отношениям Литвы и Польши. По мнению В. Жалиса, именно этот инцидент похоронил «надежду консолидации региона» [2, р. 21]. Американский исследователь П. Чепенас обращает внимание на то, что проблема Вильнюсского края значительно осложнила и отношения союзников — Англии и Франции [29, р. 624].

Позиция западных держав в вильнюсском вопросе по-разному оценивается исследователями. Существует мнение, что подход Запада здесь отчасти был отражением общего отношения к Литве. Появление представителей независимой Литвы на Парижской мирной конференции стало сюрпризом для великих держав, поскольку литовскую деле-

⁴ Сувалкский договор был подписан 7 октября 1920 г. между Литвой и Польшей в Сувалках при посредничестве контрольной комиссии Лиги Наций. Согласно условиям соглашения Вильнюс и прилегающие к нему земли оставались в составе Литвы.

⁵ Девятое октября (день захвата города польскими войсками) было в Литве днем траура на протяжении всего межвоенного периода.

гацию⁶ туда не приглашали. В том, что Запад изначально воспринимал Литву лишь как польскую провинцию, П. Чепенас видит результат деятельности польской пропаганды. В своем исследовании он рассказывает, как, вопреки финансовым трудностям, чтобы повлиять на европейское общественное мнение, представители литовской делегации опубликовали в прессе 15—20 материалов познавательного характера о Литве [29, р. 462—463].

Называя вильнюсский вопрос «эффективным примером влияния союзников в Восточной Европе», А. Е. Зенн отмечает, что причина их неудач заключалась во многом в непонимании особенностей восточноевропейского национализма. Вот почему «идеалистические планы» плебисцита, федерации, автономии разбились «вдребезги», а союзники к концу 1922 г. приготовились признать *status quo* [1, р. 26]. Именно с этого времени и началась полоса дипломатических признаний суверенитета Литвы западными странами, когда окончательно стало ясно, что объединить Польшу и Литву в федерацию не удастся⁷. А 15 марта 1923 г. конференция послов Антанты приняла резолюцию, по которой Вильнюс и прилегающие к нему территории вошли в состав Речи Посполитой.

Подобный шаг Запада, который, с точки зрения А. Зенна, был уже в какой-то мере актом отчаяния [1, р. 26], советские историки расценивали как «исполнение воли империалистических государств» [32, р. 84—85]. В контексте решения конференции послов Антанты исследователь Г. Раух развивает идею о своеобразной компенсации Литве со стороны Запада, связанной с проблемой Клайпеды⁸. Великие державы надеялись, что если правительству Литвы разрешить сохранить за собой этот край, то оно скорее примирится с утратой Вильнюса [27, р. 105]. С точки зрения советских авторов П. Мишкиниса, К. Почса, А. Рубцова, Р. Жюгжды, Литва была нужна Западу как важное звено в цепи государств, составлявших «санитарный кордон» против СССР [17; 34—36].

Говоря об участии Европы в вильнюсском вопросе, необходимо отметить исследования историков, посвященные посредничеству Лиги Наций в польско-литовском споре [28; 37]. Именно этот международный институт стал ареной польско-литовского противостояния на протяжении 1920-х гг.

В советской риторике Лига Наций представлена выразителем воли империалистических государств, которая даже «санкционировала захват Вильно империалистической Польшей» [3, с. 10]. Однако в работах и З. К. Цецажа, и Г. Вилкялиса предпринята попытка показать неод-

⁶ Подробнее о деятельности литовцев в Париже: [30].

⁷ Подробнее о международном признании Литвы: [31].

⁸ После Первой мировой войны Клайпеда (Мемельская область) была отторгнута от Германии и передана под коллективное управление союзных государств Антанты. Сначала город планировалось передать «Польско-Литовской Федерации». В результате вооруженной провокации, организованной «Комитетом по спасению Малой Литвы» в январе 1923 г., Мемель был занят литовскими войсками. После первоначальных протестов конференции послов Антанты союзники приняли решение о передаче Мемельского края Литве, которое было подтверждено Советом Лиги Наций [33, с. 31—32].

нозначность деятельности международной организации в вильнюсском вопросе.

По данным З. К. Цезажа, Польша уже в октябре 1920 г. стремилась избежать посредничества Лиги Наций, в особенности ее инициативы проведения плебисцита в Вильнюсском крае [28, с. 186]. Анализируя события осени 1920 г., Г. Вилкялис констатирует, что Лига Наций была «просто не в состоянии обуздать поляков и выбрала дорогу все возрастающих компромиссов и уступок» [37, р. 227]. Попытки Лиги Наций обеспечить мир в регионе потерпели крах, поскольку были основаны на легитимизации военной агрессии. Вместе с тем Г. Вилкялис признает, что во многих случаях позиция этого международного института определялась не принципами защиты мира, но, главным образом, интересами великих держав. Даже если бы теоретически Лига Наций на основании ст. 16 своего Устава решила вернуть ситуацию, существовавшую между Литвой и Польшей до нарушения Сувалкского договора, «трудно представить, кто был бы в состоянии исполнить это решение» [37, р. 228].

В поиск вариантов решения вильнюсского вопроса был вовлечен и Советский Союз. В советской, а затем и российской историографии сложилась традиция идеализации деятельности СССР в вильнюсском вопросе. Всеми исследователями отмечается, что РСФСР сыграла ключевую роль в возвращении Вильнюса Литве летом 1920 г. [16, с. 21]. В последующем политика советского государства была основана на принципах, изложенных в Московском договоре⁹. Российский автор Я. Гришин резюмирует, что «почти весь межвоенный период был ознаменован стремлением Советского Союза поддерживать с Литвой нормальные, добрососедские отношения» [18, с. 9]. О моральной помощи Литве со стороны СССР пишет Ю. Плотников [33, с. 17].

Основные заслуги СССР в рамках «идеалистической» концепции таковы: РСФСР категорически осудила действия Польши и помогла Литве избежать плебисцита на территории Вильнюсского края осенью 1920 г.¹⁰; осудила также резолюцию конференции послов Антанты от 15 марта 1923 г. Во время обострения отношений между Польшей и Литвой в 1927 г. СССР способствовал сохранению мира в регионе. В этом же ключе советская политика рассматривается и Д. Заунисом, который констатирует, что именно Россия не позволяла Польше прово-

---

⁹ Московский договор был подписан между Литвой и РСФСР 12 июля 1920 г. Советская Россия признала суверенитет Литвы. Вильнюсский край, а также Гродно, Лида, Ошмяны были признаны литовскими территориями. Обе стороны обязались не допускать пребывания на своей территории вооруженных сил третьих стран.

¹⁰ Проект плебисцита на спорных территориях был предложен конфликтующим сторонам Лигой Наций. Литва (как, впрочем, и Польша) стремилась его избежать. Во-первых, войска генерала Л. Желиговского по-прежнему оставались на территории Вильнюсского края, а во-вторых, для Литвы был неприемлем сам факт проведения референдума по поводу государственной принадлежности собственной столицы.

дить политику «свободных рук» и являлась гарантом суверенитета Литвы [22, р. 33].

С несколько иных позиций к деятельности СССР в вильнюсском вопросе подходят зарубежные авторы. Не отрицая всех перечисленных выше заслуг дипломатии СССР, эта группа исследователей сосредоточила внимание главным образом на мотивах, которыми Советский Союз руководствовался в своей политике. Особое место отводится оценке Московского договора. Сотрудничество литовцев с РСФСР и нарушение нейтралитета в советско-польской войне¹¹ П. Лоссовский называет самоубийственной политикой для Литвы, так как в случае победы Красной армии над Польшей Литву ждала бы «быстрая и полная советизация» [23, s. 226]. А. Каспаравичюс указывает на противоречия между Московским и Рижским мирными договорами. Если первым из них Россия признала Вильнюсский край за Литвой, то в мирном договоре с Польшей он уже определялся как объект спора между Литвой и Польшей [39, с. 130]. Ч. Лауринавичюс также дает негативную оценку Московскому договору, считая, что в итоге Литва оказалась практически под протекторатом Советской России [40, р. 37].

На основании архивных материалов А. Каспаравичюс приходит к выводу, что конфликт Польши и Литвы был выгоден СССР [39, с. 129]. Польско-литовское противостояние препятствовало созданию Восточного Локарно, политического блока Балтийских стран (Литвы, Латвии, Эстонии), вот почему «советская дипломатия была кровно заинтересована не в разрешении литовско-польского конфликта, а в его существовании» [39, с. 136]. Советский Союз был «провизором, который дозировал конфликт в зависимости от обстоятельств» [39, с. 133]. В. Жалис утверждает, что «настоящими победителями в польско-литовском конфликте была Советская Россия... и Германия» [2, р. 21]. Исчезновение Литвы из планируемого буфера делало невозможным окружение стратегически важной Восточной Пруссии [2, р. 22]. Как германские, так и советские дипломаты неоднократно намекали литовским политикам, что если Литва присоединится к союзу (Балтийских государств. — М. М.), то ей нечего ожидать какой-либо поддержки в борьбе против Польши за Вильнюс [41].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей к вильнюсскому вопросу не ослабевает и сегодня. Российскими, польскими, литовскими, американскими учеными предлагаются оригинальные концепции и подходы к разным аспектам вильнюсской проблемы. В последние десятилетия в историографии наблюдается постепенный отход от эмоциональных и односторонних суждений, а также обусловленных национальной принадлежностью авторов оценок участия в решении вильнюсского вопроса СССР и других европейских стран.

¹¹ Вопрос о характере нейтралитета Литвы в советско-польской войне является спорным, см. [38].

Список литературы и источников

1. *Senn A. E.* The Great Powers, Lithuania and the Vilna Question 1920—1928. Leiden, 1966.
2. *Žalys V.* Lietuvos diplomatijos istorija (1925—1940). T. 1. Vilnius, 2007.
3. *Матулайтис Е. С.* Литовцы под гнетом фашистской Польши. Минск, 1936.
4. *Шубин И. (Самарин)* Париж Варшава — Вильно (Виленщина на перекрестке имперских путей Франции). М., 1923.
5. *Anysas M.* Der litauish-polnische Streit um das Wilnagebiet von seinen Anfängen bis zum Gutachten des ständigen Internationalen Gerichtshofes vom. 15. Oktober 1931. Berlin, 1934.
6. *Budecki Z.* Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918—1928. Warszawa, 1928.
7. *Gražinis K.* La Question de Vilna. P., 1927.
8. *Natkevičius L.* Aspect politique et juridique différend Polono-Lithuanien. Kaunas, 1930.
9. *Urbšys J.* Medžiaga Vilniaus ginčo diplomatinei istorijai. Kaunas, 1932.
10. *Buchowski K.* Dwudziestowieczna Litwa w historiografii polskiej po 1989 roku // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 120—126.
11. *Kasparavičius A.* Współcześni historycy litewscy o sprawie Wilna i stosunkach polsko-litewskich w latach 1918—1940 oraz zmiany w potocznej świadomości Litwinów // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 102—113.
12. *Miknys R.* Historiografia litewska wobec problemów narodowościowych w pierwszej połowie XX wieku // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 114—119.
13. *Ашарчук В. А.* Виленская проблема в историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. №4. URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1761&Itemid=232 (дата обращения: 17.11.2011)
14. *Römeris M.* Lenkų ir lietuvių ginčas // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. Vilnius, 1996. Vol. 13. P. 246—254.
15. *Žepkaitė R.* Diplomacija imperializmo tarnyboja: Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1919—1939 m. Vilnius, 1980.
16. *Женкайте Р.* Литовско-польские отношения в 1919—1939 гг. и их место в политической констелляции Северо-Восточной Европы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Вильнюс, 1983.
17. *Žiugžda R.* Lietuva imperialistinių vlastibių planuose 1917—1940. Vilnius, 1983.
18. *Гришин Я. Я.* Необычный ультиматум. Казань, 2005.
19. *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994.
20. *Wielhorski W.* Polska a Litwa: Stosunki wzajemne w biegu dziejów. L., 1947.
21. *Stražas A. S.* From Auszra to the Great war: the emergence of the Lithuanian nation // Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1996. Vol. 42, №4. URL: http://www.lituanus.org/1996/96_4_03.htm (дата обращения: 19.12.2011).

22. *Zaunius D.* Du Lietuvos užsienio politikos dešimtmečiai // Lietuva 1918—1938. Kaunas, 1990. P. 30—43.
23. *Łossowski P.* Konflikt polsko-litewski 1918—1920. Warszawa, 1996.
24. *Buchowski K.* Szkice polsko-litewskie: czyli o niełatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku. Toruń, 2005.
25. *Rukša A.* Kovos dėl Lietuvos nepriklausomybės. II tomas: lietuvių-lenkų santykiai ir kovų pradžia. Cleveland, 1981.
26. *Grodis A.* Lietuvos politinių partijų į Lenkiją 1920—1926 metais: nuo modus vivendi paieškų iki nuolatinės konfrontacijos // Lietuvos istorijos studijos. 2008. N 21. P. 37—57.
27. *Rauch G.* The Baltic States: The years of independence. Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940. L., 1987.
28. *Cesarz Zb. K.* Polska a Liga Narodów: kwestie terytorialne w latach 1920—1925: studium prawno-polityczne. Wrocław, 1993.
29. *Čepėnas P.* Naujųjų laikų Lietuvos istorija. T. 2. Chicago, 1986.
30. *Gaigalaitė A.* Lietuva Paryžiuje 1919 metais. Kaunas, 1999.
31. *Šatas J.* Lietuvos tarptautinės pripažinimas: praetis ir dabartinės realijos. Vilnius, 1991.
32. *Žepkaitė R.* Lietuva ir didžiosios valstybės 1918—1939 m. Kaunas, 1986.
33. *Плотников А. Ю.* Прибалтийский рубеж: к десятилетию заключения российско-литовского договора о границе. М., 2009.
34. *Miškinis P.* Lietuvos ir Lenkijos santykių tarptautiniai teisiniai aspektai (1919—1939). Vilnius, 1976.
35. *Рубцов А. Ф.* Литва в политике французского империализма, 1918—1924. Томск, 1988.
36. *Поч К. Я.* «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921—1929 гг.). Рига, 1985.
37. *Vilkelis G.* Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje. Vilnius, 2006.
38. *Нарушила ли* Литва нейтралитет в советско-польской войне? Документы и материалы о польско-литовских переговорах 1920 г. // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке. Вып. 5. Калининград, 2009. С. 5—23.
39. *Каспаравичюс А.* Советская дипломатия и польско-литовский конфликт, 1925—1935 гг. // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2004. С. 129—138.
40. *Laurinavičius Č.* Geopolitikos ir demokratijos dilema: moderniosios Lietuvos užsienio politika ir Steigiamasis Seimas // 1920—1922 metų parlamentinė patirtis: sprendimų politika, tikslai, aplinkybės. Vilnius, 2000. P. 33—40.
41. *Butkus Z.* The diplomatic cooperation between Germany and the USSR in the Baltic States in 1920—1940 // Lithuanian Foreign Policy Review. Vilnius, 1999. №3. URL: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/1999—3/Butkus.pdf> (дата обращения: 25.02.2012).

Об авторе

Манкевич Мария Анатольевна, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: ourhistory@mail.ru

THE VILNIUS ISSUE IN INTERNATIONAL RELATIONS: THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

M. A. Mankevich

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on March 1, 2012

This article considers certain historiographical aspects of the Vilnius issue as an international problem. The author analyses the origins of the Polish-Lithuanian conflict, the role of struggle for Vilnius in the general context of Polish-Lithuanian confrontation, and the origin and nature of Lithuanian nationalism. The article also examines historiographical perspectives on the seizure of Vilnius by the troops of the Polish general, L. Żeligowsky, and the international consequences of the violation of the Suwalki Agreement. The author pays special attention to the positions of western powers, the decision of the Conference of Ambassadors on March 15, 1923, and the mediation of the League of Nations in the territorial dispute between Lithuania and Poland. The article considers the existing historiographical concepts and evaluations of the role of Soviet diplomacy in the Vilnius issue. The author identifies new trends in the contemporary historiography of the Vilnius problem.

Key words: Lithuania, Poland, USSR, League of Nations, historiography, international relations, Vilnius issue, 1918—1939.

References

1. Senn, A. E. 1966, *The Great Powers, Lithuania and the Vilna Question 1920—1928*, Leiden.
2. Žalys, V. 2007, *Lietuvos diplomatijos istorija (1925—1940)*, T. 1, Vilnius.
3. Matulaitis, E. S. 1936, *Litovcy pod gnjotom fashistskoj Pol'shi [Lithuanians are under the yoke of Nazi Poland]*, Minsk.
4. Shubin, I. 1923, *(Samarin) Parizh — Varshava — Vil'no (Vilenwina na perekrestke imperskih putej Francii) [(Samarin) Paris — Warsaw — Vilna (Vilnius at the crossroads of imperial way of France)]*, Moskow.
5. Anysas, M. 1934 *Der litauish-polnische Streit um das Wilnagebiet von seinen Anfängen bis zum Gutachten des ständigen Internationalen Gerichtshofes vom. 15. Oktober 1931*, Berlin.
6. Budecki, Z. 1928, *Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918—1928*, Warszawa.
7. Gražinis, K. 1927, *La Question de Vilna*, Paris.
8. Natkevičius, L. 1930, *Aspect politique et juridique différend Polono-Lithuanien*, Kaunas.
9. Urbšys, J., 1932, *Medžiaga Vilniaus ginčo diplomatinei istorijai*, Kaunas.
10. Buchowski, K. 2003, Dwudziestowieczna Litwa w historiografii polskiej po 1989 roku. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 120—126.

11. Kasparavičius, A. 2003, Współcześni historycy litewscy o sprawie Wilna i stosunkach polsko-litewskich w latach 1918—1940 oraz zmiany w potocznej świadomości Litwinów. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 102—113.
12. Miknys, R. 2003, Historiografia litewska wobec problemów narodowościowych w pierwszej połowie XX wieku. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 114—119.
13. Asharchuk, V.A. 2010, Vilenskaja problema v istoriografii [Wilensky problem in the historiography], *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Belarusian Journal of International Law and International Relations]*, no. 4, available at: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1761&Itemid=232 (accessed 17 November 2011).
14. Römeris, M. 1996, Lenkų ir lietuvių ginčas, *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*, Vol. 13, pp. 246—254.
15. Žepkaitė, R. 1980, *Diplomatija imperializmo tarnyboja: Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1919—1939 m.*, Vilnius.
16. Žepkaitė, R. 1983, *Litovsko-pol'skie otnoshenija v 1919—1939 gg. i ih mesto v politicheskoj konstellacii Severo-Vostochnoj Evropy [Lithuanian-Polish relations in the years 1919—1939 and their place in the political constellation of the North-Eastern Europe]*, Vilnius.
17. Žiugžda, R. 1983, *Lietuva imperialistinių vlastibių planuose 1917—1940*, Vilnius.
18. Grishin, Ja. Ja. 2005, *Neobychnyj ul'timatum [An unusual ultimatum]*, Kazan.
19. Mihutina, I. V. 1994, *Pol'sko-sovetskaja vojna 1919—1920 gg. [The Polish-Soviet War 1919—1920]*, Moscow.
20. Wielhorski, W. 1947, *Polska a Litwa: Stosunki wzajemne w biegu dziejów*, London.
21. Stražas, A. S. 1996, From Auszra to the Great war: the emergence of the Lithuanian nation, *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, Vol. 42, no. 4, available at: http://www.lituanus.org/1996/96_4_03.htm (accessed 19 December 2011).
22. Zaunius, D. 1990, Du Lietuvos užsienio politicos dešimtmečiai, *Lietuva 1918—1938*, Kaunas, Šviesa, pp. 30—43.
23. Łossowski, P. 1996, *Konflikt polsko-litewski 1918—1920*, Warszawa.
24. Buchowski, K. 2005, *Szkice polske-litewskie: czyli o nielatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku*, Toruń.
25. Rukša, A. 1981, *Kovos dėl Lietuvos nepriklausomybės. II tomas: lietuvių-lenkų santykiai ir kovų pradžia*, Cleveland.
26. Grodis, A. 2008, Lietuvos politinių partijų į Lenkiją 1920—1926 metais: nuo modus vivendi paieškų iki nuolatinės konfrontacijos, *Lietuvos istorijos studijos*, no. 2, pp. 37—57.
27. Rauch, G. 1987, *The Baltic States: The years of independence. Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940*, London.
28. Cesarz, Zb. K. 1993, *Polska a Liga Narodów: kwestie terytorialne w latach 1920—1925: studium prawno-polityczne*, Wrocław.
29. Čepėnas, P. 1986, *Naujųjų laikų Lietuvos istorija*, T. 2. Chicago.
30. Gaigalaitė, A. 1999, *Lietuva Paryžiuje 1919 metais*, Kaunas.
31. Šatas, J. 1991, *Lietuvos tarptautinės pripažinimas: praetis ir dabartinės realijos*, Vilnius.

32. Žepkaitė, R. 1986, *Lietuva ir didžiosios valstybės 1918—1939 m*, Kaunas.
33. Plotnikov, A. Ju. 2009, *Pribaltijskij rubezh: K desjatiletiju zaključenija rossijsko-litovskogo dogovora o granice [Baltic milestone: the tenth anniversary of the conclusion of the Lithuanian-Russian border treaty]*, Moscow.
34. Miškinis, P. 1976, *Lietuvos ir Lenkijos santykių tarptautiniai teisiniai aspektai (1919—1939)*, Vilnius.
35. Rubtsov, A.F. 1988, *Litva v politike francuzskogo imperializma, 1918—1924 [Lithuania in the policy of French imperialism, 1918—1924]*, Tomsk.
36. Pochs, K. Ja. 1985, «Sanitarnyj kordon»: *Pribaltijskij region i Pol'sha v antisovetskij planah anglijskogo i francuzskogo imperializma (1921—1929 gg.) [«Cordon sanitaire»: Baltic region and Poland in the anti-Soviet plans for the British and French imperialism (1921—1929)]*, Riga.
37. Vilkelis, G. 2006, *Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje*, Vilnius.
38. Mankevich, M. A., 2009, Narushila li Litva neįtralityt v sovetsko-pol'skoj vojne? Dokumenty i materialy o pol'sko-litovskih peregovorah 1920 g. [Violated the neutrality of whether Lithuania in the Soviet-Polish war? Documents and materials of the Polish-Lithuanian negotiations in 1920], *Baltijskie issledovanija. Vostochnaja Prussija i Kaliningradskaja oblast' v XX veke [Baltic Studies. East Prussia and the Kaliningrad region in the XX century]*, no. 5, pp. 5—23.
39. Kasparavichius, A. 2004, Sovetskaja diplomatija i pol'sko-litovskij konflikt, 1925—1935 gg. [Soviet diplomacy and the Polish-Lithuanian conflict, 1925—1935], *Sovetsko-pol'skie otnoshenija v politicheskijh uslovijah Evropy 30-h godov HH stoletija [The Soviet-Polish relations in the political conditions of Europe 30-ies of XX century]*, Moscow, pp. 129—138.
40. Laurinavičius, Č. 2000, Geopolitikos ir demokratijos dilema: moderniosios Lietuvos užsienio politika ir Steigiamasis Seimas [Geopolitics and democracy dilemma modern Lithuanian foreign policy and the Constituent Seimas], *1920—1922 metų parlamentinė patirtis: sprendimų politika, tikslai, aplinkybės [1920—1922 years of Parliamentary experience: policy decisions, objectives, circumstances]*, Vilnius, pp. 33—40.
41. Butkus, Z. 1999, The diplomatic cooperation between Germany and the USSR in the Baltic States in 1920—1940, *Lithuanian Foreign Policy Review*, no. 3, available at: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/1999—3/Butkus.pdf> (accessed 25 February 2012).

About author

Maria A. Mankevich, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: ourhistory@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
ЭПИЗОДЫ АНШЛЮСА
КЛАЙПЕДЫ/МЕМЕЛЯ
В МАРТЕ 1939 ГОДА**

А. Л. Арбушаускайте*

На основе архивных документов и анализа исторических исследований рассматриваются проблемы дипломатических отношений между Литвой и Германией в 1938—1939 гг. Автор статьи подчеркивает методы, использованные немецкой стороной в Клайпедском крае с целью разрушить систему, созданную Версальским договором, внушить национал-социалистические идеи жителям Клайпедского края и подготовить местное население к одобрительному восприятию возвращения этой территории германскому Рейху. Детально описываются действия нацистских и военизированных формирований во время аншлюса Клайпедского края в 22—25 марта 1939 г. Анализ событий достоверно показывает, что с немецкой стороны весь ход аншлюса был хорошо и четко спланирован, а население идеологически обработано и готово к решающему перевороту. Вместе с тем реакция с литовской стороны на эти события выражалась в диапазоне от низкопоклонства до панического бегства. Клайпедский край отошел к Германии без единой капли крови.

Ключевые слова: Клайпедский край, Клайпеда, Мемель, аншлюс, нацисты, Бертулейт, Нойманн.

После Первой мировой войны, когда союзники по Антанте решали судьбу проигравшей Германии, появляется новое территориально-административное понятие «Клайпедский край». Правовой статус края и его жителей определен 99-й статьей Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г. Основным юридическим документом, который регламентировал экономическую, политическую и социальную жизнь этой территории, была Конвенция о Клайпедском крае с приложением его Статута. После включения этой территории на правах автономии в со-

---

* Клайпедский университет.

LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Поступила в редакцию 05.03.2012 г.

став Литовской Республики отношения между Литвой и Германией в первую очередь определялись строгим соблюдением названных международно-правовых документов, которые разграничивали полномочия этих государств в административной и экономической сферах.

Германия никогда не скрывала, что она будет добиваться пересмотра Версальского договора. Эта идея была реализована в 1939 г., когда литовское правительство вынуждено было шаг за шагом удовлетворять, в сущности, все требования немцев. Такую линию на уступчивость по отношению к Германии поощряли Великобритания и Франция, государства, чьи представители поставили свои подписи под соглашением о присоединении Клайпедского края к Литве.

Двадцать пятого марта 1938 г. Германия потребовала, чтобы литовское правительство распустило охранную полицию, отменило в Клайпедском крае военное положение и цензуру немецкой печати. Кроме того, германская сторона настаивала на ограничении полномочий клайпедского губернатора, который назначался президентом Литовской Республики, а также на освобождении из тюрьмы осужденных за нацистскую деятельность Нойманна и Сасса¹. Все требования Германии, направленные на то, чтобы создать в Клайпедском крае условия для беспрепятственной антилитовской деятельности нацистов, были выполнены.

Геополитическая ситуация в Европе становилась все более сложной, напряженность существенно возросла после заключения Мюнхенского соглашения и аннексии Судетской области. Естественно, в Литве не могли не думать: а кто будет следующим? При этом происходящее в Клайпедском крае как бы подсказывало ответ на этот вопрос. Об усиливающемся напряжении свидетельствуют события лета 1938 г.: каждый раз, когда в Клайпеду приходили немецкие пассажирские лайнеры, нацисты инспирировали беспорядки в порту.

Например, 4 июня 1938 г. там собралась большая толпа проводить корабль «Танненберг». Как только он отшвартовался от набережной, послышались возгласы стоящих на палубе: «Memelländer, durchhalten!» («Клайпедчане, держитесь!»). Это было похоже на подливание масла в огонь. На набережной толпа стала скандировать гитлеровские лозунги: «Мы хотим вернуться в Рейх! Одна нация — один вождь!» Во время встречи корабля «Пройссен» 31 июня нацистские лозунги, гимны и песни звучали еще смелее. А при подготовке к встрече 28 июня круизного судна «Ханзештадт Данциг» руководство порта огородило причал высоким забором, поблизости на рейде расположился мощный портовый ледокол «Перкунас» с брандспойтами для тушения пожара. Свидетели вспоминают, что в тот день в государственных учреждениях, ре-

---

¹ В ходе судебного процесса в 1934—1935 гг. над 123 членами клайпедских нацистских партий, вошедшего в историю под названием «процесса Нойманна — Сасса», Эрнст Нойманн, в частности, был осужден на 12 лет тюремного заключения. Под давлением германского правительства президент Литвы сначала смягчил вынесенные судом приговоры, а затем помиловал почти всех осужденных, восстановив их в гражданских правах.

дакциях газет, конторах и в городских кафе основной темой разговоров было прибытие корабля «Ханзештадт Данциг».

К вечеру по обе стороны забора стали собираться люди. С одной стороны стояла литовская пограничная полиция, с другой — автономная полиция Клайпедского края. Число демонстрантов достигло нескольких тысяч. Все они «встречали» сходящих с корабля 50 пассажиров. В район порта прибыл комендант Клайпедского края, начальники пограничной и охранной полиции, таможенники, литовцы — работники порта.

Дальнейшую эскалацию в развитии событий впоследствии объяснить никто не смог. Когда напряжение в толпе достигает критической точки, достаточно малейшей искорки для возникновения пожара. Что стало той искоркой? Может быть, звук сирены входящего в порт корабля. Может быть, потоки воды, внезапно полившие на возбужденную толпу с ледокола «Перкунас». Все смешалось: нацисты кидали камни в литовцев, литовцы в нацистов, все сообща и каждый в отдельности «сражались» с полицией; послышались выстрелы и упали первые раненые... Ранения получили около 15 полицейских и примерно столько же демонстрантов. Раненый литовец Петрас Контаутас вскоре скончался в больнице Красного Креста. Дальше драка из порта перекинулась на улицы города и продолжалась до полуночи.

Эти события широко комментировались в зарубежной и литовской печати. Министерство иностранных дел Германии ввело для компании «Зиденст Остпроеисен» временный запрет на заход ее кораблей в Клайпеду. Гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох недвусмысленно посоветовал клайпедским нацистам не перегибать палку и утихомириться... Еще не пришло время...

Шовинистические выпады автономного правительства продолжались. Директория объявила, что государственная охранная полиция распускается, потому что ее наличие противоречит Статуту Клайпедского края. С головных уборов полицейских были удалены государственные эмблемы и вместо них пристегнуты зелено-бело-красные кокарды. По указанию директории из всех школ края были изъяты портреты президента и герб Литвы. Одиннадцатого ноября 1938 г. собрание делегатов города потребовало от магистрата восстановить снесенные в 1923 г. немецкие скульптуры [1]; 4 декабря того же года на старом месте был восстановлен памятник Борусии, немного позднее — и статуя кайзера Вильгельма.

Одиннадцатого декабря 1938 г. состоялись выборы в VI Сеймик (парламент) края², в результате которых нацисты заняли основные позиции в краевых автономных учреждениях. Вновь избранные депутаты Сеймика отказались присягнуть президенту Литовской Республики и Конституции. Литовское правительство вынуждено было уступить и допустить приезд в край учителей-немцев, выдав им разрешения на проживание и работу.

² Сеймик — выборный (представительный) орган автономной власти края; директория — орган исполнительной власти автономии.

Прежняя администрация 23 января 1939 г. передала полномочия новой директории Вилюса Бертулайтиса (Willi Bertuleit). Таким образом, судьба края перешла в руки чисто немецкой администрации. Новый председатель директории, бывший директор банка В. Бертулайтис, заместитель командира отрядов штурмовиков Эрнста Нойманна, не пригласил в члены директории ни одного литовца. Принимая присягу, В. Бертулайтис очертил основные направления своей будущей деятельности: «Новая директория, руководствуясь основами национал-социалистического мировоззрения, считает своей целью проложить путь нашему родному краю в счастливое будущее... Пропаганда против национал-социализма ни в коем случае не будет допускаться» [2].

Став во главе директории края, Бертулайтис сразу заставил всех служащих автономных учреждений записаться в отряды штурмовиков, в противном случае пообещав «выслать их туда, где не светят ни солнце, ни луна» [3]. Тем самым был четко обозначен новый политический курс директории края.

Следует упомянуть и о том, что весной 1938 г. выпущенный из тюрьмы Э. Нойманн приступил к исполнению указания МИДа Германии основать Союз немецкой культуры Клайпедского края (Memeldeutsche Kulturverbund). Цели этого Союза были сформулированы следующим образом: «проложить путь [для населения края] к немецким культурным и духовным ценностям и национал-социалистическому мировоззрению» [2]. Было введено нацистское приветствие с поднятой правой рукой, а затем и с нацистским кличем «Зиг! — Хайль!»; члены Союза по возрасту и своим психологическим характеристикам были разделены на разные функциональные группы. В рамках Союза была создана Служба порядка (Ordnungsdienst), чья униформа и символика напоминали нацистские. В эти группы отбирались мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, ростом не ниже 172 см, чаще всего спортсмены. Вполне вероятно, что для многих кандидатов вступление в эту организацию представлялось желанным и знаменательным событием, потому что группы Службы порядка были достаточно многочисленными и существовали даже в маленьких поселениях.

Немцы мужского пола более старшего возраста, которые не принадлежали к отрядам Службы порядка, обязаны были вступать в Службу безопасности (СБ) немцев Клайпедского края (Memeldeutsche Sicherheitsabteilung), создаваемую по примеру отрядов штурмовиков в Германии (Sturmabteilung). Структура СБ Клайпедского края была следующей: отделение из 10—15 мужчин; отряд — 3 отделения; рота — 5 отрядов; батальон — 2 роты. В 1939 г. самым большим подразделением СБ был батальон. Уже весной 1939 г. только в городе Клайпедде в отряды штурмовиков записалось около 3 тыс. мужчин [4]. Двадцать седьмого января в канцелярию СБ были приглашены представители газет «Тагеблатт» и «Мемелер Дампфбот». Прибывший из Германии инструктор Вебер объявил, что во всем крае созданы четыре штурмовых отряда: по одному в г. Клайпедде и в округе, остальные два — в Шилуте и Пагегяе. Кроме того, сформирован и отдельный морской штурмовой

отряд. Всего в подразделениях СБ состояли 6 тыс. членов [5]. Более молодые люди, в сущности подростки, привлекались в гитлерюгенд.

В связи с созданием этих организаций обращает на себя внимание то, что за каждой из них был закреплен своеобразный «обслуживающий персонал»: местные чиновники, которые постоянно контролировали поведение членов групп, собирали сведения об их взглядах, лояльности, выявляли предателей. Отбор в отряды штурмовиков был строгим, в них не принимали ранее судимых, морально неустойчивых и неблагонадежных. Из Германии в Клайпеду постоянно приезжали инструкторы, которые готовили местных командиров.

Главным командиром Службы безопасности Клайпедского края был Э. Нойманн. Стремясь объединить действующие в крае немецкие организации, он создал Союз командиров (Führerkreis), в который вошли все члены директории, руководство Союза немецкой культуры, Службы порядка, командиры штурмовиков, рабочего фронта и рабочих союзов. Практически все мужчины, которые могли носить оружие, были идеологически организованы и находились под контролем.

Все эти события ясно показывали, что пронемецкие (точнее — пронацистские) силы в Клайпедском крае набирают силу и побеждают. Ими было организовано много шумных и помпезных митингов и маршей. Эмоциональная речь Э. Нойманна, произнесенная на митинге в Вене, помогла многим клайпедчанам поверить в то, что придет время, когда желание всех немцев — вернуться в состав Рейха — сбудется [5, l. 95—96]. Речь другого нациста — вождя всех немецких спортсменов Фрица Вальгана — сводилась к следующим основным тезисам: 1) никто из немцев никогда не поднимет белый флаг; 2) люди хотят воссоединиться со своим народом, кровь — со своей кровью, и этому никто не сможет помешать; 3) прошло время, когда литовцы преследовали и пытали немцев [ibid].

Пропагандисты и агитаторы действовали и в сельской местности. На собраниях сельских общин (Landwirtschaftlicherverein) принимались резолюции в связи с аншлюсом Клайпедского края. Одно такое собрание земледельцев проходило 17 февраля 1939 г. в Дирвупяе. В резолюции собрание потребовало, чтобы немецкие командиры Клайпедского края ускорили аншлюс, подчеркивая, что община не успокоится до тех пор, пока Клайпедский край не будет принадлежать Германии. Между тем из Берлина немецким руководителям края было рекомендовано объяснить жителям, что аншлюс в данный момент невозможен, так как Германия занята более важными делами. Однако она обещает отвоевать для клайпедчан право воспитываться в национал-социалистическом духе. Если каунасское правительство попытается притеснить национал-социалистическое движение и применять экономические санкции, тогда Германия вмешается. Сейчас делать это оснований нет, потому что клайпедчан никто не преследует [6].

Семнадцатого марта 1939 г. в газете «Летувос жиниос» было опубликовано сообщение германского телеграфного агентства: «В зарубежной печати сегодня вновь появились слухи, что Германия намеревается в ближайшее время присоединить Клайпедский край. В политических кругах нет никаких сообщений и намеков, которые позволили бы сде-

лать вывод о таких намерениях. Здесь о таком плане ничего неизвестно» [7].

«В ближайшее время»... «ничего неизвестно»... Между тем до решающих событий оставалось всего несколько дней.

В Клайпеде все произошло за одну ночь. «Клайпеда была — и Клайпеды нет. Во вторник ложились при литовской власти, в среду вставали уже под немецкой...», — с горечью пошутил корреспондент газеты «XX амжюс» («XX век») [8].

Двадцать второе марта, среда, 8 часов утра. Радио Гейльсберга (совр. г. Лидзбарк-Варминьский в Польше) сообщило, что правительства Германии и Литвы договорились о передаче в тот же день Клайпедского края Германии. Через полчаса об этом сообщило московское и каунасское радио [9]. Около 9 часов начинают завывать сирены фабрик, на домах вывешиваются флаги со свастикой.

Утро среды больше всего врезалось в память. Флаги со свастикой, звон колоколов костелов, сирены предприятий и кораблей, самолеты в небе, по литовскому радио — только развлекательная музыка, по немецкому — каждые полчаса повторяется одна фраза: «Клайпеда свободна!» («Memel ist frei!»), толпы людей в банках, сберегательных кассах, очереди у телефонов...

Большинство литовских предприятий и учреждений не прерывали свою работу. В издательстве «Ритас» («Утро») продолжали готовить очередной выпуск газеты. В тот день вышел последний номер газеты «Вакарай» («Запад», или «Вечер») — №68. Редколлегия этого издания символически попрощалась со своими читателями: «Кто должен отступить, тот должен это сделать, как моряк покидает свой корабль. Те, кто стали крысами, никогда не смогут гордиться своим поступком. Но... часть людей ведь останется здесь, несмотря на то, как сложится их судьба. Остающиеся, крепите свой дух, умейте быть твердыми и осторожными. Не забудем, что колесо истории никогда не останавливается» [1, 1939, №68]. Накануне, 21 марта, всех руководителей органов центральных литовских властей пригласил к себе губернатор Викторас Гайлюс и коротко проинформировал о складывающейся ситуации. После этого совещания многие литовские чиновники поторопились как можно скорее вывезти свои семьи из Клайпедского края. Члены Службы порядка и штурмовики призывали литовцев покидать Клайпеду, так как потом будет поздно. А полиция, наоборот, успокаивала жителей и призывала никуда не уезжать³. Губернатор Гайлюс 22 марта в своем обращении, которые опубликовали местные газеты, призывал жителей сохранять спокойствие⁴.

---

³ Это несоответствие заметили журналисты газеты «Летувос жиниос» («Литовские известия») [7].

⁴ Обращение опубликовала 22 марта клайпедская газета «Вакарай» и другие издания; газета «XX амжюс» первой напечатала Договор с приложениями. Самая читаемая газета литовцев Восточной Пруссии «Летувос келейвис» это обращение опубликовала 23 марта. Информировав читателей о том, что Клайпедский край возвращается к Германии, и о том, какие требования Германии были удовлетворены, газета данный вопрос больше не поднимала.

В тот день в Клайпеду были стянуты отряды штурмовиков. Между 10 и 11 часами местные подразделения Службы порядка и штурмовые отряды совместно с полицией края заняли литовские учреждения: таможню, почту, радиостанцию и др. Они окружили здание управления пограничной полиции, находившихся там должностных лиц обезоружили и затем отпустили, сняли вывеску учреждения, а сами остались внутри. Порт Клайпеды заняли отряды Службы порядка. Полицейские с винтовками охраняли банк и здание, в котором располагалась официальная резиденция клайпедского губернатора, куда в тот день люди еще могли свободно заходить. Возле почты, таможенных учреждений и в других местах стояла немецкая охрана.

Вечером 22 марта, в 21.20 началось первое и последнее заседание вновь избранного Сеймика, на котором председательствовал Э. Нойманн. Он единственный и произнес речь, а точнее зачитал прокламацию по поводу возвращения Клайпеды Германии, подчеркнув, что Мемельская область будет отделена от промышленных регионов Германии и присоединена к земледельческому. В конце речи раздалось несколько выкриков «Sieg! Heil!», были исполнены оба гимна Германии⁵, и VI Сеймик Клайпедского края, для избрания которого было приложено много организационных и пропагандистских сил, был распущен. Автономия края закончилась.

После обеда и к вечеру 22 марта начались аресты активных литовских деятелей и руководителей литовских учреждений. Они продолжались всю ночь. В Клайпедском крае было арестовано около 200 человек.

Требование вернуть Клайпедский край Германия поддержала и военной силой. Для этой цели были использованы расположенные ближе к восточно-прусской литовской границе 22-й и 43-й пехотные полки, моторизованные отряды 1-го корпуса, подразделения военного флота и береговой охраны [10]. Немецкие военные части переправились через Тильзитский мост 22 марта между 19 и 21 часами. Одни повернули в сторону Пагегия и Шилуте, другие моторизованные части полиции и отряды штурмовиков направились в сторону Клайпеды, куда они прибыли уже вечером 22 марта.

Вечером того же дня, в 23.55, в Берлине был подписан договор о передаче Клайпедского края Германии. Договор подписали министры иностранных дел Литвы и Германии Й. Урбшис и Й. фон Риббентроп. Отдельным секретным протоколом было определено время (7 часов утра 23 марта 1939 г.), до которого Клайпедский край должны покинуть литовские регулярные военные формирования.

Двадцать третьего марта, в четверг, задолго до 5 часов утра в Тильзите по направлению к мосту Королевы Луизы двинулись солдаты немецкой армии, впереди колонны — оркестр. И хоть было раннее утро,

⁵ Во времена нацистской Германии (1933—1945 гг.) сложилась традиция все массовые мероприятия заканчивать исполнением двух гимнов: старым «Deutschland, Deutschland über alles» и так называемой песней Хорста Веселя (Horst Wessel Lied) «Die Fahne hoch», которая считалась гимном нацистской партии.

но солдат провожала большая толпа людей, которые пели национальный гимн. Как писала газета «Науясис Тильжес келейвис» («Новый Тильзитский попутчик»), солдат в Клайпедский край отправилось очень много — пехота, полевая артиллерия, велосипедисты, моторизованная артиллерия, летчики, разведчики, броненосцы и другие части. Движение солдат через мост длилось около двух часов [11].

По данным немецкого телеграфного агентства, в 7 часов утра 23 марта лидер клайпедских немцев Э. Нойманн прибыл на автомобиле в Тильзит. Вскоре там оказался и министр внутренних дел Германии Вильгельм Фрицк, а также руководитель национал-социалистов Восточной Пруссии Эрих Кох. Через несколько минут большая колонна автомобилей переправилась через Неман в Клайпедский край. За ними через границу перешли группы членов немецкой национал-социалистической партии с флагами, но они вскоре вернулись по мосту обратно в Тильзит, как бы показывая своими действиями, что границы больше нет.

Так Э. Нойманн открыл путь для оккупации края. Из Германии начали двигаться моторизованные части немецкой армии. Вскоре, после 8 часов утра, немецкая армия дошла до Клайпеды. Это был самый важный день в истории нацистской Клайпеды (Мемеля) — 23 марта город посетил Адольф Гитлер.

Уже в 10.30 Клайпедское радио стало транслировать сообщение, что броненосец «Дойчланд» («Deutschland») в сопровождении флотилии нескольких кораблей, гидропланов и военных самолетов движется в Клайпедский порт⁶. Прибывающего сюда фюрера торопились встретить Э. Нойманн и В. Бертулайтис.

Фюрер в портовом городе долго не задержался. После встречи в порту в сопровождении людской толпы он прибыл на площадь, где с балкона театра произнес речь. В ней Гитлер заявил: «...немцы не собираются никому в мире делать ничего плохого, но нужно было прекратить страдания, которым в течение 20 лет подвергались немцы со стороны целого мира... Мемельских немцев Германия однажды уже бросила на произвол судьбы, когда смирилась с позором и бесславием. Сегодня мемельские немцы... опять становятся гражданами могучего Рейха, решительно настроенного взять в свои руки свою судьбу, даже если это не нравится половине мира»⁷.

---

⁶ Из сообщений второго отдела литовской армии: «23 марта 1939 года в 10.20 прибыла эскадра немецкого военного флота в составе 31 единицы. Прибыли корабли следующего назначения: крейсер “Дойчланд”, миноносцы, торпедоносцы, минные тральщики (из Пиллау), 3-я флотилия эскадренных миноносцев. Возле маяка остановились 11 эскадренных миноносцев. Есть гидропланы. Десантные полки привезли легкие пушки на колесах. Моряки вооружены карабинами» [13].

⁷ Речь А. Гитлера, произнесенная с балкона клайпедского театра, была напечатана или пересказана фрагментами почти всеми литовскими газетами. Официальный перевод на литовский язык не найден. Здесь цитируется вариант перевода из утреннего выпуска газеты «Летувос айдас» от 24 марта [14].

Символически передав Мемельскую область видному нацисту Э. Нойманну, фюрер вернулся обратно в Германию. В это время в Клайпеде, около 13 часов, над зданием губернского управления поднялся флаг со свастикой. С этой минуты Клайпеда перестала существовать. Остался только Мемель. И хотя литовские учреждения до 14 часов работали почти спокойно, в 16.00 через громкоговорители было объявлено, что все бывшие учреждения и предприятия центральной власти заняты и окончательно перешли под юрисдикцию органов власти края. Одновременно были прерваны все коммуникации Клайпедского края с Литвой и Восточной Пруссией; 22 марта прекратилась телефонная связь, а когда через сутки ее восстановили, то на нее уже распространилось действие германских тарифов, которые также были введены на почтовые отправления и телеграммы.

После обеда 23 марта новая граница Литвы и Германии уже была занята пограничными войсками обеих стран. С литовской стороны, как обычно, стояла пограничная полиция, с немецкой — таможенники, отряды штурмовиков и местами армия. Примерно на расстоянии 200—300 метров от границы были организованы специальные пункты гестапо. Закрытие границы приостановило паническое бегство литовцев из Клайпедского края.

В Каунасе в срочном порядке Совет министров Литовской Республики обсудил практические вопросы, связанные с отторжением Клайпедского края. Основным стал вопрос, каким способом эвакуировать имущество государственных предприятий и учреждений и персонал? На том же заседании было решено учредить в Клайпеде генеральное консульство Литвы, а до начала его работы право решать соответствующие вопросы было предоставлено литовскому консульству, в срочном порядке переведенному в Клайпеду из Тильзита [12].

Согласно подписанному договору о передаче края оба правительства создали ликвидационные комиссии. Литовская сторона главным комиссаром назначила директора департамента экономики МИД Й. Норкайтиса⁸. Германия комиссаром по передаче имущества и Клайпедского края назначила председателя дирекции В. Бертулайтиса. Генеральную доверенность на принятие решений и ведение всех дел, имевшую более высокий статус, чем доверенность В. Бертулайтиса, имел Эрнст Нойманн. Щепетильные вопросы было поручено решать гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху Коху. Комиссары обоих государств официально встретились 24 мая 1939 г. Начался процесс передачи Клайпедского края.

Список литературы и источников

1. *Vakarai*. 1938. 11 gruodžio. №264. P. 9.
2. *Keleivis*. 1956. Nr. 3.

⁸ Он оказался самой подходящей кандидатурой для такого дела. Экономист и финансист Й. Норкайтис в 1923 г. был уполномоченным Министерства финансов в Клайпедском крае, работал начальником клайпедской таможни, хорошо знал край и его жителей.

3. *LCVA* (Литовский центральный государственный архив). F. 923. Ap. 1. B. 1082. L. 198 (Valstybės saugumo departamento (VSD) biuletėnis №26. 31.01.1939).
4. *LCVA*. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 113 (VSD biuletėnis №29. 02.02.1939).
5. *LCVA*. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 97 (VSD biuletėnis №23. 30.03.1939).
6. *LCVA*. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 180 (VSD biuletėnis №46. 24.02.1939).
7. *Lietuvos žinios*. 1939. 17 kovo.
8. *XX amžius*. 1939. 23 kovo.
9. *Martynas A. Kova dėl Klaipėdos*. Čikaga: Kultūrai remti draugija, 1978. P. 385—387.
10. *LCVA*. F. 929. Ap. 2. B. 1084. L. 7 (Vokietijos karinė veikla 1939 m. Analitinė Kariuomenės štabo II skyriaus pažyma. Slaptai. Nr. 6291. 01.05.1940).
11. *Naujasis Tilžės keleivis*. 1939. 25 kovo. №24.
12. *LCVA*. F. 923. Ap. 1. B. 1080. L. 51 (Ministrų tarybos 1939 03 23 posėdžio protokolas).
13. *LCVA*. F. 929. Ap. 3. B. 1095. L. 34 (Žinios apie Klaipėdos kraštą 1939 m. kovo 23 d. iki 13 val.).
14. *Lietuvos aidas*. 1939. 24 kovo. №135.

Об авторе

Арбушаускайте Аруне Люция, доктор социальных наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии Балтийского региона, Клайпедский университет, Литва
E-mail: arbusharune@gmail.com

EPISODES OF THE KLAIPEDA/MEMEL ANSCHLUSS IN MARCH, 1939

A. L. Arbušauskaitė

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipėda, LT-92294, Lithuania

Received on March 5, 2012

This article discusses the complicated diplomatic relations between Lithuania and Germany in 1938—1939 on the basis of archive documents and historical studies. The author identifies the methods used by Germans in the Klaipėda region in order to destroy the system established by the Treaty of Versailles, propagate national socialist ideas among the population, and spread a positive attitude to the restoration of the region as a part of the German Reich. The author offers a detailed analysis of the actions of the Nazi and paramilitary groups during the Anschluss in March 22—25, 1939. An examination of the events clearly demonstrates that the German party had a well-devised plan of Anschluss, while the population had been ideological indoctrinated and was ready for the fateful conversion. At the same time, the reactions of the Lithuanian party ranged from servility to panic flight. The Klaipėda region was taken by Germans without a drop of blood spilled.

Key words: Klaipėda region, Klaipėda, Memel, Anschluss, Nazis, Bertuleit, Neumann.

References

1. *Vakarai*, 1938, 11 gruodžio, no. 264, p. 9.
2. *Keleivis*, 1956, no. 3.
3. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 923. Ap. 1. B. 1082. L. 198, *Valstybės saugumo departamento (VSD) biuletėnis*, no. 26, 31.01.1939.
4. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 113, *Valstybės saugumo departamento (VSD) biuletėnis*, no. 29, 02.02.1939.
5. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 97, *Valstybės saugumo departamento (VSD) biuletėnis*, no. 23, 30.03.1939.
6. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 378. Ap. 10. B. 186. L. 180, *Valstybės saugumo departamento (VSD) biuletėnis*, no. 46, 24.02.1939.
7. *Lietuvos žinios*, 1939, 17 kovo.
8. XX amžius. 1939, 23 kovo.
9. *Martynas, A.* 1978, Kova dėl Klaipėdos. Čikaga: Kultūrai remti draugija, p. 385—387.
10. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 929. Ap. 2. B. 1084. L. 7, *Vokietijos karinė veikla 1939 m. Analitinė Kariuomenės štabo II skyriaus pažyma. Slaptai*, no. 6291, 01.05.1940.
11. *Naujasis Tilžės keleivis*, 1939. 25 kovo, no. 24.
12. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 923. Ap. 1. B. 1080. L. 51, *Ministrų tarybos 1939 03 23 posėdžio protokolas*.
13. Lietuvos centrinės valstybės archyvas. F. 929. Ap. 3. B. 1095. L. 34, *Žinios apie Klaipėdos kraštą 1939 m. kovo 23 d. iki 13 val.*
14. *Lietuvos aidas*, 1939. 24 kovo, no. 135.

About author

Dr. Arūnė L. Arbušauskaitė, Institute of the Baltic Region History and Archaeology, Klaipėda University.

E-mail: arbusharune@gmail.com

УДК 623.764(73+470+571)

**КОНЦЕПЦИЯ
ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ЛИТВЕ
В 1920—1930-е ГОДЫ**

В. Йокубаускас*

Анализируется проблема военно-тактической подготовки членов Союза стрелков Литвы (ССЛ) к партизанской войне в 1920—1930-е гг. Малые страны, такие как Литва или другие Балтийские государства, не имея возможности создать мощную армию, обеспечивающую национальную безопасность, вынуждены были искать нестандартные (с точки зрения традиционных методов) способы ведения войны, в том числе использование партизанской стратегии. В исследовании акцентируется распространение концепции партизанской войны в периодической печати этого Союза. Установлено, как менялась интенсивность внедрения в обществе Литвы, и особенно среди стрелков, концепции партизанской войны в газете ССЛ «Тримитас». Рассмотрено также, какие нарративы, связанные с партизанской темой, использовались в целях пропаганды, создавая образ партизана, защитника Родины — Литвы. Анализируются структура и численность Союза в сравнении с похожими организациями в других «малых странах» северо-восточной части Балтийского региона. Исследуется вопрос, какие военные задачи были предусмотрены в планах армии Литвы и как к выполнению этих задач готовились стрелки. Поскольку ССЛ не только осуществлял военную подготовку населения, но и вел патриотическую пропаганду, описывается база культурных учреждений Союза — Дома стрелков, оркестры, библиотеки, хоры, спортивные клубы. Цель статьи — установить, возможна ли была потеря суверенитета Литвой в довоенные годы без последствия — длительной партизанской войны.

---

* Клайпедский университет.
LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Ключевые слова: партизанская война, Союз стрелков Литвы, парамилитарные организации, военная стратегия.

Поступила в редакцию 12.02.2012 г.

*Si vis pacem, para bellum*¹ — известная фраза римского историка Корнелия Непота актуальна во все исторические времена. Военные стратеги разных стран чаще всего задаются вопросом: какие меры следует принять, чтобы в эвентуальной войне достичь победы? Наиболее эффективный способ добиться такой «победы» — избежать самого вооруженного конфликта при достижении определенных целей, выдвинутого правительством. В странах, геополитическая доктрина которых обосновывается целью сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности, наиболее адекватным методом сдерживания внешних экспансионных угроз, несомненно, считается тактика военного устрашения. Доктрина военного устрашения подходит для государств, которые обладают — по сравнению с военной мощью эвентуального врага — большими мобилизационными и тактико-техническими ресурсами. Однако малые государства таким преимуществом отличаются крайне редко. Разумеется, иногда существует возможность достичь эффекта устрашения с помощью синергии военной мощи отдельных государств, но в таком случае требуется создание межгосударственных военно-оборонительных альянсов. Кроме того, доктрину военного устрашения можно «строить» и на основе концепции «вооруженного народа» — партизанской войны.

Сама идея такой войны давно и широко известна. Как заметил политический философ Карл Шмитт, уже в начале XIX в. партизаны в Испании и России, а в ограниченных масштабах и в Австрии сражались с первой современной массовой армией — военными силами Первой Французской империи. Как известно, тактика партизанской войны позволила достичь сравнительно положительных результатов, и ее элементы используются до сих пор [3]. По мнению военного историка Мартина ван Кревельда, в случае военного конфликта между странами с чрезвычайно различающейся мощностью оборонительная тактика более слабой стороны должна опираться на природные препятствия или фортификационные сооружения, которые компенсируют военное превосходство противника. Другая возможность — избегать решающего сражения и применять тактику засад, неожиданных нападений, отступлений, стараясь перехватить военную инициативу, так как вступление в открытый бой привело бы не к победе, а к резне. В то же время автор подчеркивает, что слабость обороняющейся стороны становится существенной силой, поскольку сама способность выживать становится предпосылкой победы, а для сильной стороны «поражением» является война со слабым противником. Чем дольше длится такая война, тем больше возможностей у слабой стороны достичь победы, а у сильной — потерпеть неудачу [2].

Из этих теоретических рассуждений вытекает, что одно из самых рациональных решений — это принятие концепции малой войны и последовательное внедрение в систему военной подготовки своих вооруженных сил тактических элементов ведения партизанской войны. Такая концепция совершенно соответствовала военной доктрине армии Лит-

¹ Если хочешь мира, готовься к войне.

вы в 1920—1930-х гг. Эту доктрину кратко можно описать так: Литва в войну будет втянута в случае крупномасштабного конфликта в Восточной Европе, ее армия будет, сражаясь, отступать и впоследствии вместе с правительством интернируется в дружеской стране. Тем временем на занятой врагом территории Литвы стрелки будут вести партизанскую войну, ожидая освобождения страны победившими союзниками [1].

В данной статье анализируется проблема безопасности Литвы в 20—30-е гг. XX в., а конкретно — применение концепции партизанской войны. Цель исследования — установить, какие структуры вооруженных сил Литвы и как готовились к партизанским действиям, поскольку вопрос *почему* (если знать геополитическое положение довоенной Литвы [11]) не нуждается в дополнительном обсуждении. В статье исследуется вопрос, какие последствия партизанская подготовка может вызвать в случае вторжения вражеской армии?

Историографических работ, посвященных проблематике развития стратегии партизанской войны в Литве, очень мало, и их можно разделить на две группы. К первой относятся труды, в которых дается обзор партизанских действий стрелков — членов военно-общественной организации Союз стрелков Литвы (ССЛ) — в войнах за независимость Литвы (1919—1920 гг.), в период военных пограничных столкновений с вооруженными силами Польши в 1921—1923 гг., которые происходили возле нейтральной зоны между Литовской и Польской Республиками, а особенно во время занятия Польскими войсками Виленского края — территории, еще известной как Срединная Литва (пол. *Litwa Środkowa*) [9; 12; 14; 24]. Ко второй группе принадлежат труды, исследующие военные функции ССЛ [8; 21; 22]. Следует констатировать, что в историографии Литвы практически отсутствуют исследования, уделяющие специальное внимание проблеме влияния довоенного опыта и возможных сценариев партизанской тактики в действиях литовского вооруженного сопротивления 40-х гг. XX вв.

Союз стрелков Литвы: структура и численность

ССЛ был основан в июне 1919 г. в целях обороны мирного населения от грабежа солдат Рабоче-крестьянской Красной армии, армии Польши, Западной добровольческой армии и разных мародеров. ССЛ формировался на основе спонтанно создавшихся партизанских отрядов. Во время войн за независимость Литвы в партизанском движении принимало участие около 0,75% всего населения Литвы [8]. До самой ликвидации ССЛ 11 июля 1940 г. основными элементами в структуре Союза были отдельные взводы и роты, которые функционировали автономно, объединяя членов ССЛ отдельных поселков, городков, а в крупных городах — и заводов, кооперативов, государственных учреждений и городских кварталов. Таким образом, ССЛ выступал территориальной, сетевой и автономной структурой, членство в которой было добровольным и поддерживалось патриотизмом. Важной особенностью

Союза стало то, что своей жизнеспособности он мог не терять даже после уничтожения центральных штабов или после формальной ликвидации самой организации. Взводы и роты ССЛ, в которые входили жившие по соседству, близко знакомые люди или даже родственники, могли общаться между собой и с другими взводами, организовывать и оказывать существенное военное сопротивление даже в условиях захвата территории вражескими войсками.

ССЛ действовал по территориальному принципу, стрелки каждого уезда принадлежали к отдельной военной части — территориальному формированию (лит. *rinktinė*²), которое само по себе не было военно-тактическим подразделением, а лишь административной единицей. Поэтому военные задачи выполняли не территориальные формирования, а отдельные роты и взводы ССЛ. В 1940 г. таких формирований всего насчитывалось 22, а одно из них — территориальное формирование железнодорожников XXII — действовало по всей стране. В составе всех территориальных формирований было около 1200 взводов, но в городах они иногда были объединены в роты. Таким образом, отдельных подразделений было меньше — 872. Около 70% членов ССЛ составляли жители сельских местностей и небольших городков [12], в результате чего взводы часто располагались сравнительно далеко друг от друга и не были многочисленными.

Конечно, масштабы сопротивления могли бы зависеть от величины ССЛ, но по этому вопросу следует выделить два дополнительных аспекта. Первый — число имеющих военную подготовку людей, которые могли бы сражаться и обучать новобранцев партизанских отрядов. Второй — поддержка бойцов местными жителями, которая была крайне важна для успеха и продолжительности сопротивления. Нет сомнений в том, что от поддержки и обеспечения со стороны мирного населения в решающей мере зависит успех партизанских действий. *A priori* ясно, что чем больше людей принадлежат к ССЛ, тем сильнее общество будет поддерживать их действия, при этом не обязательно полностью разделяя их убеждения, но из-за влияния прочных социальных связей. В семейное окружение каждого стрелка — а в довоенной Литве семья в среднем состояла из 4,7 человека [23] — входили родители, братья, сестры и другие родственники. Теоретически можно предположить, что наибольшая часть жителей страны, которые состояли в ССЛ, могли пользоваться поддержкой большинства населения; 2,79% принадлежавших к ССЛ (табл. 1) через семейные связи³, а в основном через другие социальные связи могли «втянуть» в деятельность организации около 1/8 населения довоенной Литвы.

² Дословный перевод *rinktinė* на русский — *сборная*, но по смыслу логичнее этот термин перевести как *территориальное формирование*.

³ Конечно, это только теоретическое предположение, поскольку часть стрелков были членами одной семьи.

Динамика численности ССЛ 1919—1940 гг.

Год	Число подразделений	Строевые	Нестроевые	Всего	Население, млн человек	Доля членов ССЛ от всего населения страны, %
1919	39	—	—	800	~ 2	0,04
1921	—	5224	3160	8384	~ 2	0,42
1922	—	4628	4070	8698	~ 2	0,43
1923	—	—	—	10 546	2,14	0,49
1924	321	9757	4490	14 247	2,176	0,65
1925	370	11 748	5568	17 316	2,204	0,79
1926	436	11 313	6955	18 268	2,228	0,82
1934	—	28 478	—	—	2,476	—
1935	—	24 976	8300	33 276	2,5	1,33
1940	872**	48 107	20 000	68 107	2,443*	2,79

* С Вильнюсским краем — 2,925 млн человек.

** В историографии указывается, что в 1940 г. в ССЛ было 1200 взводов.

Составлено на основе: [8, p. 55—56; 23, p. 126; LCVA, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 66.; LCVA, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.; *Kardas*, 1937, N 13, p. 315].

Разумеется, представленные данные сами по себе не могут ответить на вопрос, насколько значительно мог расширяться контингент ССЛ. Для этого нужен сравнительный анализ данных Литвы и других похожих стран Балтийского региона — Латвии, Эстонии и Финляндии. Сравнить данные о парамилитарных организациях упомянутых стран в 1939—1940 гг. будем по трем параметрам: 1) абсолютная численность; 2) доля членов организации от всего населения страны; 3) плотность строевых членов на территориях стран. Во-первых, мы узнаем, какой военной мощью (в смысле живой силы) обладали похожие и склонные к партизанскому движению организации стран северо-восточной части Балтийского региона. Во-вторых, сможем ответить на вопрос, насколько широка была поддержка населения, которой пользовались эти организации. А в-третьих, можно будет лучше понять, с какой плотностью в случае войны могли действовать партизанские подразделения.

Сравнительный анализ показывает, что больше всего членов было в парамилитарных организациях Финляндии, а второе место по этому показателю занимает самая маленькая из сравниваемых стран — Эстония; Литва была на третьем месте (табл. 2). Но, сравнив плотность строевых членов организаций (то есть число потенциальных бойцов партизанских отрядов), мы видим, что данные Литвы и Эстонии в два-три раза превышают показатели двух других стран. Из этого следует, что количество строевых членов ССЛ было достаточно для того, чтобы вести сравнительно интенсивную партизанскую войну на всей территории Литвы, одновременно контролируя, хоть и ограниченно, эту терри-

торию и население. Поскольку подсчитано, что оптимальное число бойцов для партизанской территориальной обороны в Литве было бы около 30—50 тыс.⁴, то есть в среднем около 0,5—0,8 партизана на 1 км² территории страны [4], можно утверждать, что 48 107 строевых стрелков в 1940 г. вполне хватило бы для довольно плотной сети партизанского движения.

Таблица 2

Численность военно-общественных организаций 1939—1940 гг.

Страна	Население, млн человек	Территория страны, км ²	Строевые члены организаций, человек	Доля в населении страны, %	Плотность строевых членов организаций территорий, чел./км ²
Литва	2,443	52 822*	48 107	1,97	0,91
Латвия	1,995	65 791	31 874	1,6	0,48
Эстония	1,134	47 549	42 673	3,76	0,9
Финляндия	3,7	383 150	119 500	3,23	0,31
<i>Итого</i>	9,272	549 312	242 154	2,61	—
<i>В среднем</i>					0,44

* 1923—1939 г. территория Литвы с Клайпедским краем (2848 км²) была 55 670 км², с конца 1939 г. с Вильнюсским краем (6909 км²), но без Клайпедского — 59 731 км².

Составлено на основе: [8, p. 58]; *Pētersons A. Krustugunis. Latviešu karotmāka 1940—1945. 60 gadus no tautas slēptais*. Rīga, 2007. L. 114—115.; *Эстония*: энциклопедический справочник / ред. А. Раукас. Таллин, 2008. С. 54.; *Jowett P., Snodgrass B. Finland at War 1939—45*. Oxford, 2006. P. 18; 25—27; 29.

Важно заметить, что около половины строевых стрелков были резервистами и в случае военной мобилизации должны были быть призваны в регулярные части Литовской армий, которая в 1940 г. состояла бы из примерно 125—150 тыс. солдат, разделенных на пять пехотных дивизий и другие части кавалерии, артиллерии и т.д. [1]. В конце 1934 г. из 28 478 строевых стрелков, среди которых было 344 офицера резерва, 10 697 резервистов I класса (37,56%), а остальные стрелки — 17 781 человек — были вооружены 7438 винтовками и 20 легкими пулеметами [25, l. 1], должны были не только оставаться в своих подразделениях и обеспечивать безопасность тыла армии, но также вести партизанскую войну на территории, занятой врагом. Спустя почти 6 лет, в 1940 г., число резервистов I класса среди стрелков выросло до 19 067, или до 39,63% от всего контингента строевых стрелков, то есть по сравнению с данными 1934 г. изменилось только на два процентных пункта. В это время в ССЛ насчитывалось 27 478 винтовок, 3160 пулеметов и уже 378 легких пулеметов [8]. Такого числа стрелкового оружия для остальных 29 040 строевых стрелков вполне хватало. Кроме

⁴ Подсчеты делались уже в 1990-е гг. по территории послевоенной Литвы — 65 300 км².

того, поскольку ССЛ оружием обеспечивала армия, у которой в 1940 г. был излишек винтовок и легких пулеметов⁵ [6, л. 11], при необходимости стрелки могли оперативно получить дополнительное количество оружия со складов армии. К тому же нужно добавить, что подразделения ССЛ, находившиеся вблизи границ, оружием (заранее) были обеспечены лучше.

Важным фактором, влиявшим на сближение литовского общества и ССЛ, можно считать широкий масштаб деятельности этой организации, которая занималась отнюдь не только военной подготовкой своих членов. За два десятилетия деятельности в Литве ССЛ создал сеть культурных учреждений: в 1939 г. в Литве действовало 72 Дома стрелков, 125 хоров, 417 любительских театральных трупп, 105 оркестров и 350 библиотек. Также существовало множество спортивных команд и различных курсов. В состав ССЛ входила широкая сеть пожарных команд, например в 1939 г. в 175 командах уже насчитывалось 4352 стрелка-пожарника [12]. Следует отметить, что в довоенной Литве, особенно в провинции, общественно-культурная жизнь вращалась вокруг ССЛ и была тесно связана с деятельностью стрелков.

Распространение концепции партизанской войны в газете ССЛ «Тримитас»

В течение двадцати лет, с 1920 по 1940 г., ССЛ издавал еженедельник «Тримитас» (лит. *Trimitas*), тираж которого в 1939 г. составлял уже 25 тыс. экземпляров и который по сравнению с другими популярными печатными органами довоенной Литвы был довольно крупным изданием, позволявшим не только распространять патриотические идеи, но и внедрять в сознание стрелков концепцию партизанской войны. Существуют конкретные данные, что «Тримитас» должны были выписывать не менее 75 % стрелков в каждом взводе [20].

В 1924—1940 гг. вышло 852 номера еженедельника. Анализ доступных 766 изданий (89,9%) «Тримитаса» позволяет утверждать, что понятия, связанные с партизанами или партизанской войной, в разных контекстах употребляются в 416 номерах (54,3%) газеты, и эта цифра показывает, что данная тема «отстает» лишь от двух более популярных, связанных с проблематикой Вильнюсского и Клайпедского краев. Можно выделить несколько основных вопросов в обсуждаемых публикациях: история партизанских действий в Литве в 1918—1923 гг.; пропаганда, агитация и тактические советы, направленные на подготовку к грядущей войне; партизанские учения стрелков; разнообразные мотивы из военной истории Литвы. Кроме того, в газете печатались удачные примеры зарубежных партизанских войн, особенно в Китае против

⁵ В армии Литвы числилось 137 500 винтовок калибра 7,92 мм (и 96,6 млн патронов), а необходимость для вооружения в военное время составляла лишь 100 825. Кроме того, имелось 10 тыс. винтовок с 1,9 млн патронов других калибров; легких пулеметов калибра 7,92 мм было 3755, а штатная необходимость составляла 2558.

Японии, в Эфиопии против Италии и т.д. Характерно, что в перечисленных текстах партизаны изображались героями, защитниками своего отечества. Таким образом, не только создавалось мнение о партизанах в других странах (конечно, кроме Польши), но и внедрялась установка на то, что, несмотря на превосходство сил противника, партизанскую войну довольно успешно могут вести и слабые страны.

Полковник генерального штаба Стасис Раштикис, будущий командир Литовской армии, в опубликованной в 1933 г. статье о тематике, о которой следует писать в «Тримитасе», констатировал, что каждый стрелок должен быть не только патриотом, но и готовым в любой момент начать партизанскую войну (даже действуя индивидуально). Такую идею, по словам С. Раштикиса, стрелкам следовало излагать языком, понятным каждому [20, 1933, № 5, р. 85]. В 1937 г. министр обороны Литвы бригадный генерал Стасис Дирмантас на собрании представителей ССЛ заявил: «прилежно учите военные предметы, а особенно партизанские действия на практике» [20, 1937, № 10, р. 220]. Склонность к концепции партизанской войны выразил и командир ССЛ, полковник Пранас Саладжюс, подчеркнувший, что партизаны могут длительное время продержаться на территории, оккупированной вражескими силами, поскольку их опора — не легко уязвимые военные базы, а родные хутора, семьи и патриотизм [20, 1937, № 25, р. 581].

Анализ статей издания «Тримитас» (см. рис.) показывает, что интенсивность эксплуатации партизанской темы впервые усилилась в 1929 г. Эта тема не утратила популярности и в последующие годы, но диаграмма на рисунке отражает тенденцию ее снижения. Однако с 1934 г. число номеров газеты, в которых упоминались партизаны или партизанская война, внезапно удвоилось и продолжало расти до 1939 г. Первый рост, вероятно, связан с определенными попытками поощрить конфликтные отношения с Польшей. А рост, начавшийся в середине 1930-х гг., наверняка обусловлен осложнившейся международной обстановкой в регионе в связи с возрастающей угрозой войны, а также с приходом на пост командира армии Литвы С. Раштикиса.

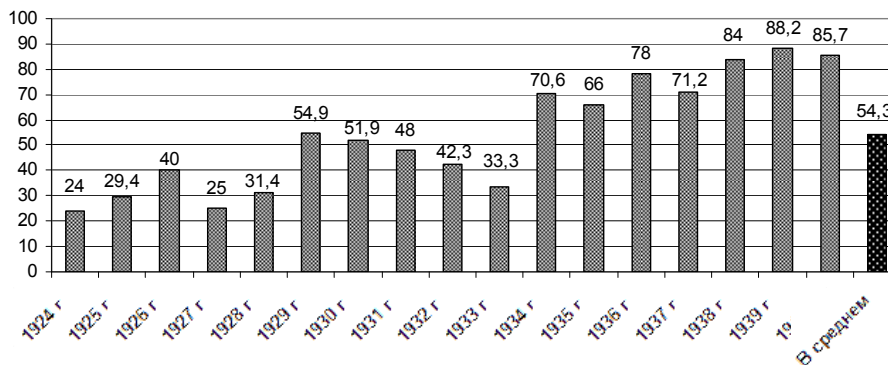

Рис. Доля номеров еженедельника «Тримитас» (1924—1940 гг.), в которых обсуждается тематика партизан и партизанской войны, %

Военные планы и учения

Уже в 1924 г., то есть спустя год после демобилизации Литовской армии, в печати появились предложения в случае войны создавать партизанские отряды составом до 60 бойцов. Они должны были действовать автономно, днем скрываться в лесах, избегая открытых столкновений с вооруженными силами врага, и атаковать из засад, в основном по ночам [20, 1924, № 192, р. 19]. Встречались даже предложения в случае войны всем здоровым мужчинам уйти в лес и объединиться в партизанские отряды. В деревенской местности, где тогда проживало около 4/5 населения Литвы, оставшимся женщинам и детям следовало самим обеспечивать себя, как и партизанским отрядам, где насчитывалось по 40—60 бойцов, которые должны были сами добывать провиант и оружие с амуницией, активно действуя и грабя вражеские обозы и склады. Обнаружить такие многочисленные отряды в захваченной плохо знакомой местности и в своем тылу врагу было бы трудно [20, 1924, № 195, р. 16].

В 1926 г. начальник штаба армии Литвы, полковник генерального штаба Казис Шкирпа планировал, что в случае войны в тылу врага необходимо организовать широкомасштабную партизанскую войну и таким образом поддерживать регулярные войска [21]. Начальник ССЛ согласился, что такие действия со стороны стрелков возможны, но добавил, что отрядам также нужны офицеры и унтер-офицеры [13, л. 14]. Стрелков обучали, как формировать партизанские отряды; уже с середины 1920-х гг. среди них распространялась идея вооруженной нации [20, 1926, № 40, р. 1275]. Министерство обороны Литвы считало, что структура ССЛ важна в системе обороны страны не только как инструмент внедрения в общественное сознание патриотизма, но и в военном смысле. Стрелки должны были быть подготовлены к обороне границ в случае войны и обеспечивать прикрытие мобилизации и концентрации регулярных вооруженных сил. Считалось, что стрелки не заменили бы регулярных войск, но могли бы в партизанских отрядах действовать против врага и этим поддерживать свои войска. Также стрелков предлагалось использовать в тыловых службах. Стрелки-партизаны должны были действовать маленькими группами или поодиночке на знакомой территории, отличаться хорошими знаниями картографии и быть отличными снайперами [20, 1926, № 37, р. 1180, 1192]. Принимая во внимание вышеупомянутые критерии, в том же 1926 г. ССЛ издал «Конспект лекций по партизанским действиям» [14, р. 110].

Конечно, высшее военное руководство Литвы теориями и рассуждениями не ограничивалось — велась и тщательная подготовка. В течение 1926—1939 гг. в военном училище, готовившем аспирантов — офицеров резерва, было выпущено 2585 младших лейтенантов [7, р. 354]. Данное училище также уделяло много внимания обучению партизанской тактике, поскольку считалось, что границы Литвы с эвентуальными врагами протяженные, армия маленькая, а значительные участки границ следует оборонять, используя партизанские действия многочисленных подразделений. Этому и учили будущих офицеров [10, 1930, № 11, р. 166].

В 1928 г., во время проведения осенних маневров армии в Кедайняйском уезде, местные стрелки под командованием офицера в отставке имитировали создание партизанского отряда и «захватили» штаб кавалерийского полка, который в маневрах играл роль противника — армии Польши [20, 1928, № 39, р. 1267]. Похожим образом партизанские действия разыгрывались и в маневрах, в которых принимали участие несколько взводов стрелков из соседних местностей. Такие маневры проводились 20 октября 1929 г. в Мариямольском уезде [20, 1929, № 45, р. 754]. Такие же военные полевые учения организовывались и в последующие годы [20, 1930, № 16, р. 318; 1935, № 6, р. 108; № 10, р. 182; № 14, р. 256; 1939, № 18, р. 430; № 45, р. 1102], принимали участие в них и регулярные части армии [20, 1936, № 11, р. 260]. Стрелки-партизаны на практике учились тактике занятия различных населенных пунктов. Во время маневров 11 ноября 1934 г. в Паневежисском уезде партизаны штурмом «взяли» городок Смилгай [20, 1934, № 47, р. 914]. Учения партизанских действий проводились и ночью, что на практике чрезвычайно важно [20, 1934, № 40, р. 800]. В 1937 и 1938 гг. стрелки в роли партизан участвовали в больших осенних маневрах Литовской армии [8, р. 56].

Ежегодно в ССЛ вступали новые члены, которых нужно было подготавливать не только практически, для действий на «поле боя», но и теоретически. Например, в 1934 г. в полевых военных учениях участвовало 70 % строевых стрелков, в обучении стрельбе — 75 %. В этом же году ССЛ пополнился 4097 новобранцами, которые прошли военные учения и сдали экзамен [20, 1935, № 7, р. 116]. В отрядах стрелкам читались и теоретические лекции о партизанской тактике [20, 1939, № 19, р. 453.; 1940, № 14, р. 342] или такие, как, например, «Партизанская война, дисциплина и пропаганда» [20, 1935, № 33, р. 599], которые были необходимы и давали положительные результаты.

Ясно осознавалось, что успешное ведение партизанской войны решающим образом зависело от местности. Леса (особенно хвойные), кустарники, болота и холмистые местности идеально подходили для партизанских действий, могли помочь скрыться от вражеской авиации, моторизованных или танковых частей и артобстрела [20, 1939, № 28, р. 684]. Другое важное условие, оказывавшее влияние на удачность партизанских действий, — это поддержка местного населения, без которой ведение партизанской войны было бы весьма затруднительным [20, 1940, № 24, р. 585]. Тем не менее существовало ясное понимание того, что в условиях Литвы возможна только партизанская, но не позиционная война. Было необходимо достичь того, чтобы каждый гражданин хорошо осознавал специфику и важность партизанских действий и чтобы каждая деревня, лес и долина могла превратиться в «крепость» [15, р. 191]. Распространялось мнение, что в будущем всем литовцам придется поддерживать партизанскую войну и обеспечивать бойцов [20, 1931, № 52, р. 1032—1033]. Кроме того, ясно осознавалась обязанность бойцов носить униформу. Таким образом, в глазах врага они могли выглядеть комбатантами, обращение с которыми должно

было соответствовать нормам международного гуманитарного права [10, 1939, № 19, р. 489].

В 1935 г. был принят отдельный закон, а в 1936 г. и новый статут ССЛ, в котором констатировалось, что стрелки не только могут, но и обязаны активно организовывать военные учения, поскольку в будущей войне им предстоит вести партизанские действия [20, 1936, № 31, р. 730]. Военных командиров стрелковых взводов теперь уже назначал штаб армии, а стрелки стали носить такую же униформу, как и солдаты регулярной армии. Четкая армейская субординация, дисциплина и военная подготовка стали постоянными приоритетами деятельности ССЛ [17, р. 399—406]. В 1940 г. в рядах ССЛ насчитывалось 872 командира стрелковых подразделений, 404 из которых были офицерами резерва, а еще 192 — бывшими старшинами и унтер-офицерами. Таким образом, более 2/3 командного состава ССЛ прошло военное обучение в армии Литвы. Кроме того, в ССЛ состояло и большинство полицейских, пограничников и учителей довоенной Литвы [8, р. 55—56].

В директиве штаба армий ШАДИР от 1938 г. о предназначении ССЛ указывалось, что в случае военного столкновения часть стрелков должна оставаться в тылу врага и вести там партизанскую войну [19, I. 12]. Такой линии штаб придерживался и в 1940 г. Партизаны должны были действовать в хорошо знакомой местности (лесной и болотистой), небольшими отрядами или индивидуально, иметь легкое вооружение. Эти указания повторялись и в статутах пехоты и кавалерии армии Литвы. Для стрелков были изданы специальные книги с тактическими рекомендациями — «Партизанская тактика» и «Особенности тактики стрелков» [8, р. 58—61]. В случае внезапного нападения членам ССЛ следовало действовать автоматически, без дополнительных приказов центральной власти [18, I. 31].

Один из военных теоретиков Литвы рассматриваемого периода, преподаватель военной подготовки в университете, майор генерального штаба Витаутас Булвичиус накануне окончания мира в Европе в изданной в 1939 г. книге отобразил общий взгляд армии Литвы на то, как в недалеком будущем должна будет вестись война. Наряду с использованием боевых возможностей военной авиации и танков, автор акцентировал и важность партизанского движения, проделал анализ военных действий в условиях Литвы и четко определил, кто должен в случае нападения начать и вести партизанскую войну. Безусловно, это были стрелки [5, р. 97, 145]. Одно из последних указаний, которые члены ССЛ получили от штаба армии Литвы, датируется апрелем 1940 г.: в директиве об использовании сил Союза стрелков в случае войны писалось, что Германия по окончании военного конфликта на Западе может напасть на Литву, и в этом случае стрелкам следует прикрывать мобилизацию; отступая, уничтожать инфраструктуру, защищать в тылу важные объекты. Каждый стрелок, оставшийся в тылу врага, должен был вести партизанскую войну [16, I. 44]. Для этого Союзу была поставлена цель — популяризировать движение стрелков в Литве под лозунгом

«*Sušaulinti Lietuvą*»⁶, который призывал к массовому вступлению в Союз и приближал к воплощению идеала вооруженной и патриотически настроенной нации [20, 1933, № 16, р. 302].

Выводы

Опыт партизанских действий, приобретенный в войнах за независимость Литвы, не был забыт в довоенный период. Концепция партизанской войны в общественном дискурсе активно эксплуатировалась с помощью печати. Существовали и военные планы армии Литвы, в которых ясно изложены инструкции стрелкам для ведения партизанской войны. Основной структурой, через которую происходила подготовка населения к партизанской войне, была ССЛ. Однако поскольку с 1935 г. ССЛ подчинялся командиру армии, можно утверждать, что к партизанской войне в Литве готовилась структура комбатантов, а это важно с точки зрения международного гуманитарного права.

Интенсивность распространения концепции партизанской войны в газете «Тримитас» и общая подготовка стрелков к действиям такого рода в довоенные годы проводилась постоянно, но можно выделить и наиболее активные периоды такой деятельности. Один из них явно связан с конфликтом между Литвой и Польшей в Лиге Наций и проявился в 1929 г. Второй — с 1934 по 1940 г. — отражал перемены не только в командовании армии Литвы и ее перевооружении, но и в самой военной доктрине, которая в ряды «врагов» включила и Германию. Это очевидно показывает, что на увеличение военной угрозы верховное командование литовской армии реагировало усиленной подготовкой ССЛ к партизанской войне.

Полуавтономная структура ССЛ гарантировала, что в случае вторжения вражеских войск на территорию Литвы стрелки, сохраняя свои взводы и внутреннюю военную субординацию, могли, а по довоенным планам и указаниям *a priori* были обязаны начать партизанскую войну. Из этого следует, что в 1920—1930-е гг. существовало распространенное мнение, что в будущем любые агрессивные территориальные aspirations соседних стран возможны лишь с ведением длительной партизанской войны. Разумеется, все эти меры в довоенные годы в основном были направлены против эвентуальной агрессии со стороны Польши, а начиная с 1930-х гг., — и со стороны Германии, то есть против стран, воевать с которыми вовсе не пришлось.

Список литературы

1. Йокубаускас В. Военная доктрина и оборонительные планы Литвы в конце 30-х годов XX века // Исследования Балтийского региона: вестник Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта. 2011. №2 (8). С. 27—49.

⁶ Дословный перевод на русский язык невозможен, но по смыслу лозунг означал «милитаризовать Литву» и призывал к тому, чтобы ССЛ играл активную роль, физически и морально подготавливая к войне не только стрелков, но и всех жителей страны.

2. *Kreveld M. van*. Трансформация войны. М., 2008.
3. *Шмитт К.* Теория партизана: промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Коринца. М., 2006.
4. *Adamonis S.* Partizanų karas (strategija ir taktika). Kaunas, 1997.
5. *Bulvičius V.* Karinis valstybės rengimas. Vilnius, 1994 [первое издание — 1939].
6. Ginklavimo turto stovio žinios 1940 07 01. LCVA. F. 3. Ap. 1. B. 256, l. 11.
7. *Jasevičius A. et al.* Lietuvos kariuomenės karininkai 1918—1953. T. 3. Vilnius, 2003.
8. *Jokubauskas V.* Žvelgiant į ateitį: partizaninės kovos taktikos sklaida Lietuvoje ir jos įgyvendinimas 1944—1953 m. // *Genocidas ir rezistencija*. 2011. №1 (29). P. 51—68.
9. *Jurevičiūtė A., Veilientienė A.* Šauliai Nepriklausomybės kovose // Lietuvos istorijos studijos. 1998. №6. P. 62—71.
10. *Kardas*. 1924—1940.
11. *Laurinavičius Č., Motieka E., Statkus N.* Baltijos valstybių geopolitikos bruožai XX amžiuje. Vilnius, 2005.
12. *Lietuvos šaulių sąjunga* valstybės ir visuomenės tarnyboje 1919—2004 / Sud. V. Kavaliauskas, J. Širvinskas, S. Jegelevičius. Kaunas, 2005.
13. *LŠS viršininko* 1926 05 31 raportas Vyriausiojo štabo viršininkui. LCVA, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 14.
14. *Matusas J.* Šaulių Sąjungos istorija. Sud. A. Liekis. Vilnius, 1992 [первое издание — 1939].
15. *Medelis R.* Kariškas parengimas pradžios mokykloje // *Tautos mokykla*. 1939. №9. P. 191.
16. *Nurodymai* šauliams priedangai panaudoti 1940 04 16. LCVA. F. 561. Ap. 18. B. 187, l. 44—48.
17. *Raštikis S.* Kovose dėl Lietuvos. T. 1. Vilnius, 1990 [первое издание — 1956].
18. *Šauliams* mobilizacijos ir operacijų metu panaudoti nurodymai 1939 04 05. LCVA. F. 929. Ap. 3. B. 1028, l. 30—36.
19. *Šauliams* panaudoti direktyva ŠADIR, 1938 10 03. LCVA, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 12—21.
20. *Trimitas*. 1924—1940.
21. *Vaičėnonis J.* Lietuvos kariuomenės modernizacija (1926—1939) // *Darbai ir dienos*. 2001. T. 21. P. 131—176.
22. *Vaičėnonis J.* Lietuvos šaulių sąjunga Valstybės gynyboje 1935—1940 m. // *Lietuvos šaulių sąjungos istorijos fragmentai* / red. J. Vaičėnonis, S. Dovydaitis. Kaunas, 2002. P. 110—119.
23. *Vaitiekūnas S.* Lietuvos gyventojai per du tūkstantmečius. Vilnius, 2006.
24. *Vareikis V.* Pasienio incidentai. (Lietuvos šaulių partizaninė veikla) // *Darbai ir dienos*. 2004. T. 40. P. 109—128.
25. Žinios apie šaulius ir apginklavimą, 1934 m. LCVA, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.

Об авторе

Йокубаускас Вутаутас, докторант, кафедра истории гуманитарного факультета, Клайпедский университет.

E-mail: pilsotas@yahoo.com

THE CONCEPT OF GUERRILLA WARFARE IN LITHUANIA IN THE 1920—1930S

V. Jokubauskas

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipėda, LT-92294, Lithuania

Received on February 12, 2012

This article analyses the military and tactical training of the members of the Lithuanian Riflemen's Union for guerrilla warfare in the interwar period. Small nations, such as Lithuania and other Baltic States, being unable to build up military strength in order to ensure national security, were forced to seek for unconventional methods of warfare, including guerrilla strategies. The study places emphasis on the development of the guerrilla war concept in the Union periodicals. The author retraces the change in the intensity of guerrilla warfare concept propagation amongst Lithuanian population and riflemen, in particular, through publications in the Trinitas — a periodical of the Lithuanian Riflemen's Union. The author also identifies the narratives associated with the guerrilla matters employed for propaganda purposes in order to create the image of a guerrilla as a defender of the Homeland — Lithuania. Additionally, the structure and numbers of the Union are analysed through a comparison with similar organisations of other «small nations» of the Baltic North-East. The author addresses the issue of military missions planned by the Lithuanian Army, as well as the way riflemen implemented them. Since the Union did not only offer military training, but was also engaged in patriotic propaganda, the article focuses on the network of cultural institutions, homes of riflemen, orchestras, libraries, choirs, and athletic clubs used by the Union. The article sets out to establish whether the loss of Lithuanian sovereignty could have been possible without giving rise to a protracted guerrilla war.

Key words: guerrilla warfare, Lithuanian Riflemen's Union, paramilitary organisations, military strategy.

References

1. Jokubauskas, V. 2011, *Issledovanija Baltijskogo regiona: vestnik Social'no-gumanitarnogo parka BFU im. I. Kanta* [the Baltic Sea Region Studies: Journal of Social and Humanitarian Park Immanuel Kant Baltic Federal University], no 2 (8), pp. 27—49.
2. Kreveld, van M., 2008, *Transformacija vojny* [Transformation of War], Moscow.
3. Schmitt, C, 2006, *Teorija partizana: Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponjatija politicheskogo* [Theory of Partisan: Intermediate remark about the notion of political], Moscow.
4. Adamonis, S. 1997, *Partizanų karas (strategija ir taktika)*, Kaunas, Belovo leidykla.
5. Bulvičius, V. 1994, *Karinis valstybės rengimas*, Vilnius.
6. *Ginklavimo turto stovio žinios 1940 07 01*. LCVA, f. 3, ap. 1, b. 256, l. 11.
7. Jasevičius, A. et al. 2003, *Lietuvos kariuomenės karininkai 1918—1953*, T. 3, Vilnius.

8. Jokubauskas, V. 2011, Žvelgiant į ateitį: partizaninės kovos taktikos sklaida Lietuvoje ir jos įgyvendinimas 1944—1953 m. [Looking to the future: guerrilla tactics against the dissemination of Lithuania and its implementation in 1944-1953], *Genocidas ir rezistencija*, no 1 (29), pp. 51—68.
9. Jurevičiūtė, A., Veilientienė, A. 1998, *Lietuvos istorijos studijos*, no 6, pp. 62—71.
10. *Kardas*, 1924—1940.
11. Laurinavičius, Č., Motieka, E., Statkus, N. 2005, *Baltijos valstybių geopolitikos bruožai XX amžiuje*, Vilnius.
12. *Lietuvos šaulių sąjunga valstybės ir visuomenės tarnyboje 1919—2004*, 2005, Sud. V. Kavaliauskas, J. Širvinskas, S. Jegelevičius, Kaunas.
13. LŠS viršininko 1926 05 31 raportas Vyriausiojo štabo viršininkui, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 560, l. 14.
14. Matusas, J. 1992, *Šaulių Sąjungos istorija*. Sud. A. Liekis, Vilnius.
15. Medelis, R. 1939, *Tautos mokykla.*, no 9, p. 191.
16. Nurodymai šauliams priedangai panaudoti 1940 04 16, *LCVA*, f. 561, ap. 18, b. 187, l. 44—48.
17. Raštikis, S. 1990, *Kovose dėl Lietuvos*, T. 1, Vilnius.
18. Šauliams mobilizacijos ir operacijų metu panaudoti nurodymai 1939 04 05, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 30—36.
19. Šauliams panaudoti direktyva ŠADIR, 1938 10 03, *LCVA*, f. 929, ap. 3, b. 1028, l. 12—21.
20. *Trimitas*, 1924—1940.
21. Vaičėnionis, J. 2001, *Darbai ir dienos*, T. 21, pp. 131—176.
22. Vaičėnionis, J. 2002, Lietuvos šaulių sąjunga Valstybės gynyboje 1935—1940 m. In: *Lietuvos šaulių sąjungos istorijos fragmentai*. Red. J. Vaičėnionis, S. Dovydaitis. Kaunas, pp. 110—119.
23. Vaitiekūnas, S. 2006, *Lietuvos gyventojai per du tūkstantmečius*, Vilnius.
24. Vareikis, V. 2004, Pasienio incidentai. (Lietuvos šaulių partizaninė veikla) [Border incidents. (Lithuanian Riflemen's guerrilla activities)], *Darbai ir dienos*, T. 40, pp. 109—128.
25. Žinios apie šaulius ir apginklavimą, 1934 m, *LCVA*, f. 929, ap. 5, b. 408, l. 1.

About author

Dr. Vytautas Jokubauskas, Department of History, Faculty of Humanities, Klaipėda University.

E-mail: pilsotas@yahoo.com

УДК 94(430)+94(47)

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ И НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО КОНСУЛЬСТВА В КЁНИГСБЕРГЕ (1923–1925)

Ю. В. Костяшов*

Анализируются причины возобновления дипломатических отношений России и Германии после Первой мировой войны и принципиальные отличия в деятельности прежних русских императорских и советских консульских учреждений в Восточной Пруссии. На основании неизвестных ранее документов из центральных российских архивов и Политического архива МИД Германии рассказывается об учреждении в 1923 г. советского консульства в Кёнигсберге и деятельности первого консула СССР в Восточной Пруссии Юлиана Бошковича в 1923–1925 гг. по развитию двухсторонних связей. Рассматриваются непростые политические условия, в которых приходилось действовать советским дипломатам в Германии. Делается вывод, что главные направления в деятельности консула Ю. С. Бошковича касались подготовки к открытию отделения торгового представительства СССР в Кёнигсберге и обеспечения широкого представительства советских внешнеторговых объединений на Восточной ярмарке.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кенигсберг, консульство, Ю. С. Бошкович, история дипломатии, советско-германские отношения, Восточная ярмарка.

Русское консульство в Кёнигсберге было открыто по указу Екатерины II в 1873 г. В течение XIX в. его статус повысился до ранга генерального консульства. Согласно уставам 1820, 1858 и 1902 гг. консулы не являлись дипломатическими представителями и на них

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 27.01.2012 г.

не распространялось право экстерриториальности. Они должны были «заботиться о выгодах российской торговли и мореплавания» и «блюсти, чтобы честь русского имени была всегда поддерживаема»; консулы также урегулировали споры между находящимися за границей российскими подданными, выписывали свидетельства о рождении, браке, смерти, выдавали паспорта и визы, снабжали свое правительство разнообразной экономической информацией [1—5]. С началом Первой мировой войны консульство в Восточной Пруссии прекратило свое существование [6].

Советские консульства стали принципиально иным институтом по сравнению с дореволюционными временами. Основы их работы были определены инструкцией НКВД, утвержденной в 1921 г., и Консульским уставом СССР 1926 г. В противоположность аналогичному царскому уставу консулы в значительной мере утрачивали свою главную функцию торгового посредника и информатора о состоянии рынка и становились органом надзора за командированными за границу советскими гражданами, должны были следить за тем, чтобы они вели себя «в соответствии с требованиями советской политики». Каждый обладатель «серпастого и молоткастого» должен был зарегистрироваться в консульстве, о каждом прибывшем и убывшем надо было доносить в Москву и копию донесения отправлять послу в Берлине. Совместно с послом консул должен был «предпринимать нужные меры» (какие — не уточнялось), если поведение советского гражданина выходило за рамки курса партии. Главная заповедь консула — помнить, что он «представляет власть рабочих и крестьян». Из этого классового подхода следовало, что консулу категорически запрещалось устанавливать близкие или неформальные отношения с «местными буржуазными кругами». Наконец, еще одним нововведением была обязанность консулов «принимать и передавать в НКВД заявления от рабочих и лиц трудящегося класса», желающих выехать в страну Советов. По сути, консульство должно было вести скрытую вербовку специалистов и квалифицированной рабочей силы [7—9].

Дипломатические отношения России и Германии, восстановленные после заключения Брестского мира, были вновь прерваны немецкой стороной в октябре 1918 г. — как ответ на попытку ВЦИК оказать «революционную помощь» германскому рабочему классу. Однако разрыв оказался непродолжительным. Об этом в 1922 г. писал советский публицист Д. Триус: «Германия, все более сгибаясь под тяжестью Версальского договора, все чаще начинала обращать свои взоры на Восток, где необъятная земледельческая Россия ждала хозяйственного сотрудничества с промышленной и технически развитой страной. Чем больше в кругах германской общественности тускнели надежды на Антанту, тем трезвее эти круги подходили к вопросу о мирном сотрудничестве с богатой сырьем Россией» [10, с. 24].

Вновь благоприятные условия для восстановления двусторонних связей появились после заключения 16 апреля 1922 г. Рапальского договора, ст. 3 которого гласила: «Дипломатические и консульские отно-

шения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются. Допущение консулов той и другой стороны будет урегулировано специальным соглашением» [11, с. 224]. «Нигде Рапалльский договор не был встречен с большим восторгом, чем в Восточной Пруссии, — писала газета «Франкфуртер Цайтунг». — Хотя между Германией и Россией не существует более непосредственной границы, тем не менее вся будущность восточно-прусской торговли зависит от возобновления экономических отношений между государствами»¹ [12].

Еще до завершения переговоров 2 февраля 1922 г. руководство Торговой палаты в Кёнигсберге направило в МИД Германии письмо, в котором, ссылаясь на ставшее ему известным намерение советского правительства открыть в Германии ряд консульств, выступило со следующим ходатайством: «Кёнигсберг уже в предвоенное время имел большой торговый оборот с Россией и был значительным пунктом транзитной торговли на восточном побережье Балтийского моря. Экономические перспективы Кенигсберга вследствие [Версальского] мирного договора существенно ухудшились, так как конкурирующие с ним бывшие немецкие порты Данциг и Мемель теперь оказались за границей. Если не удастся восстановить прежние контакты с Россией, это будет угрожать положению Кенигсберга, а вместе с тем и всей германской морской торговле, которая бы потеряла важную базу для овладения русским рынком. Поэтому мы настоятельно просим о том, что если в Германии вообще откроются советские консульства, в первую очередь следует рекомендовать открыть такое консульство в Кёнигсберге» [13, Nr. IE 1375]².

В ответе от 24 февраля 1922 г. на это обращение, подписанном одним из представителей видной династии прусских дипломатов Мальтхан (Maltchan), говорилось, что МИД Германии «полностью поддерживает правомерное пожелание Торговой палаты» и, как только начнутся переговоры о взаимном учреждении консульств, будет рекомендовать открыть таковое в Кёнигсберге. Далее в письме говорилось, что на предварительных консультациях речь шла только об открытии отдела советского представительства в Гамбурге, так как «по информации русских, 90 % их торговли приходится на этот порт» [13, Nr. IE 1375].

Переговоры о взаимном открытии консульств затянулись на целый год. Похоже, это случилось по вине немцев, которые опасались слишком тесных контактов с революционной Россией. Наконец, весной 1923 г. дело сдвинулось с места: 15 марта МИД Германии запросил согласие прусского Министерства торговли и предпринимательства на открытие консульства в Кёнигсберге, обосновывая это намерение стремлением способствовать привлекательности и успешной деятельности недавно учрежденной Восточной ярмарки [13, Nr. IE 1294]. Из ответа секретаря канцелярии от 16 марта следовало, что никаких возражений с экономической точки зрения Министерство торговли не

¹ Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

² Для идентификации дел указывается универсальный шестизначный номер. Поскольку нумерация листов в делах отсутствует, в ссылках проставляется также входящий/исходящий номер документа.

имеет, однако по поводу внутривластной ситуации был сделан запрос министру внутренних дел [13, №. IE 1356]. В ответе государственного секретаря МВД Пруссии Фридриха Майстера от 31 марта говорилось: «Принимая во внимание необходимость проявлять заботу о связях с Россией и экономических нуждах Восточной Пруссии, я хотел бы оставить в стороне существующие соображения, связанные с внутривластной ситуацией, и согласиться с открытием русского консульского представительства в Кёнигсберге при условии взаимности» [13, №. IE 1638].

Учреждение консульства в Кёнигсберге ознаменовалось серьезным конфликтом в руководстве НКВД СССР вокруг кандидата на эту должность. Данный вопрос трижды рассматривался на заседании Оргбюро ЦК партии и дважды на заседаниях Политбюро. Первоначально — по предложению полномочного представителя СССР в Берлине В. Коопа — 18 сентября 1923 г. Политбюро утвердило консулом В. Н. Рембелинского [14, д. 381, л. 4]. Это решение опротестовал нарком Г. В. Чичерин на заседании Политбюро 18 октября [14, д. 388, л. 1]. Наконец, после долгих согласований 1 ноября консулом был назначен тов. Ю. С. Бошкovich [15, с. 251].

Оживленная борьба за место консула объяснялась довольно прозаическими причинами. В условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи работа за границей, должность совслужащего за рубежом была главной синекурой в Стране Советов. За границу отъезжали бывшие революционеры, политзаключенные, партийные функционеры, а также их родственники, друзья и знакомые, создавая в этой сфере немалую конкуренцию. И хотя вакансий с каждым годом становилось все больше, мест всем желающим не хватало. Кстати, в те годы в европейских странах работало несколько тысяч командированных из СССР служащих. Численность сотрудников одного только торгпредства в Берлине составляла в 1920-е гг. более 500 человек! К этому нужно добавить различные внешнеторговые объединения и смешанные общества с их многочисленными штатами. Все эти люди получали большие по тем временам зарплаты. Так, жалование консула в Кёнигсберге в середине 1920-х гг. составляло огромную по тем временам сумму в 165 долларов США в месяц, а секретарь и машинистка получали от 100 до 120 долларов [16, с. 11].

Восьмого ноября 1923 г. Наркомат иностранных дел СССР сообщил германскому послу в Москве о назначении консулом в Кёнигсберг Юлиана Семеновича Бошкovichа, который «намеревается в ближайшее время занять свой пост» [13, №. E 5500]; 17 ноября полномочное представительство СССР в Берлине передало МИД Германии консульский патент Ю. С. Бошкovichа с просьбой выдать ему экзекватуру³. Одновременно сообщались биографические данные назначенного консула: «Доктор медицины Бошкovich родился в 1891 г. и в последнее время был уполномоченным представителем Украинской Советской Соци-

³ Консульская экзекватура (от лат. *exsequor* — выполняю) — разрешение государства пребывания, выдаваемое через МИД, на реализацию консульских функций (в пределах консульского округа).

листоческой Республики по делам иностранных организаций, которые во время последнего голода на Украине занимались акциями помощи» [13, Нг. Е 5585]. Германский рейхскомиссар по контролю за общественным порядком дал согласие на экзекватуру, добавив в письме в МИД от 23 ноября, что ему «не известно ничего неблагоприятного в политическом отношении о русском государственном служащем Бошковиче» [13, Нг. Е 5735]. Аналогичное согласие было получено от министра торговли и предпринимательства [13, Нг. Е 6084].

В МИД поступила также записка обер-президента Восточной Пруссии Эрнста Зира от 10 декабря, в которой он поделился впечатлениями о первой встрече с консулом:

Консул Юлиан Бошкович 28 ноября с. г. представился мне и передал прилагаемые письма от господ Крестинского⁴ и Пепера. Он сообщил, что недавно прибыл из Москвы в Берлин и что ранее много времени проводил за границей, а в последнее время в качестве представителя советского правительства сотрудничал с американскими организациями помощи, действующими под эгидой Красного Креста. Консул более или менее хорошо говорит по-немецки и вызывает симпатию. Как мне конфиденциально сообщил консул Вигандт, директор Комитета Кенигсбергской ярмарки, он активно выступает за то, чтобы содействовать и развивать экономические связи между Германией и Россией. Консул Вигандт убежден, что г-н Бошкович не является приверженцем коммунистической партии. Возможно, что коммунистом является секретарь консула. За короткое время пребывания здесь г-н Бошкович показал себя как человек, очень заинтересованный в выполнении поставленных перед ним задач. Он почти ежедневно ходит в Комитет Восточной ярмарки, чтобы получить новую информацию. Если суммировать мои впечатления, то могу предположить, что нет серьезных оснований сомневаться в характере его деятельности [13, Нг. Е 6079].

Еще через полтора месяца, 23 января 1924 г., Э. Зир направил секретное письмо министру торговли и предпринимательства с информацией о деятельности консула Бошковича, поступившей от осведомителей криминальной полиции. В донесении говорилось, что советского представителя «посещают много разных людей, главным образом евреев и безработных из числа рабочих. Бошкович вроде бы занимается подготовкой желающих к переезду в его страну и обещает рабочим переселить их в Советскую Россию... У него записалось уже 50 человек». Осведомители сообщили также, что «к консулу постоянно приходит и задерживается у него еще один большевистский еврей, имя которого нашему доверенному лицу до сих пор разузнать не удалось». В заключение донесения полицейский чиновник посетовал, что организовать «эффективное наблюдение за большевистским консулом Бошковичем невозможно из-за нехватки средств для оплаты наших доверенных лиц» [13, Нг. Е 731].

Консульство планировалось открыть 1 февраля, однако подозрительная для немецких властей деятельность советских «вербовщиков» привела к тому, что экзекватура для Бошковича была выдана только

⁴ Н. Н. Крестинский — советский полпред в Германии в 1921—1930 гг.

19 февраля [13, Nr. E 1456]. Немного позднее все подозрения с советского консула были сняты. Обер-президент Зир 12 мая 1924 г. направил в МИД письмо, в котором говорилось:

По единодушному мнению президента полиции и управления земельной криминальной полиции в Кенигсберге, вредной для Германии пропаганды со стороны консула и его сотрудников замечено не было. Вскоре после открытия консульства обратила на себя внимание его деятельность по вербовке немецких граждан для переселения в Россию. Но так как речь шла главным образом о фермерах с некоторым капиталом, нет оснований полагать, что к этой вербовке каким-либо образом причастна коммунистическая партия как таковая. Во всяком случае консульство действовало в вопросах эмиграции и переселения как информационное и посредническое агентство. Претенденты на переселение были предупреждены нашими компетентными учреждениями, что в случае эмиграции безопасность их пребывания в России никем гарантироваться не будет. До настоящего времени никто не эмигрировал [13, Nr. OP 3678].

Начало работы консульства ознаменовалось одним неприятным инцидентом, о котором обер-президент Восточной Пруссии проинформировал министра внутренних дел 14 апреля 1924 г.:

Находящийся здесь русский консул сообщил мне 7-го числа текущего месяца, что вывеска с гербом консульства Союза ССР в ночь с 6-го на 7-е текущего месяца была сорвана и унесена. Консул проинформировал свое правительство об этом инциденте. Я имел с консулом по этому поводу беседу и смог его убедить в том, что произошедший случай не что иное, как мальчишеская выходка, поскольку вывеска — простой картонный щит — была прикреплена гвоздями на незначительной высоте и могла быть незаметно снята прохожими. Я выразил консулу глубокое сожаление и поручил полицей-президенту начать расследование. О результатах этого расследования я проинформирую, как только такие результаты появятся. Консулу было высказано мною предложение приобрести для консульства прочную вывеску и разместить ее достаточно высоко, чтобы в будущем избежать инцидентов такого рода. Я высказал мнение, что русскому правительству не следует придавать большого значения этому происшествию [13, Nr. E 1988].

В начале мая Э. Зир сообщил консулу Бошковичу, что «проведенное полицей-президентом служебное расследование по выявлению преступника было безрезультатным. Но совершенно очевидно, что в похищении вывески консульства не может быть и речи о политических мотивах» [13, Nr. OP 1453].

Однако одним инцидентом дело не ограничилось, только теперь речь шла о флаге. В соответствии с Консульской конвенцией между СССР и Германией, утвержденной Советом народных комиссаров 8 апреля 1924 г., консульский щит с гербом располагался в служебных помещениях, а на здании консульства, в доме с квартирой консула и на его автомобиле устанавливался советский флаг [17, л. 37]. Новый казус случился вскоре после переезда консульства в центр города, где ему

было отведено несколько помещений в здании «Торгового двора»⁵. Об этом Ю. С. Бошкович сообщил в подробном рапорте полпреду СССР в Берлине Н. Н. Крестинскому и заместителю наркома по иностранным делам М. М. Литвинову 22 января 1925 г.:

Доношу, что в ночь с 21-го на 22-е января с. г. вывешенный нами по случаю годовщины смерти В. И. Ленина и 9-го января 1905 года флаг злоумышленниками был сорван и украден. Подробности этого дерзкого налета следующие:

Согласно телеграмме полпредства, 21-го января с. г. в 17 часов вечера флаг СССР был вывешен нами над зданием, в котором помещается консульство (на высоте приблизительно 3½ метра). Одновременно я по телефону известил местную полицию об этом, прося об охране флага. В ответ было сообщено, что высылаются немедленно два полицейских чиновника.

Вечером, часов около 11-ти, по словам швейцара здания, около подъезда собралась небольшая толпа хулиганов-фашистов, которые громко ругались по адресу СССР. Один из толпы в присутствии полицейских заявил: «Этот флаг сегодня ночью будет убран». Когда швейцар спросил полицейского, почему он допускает такой разговор, не выяснив личности хулигана, полицейский, смеясь, отошел. В 2 часа ночи швейцар услышал шум у подъезда. Выбежал наружу к выходу, но ничего не заметил. При чем флага не стало.

О происшедшем я узнал около часа дня 22-го января с. г. от секретаря консульства т. Серебряного, случайно зашедшего в это время в консульство и заметившего отсутствие флага. О краже флага мною было немедленно сообщено обер-президенту и полицай-президенту, причем был также заявлен протест с требованием немедленного и строгого расследования дела. Со своей стороны должен прибавить, что, по моему убеждению, флаг был сорван не без попустительства полиции, т. к. здание, в котором помещается консульство («Гендельсгоф»), находится в центре города, вблизи самого полицай-президиума, и перед зданием во всякое время имеется полицейский пост. Я считаю, что полицейский не мог бы не заметить людей, срывающих флаг, который был прикреплен на высоте II этажа и для срыва которого, вероятно, была использована лестница [18, л. 73—73 об.].

Консул просил полпреда заявить германскому МИД «энергичный протест».

Представители восточно-прусских властей устно и письменно выразили консулу свое сожаление, а обер-президент Э. Зир прислал официальное письмо с извинениями [18, л. 75—76.]. Он также счел возможным во избежание подобных случаев в будущем в неофициальном порядке порекомендовать консулу «снимать флаг при наступлении темноты» [18, л. 90]. В свою очередь, полпред Крестинский сообщил из Берлина, что германский МИД также выразил свое сожаление, после чего он «счел излишним посылать ноту протеста» [18, л. 74].

⁵ «Handelshof» — здание, где сегодня располагается мэрия Калининграда, было построено в 1923 г. по проекту архитектора Г. Хоппа.

Главные направления деятельности консула Ю. С. Бошковича касались подготовки к открытию отделения торгпредства СССР в Кёнигсберге и обеспечения широкого представительства советских внешне-торговых объединений на Восточной ярмарке. Начавшейся интенсивной работе помешал происшедший в Берлине 3 мая 1924 г. конфликт вокруг советского торгового представительства, когда германская полиция произвела в его помещениях обыски и арестовала 12 служащих этого учреждения по подозрению в подрывной деятельности [19]. В связи с этим германские газеты писали, что торгпредство является «международным питомником преступников» и что в нем «служит половина германской коммунистической партии» [20, с. 5—7]. Двадцать шестого мая было объявлено о закрытии торгпредства, что, по мнению русскоязычной берлинской газеты «Время», стало «равносильно прекращению всех торговых операций между СССР и Германией» [21, с. 2]. В результате вся проделанная Бошковичем работа пошла насмарку, о чем, в частности, проинформировал выходящий в Берлине «Торговый бюллетень»: «Предложенное к открытию Кёнигсбергское отделение Торговой палаты не учреждается» [22, с. 4]. Одновременно СССР отказался от участия в IX Восточной ярмарке, которая проходила 9—12 августа. И хотя к этому времени конфликт в двухсторонних отношениях был исчерпан, кёнигсбергская печать с большим сожалением отмечала отсутствие официального российского павильона на выставке. В последний момент, правда, Ю. С. Бошковичу удалось организовать приезд «представителей некоторых частных русских фирм, преимущественно галантерейных и торгующих аптекарскими и колониальными товарами» [23, с. 7—8], но этого было явно недостаточно.

И все-таки заложенные Ю. С. Бошковичем основы для развития связей Восточной Пруссии с СССР принесли свои плоды уже в следующем году. Советский Союз триумфально выступил на Восточной ярмарке в Кёнигсберге. Газета «Франкфуртер цайтунг» в отчете о ярмарке писала: «Главным пунктом, притягивавшим всеобщее внимание, был Русский отдел, где кроме сырья были выставлены также и изделия промышленности... Наплыв желающих посмотреть русскую выставку был таким большим, что временами допуск посетителей приходилось останавливать» [24].

Ю. С. Бошкович прослужил в Восточной Пруссии в ранге советского консула чуть больше года, 21 марта 1925 г. он сдал дела своему преемнику Е. Д. Кантору [18, л. 90] и покинул Кёнигсберг 14 апреля 1925 г. Перед его отъездом, как сообщалось в отчете вновь назначенного консула, местная хозяйственная и политическая элита устроила Бошковичу прощальный банкет, проходивший под председательством обер-бургомистра Кенигсберга Ганса Ломайера. Характер банкета и произнесенные на нем тосты, по словам Е. Д. Кантора, показали, насколько велик интерес деловых кругов и властей провинции к «делу восстановления прежних экономических связей Восточной Пруссии с СССР» [18, л. 112].

В дальнейшем деятельность первого советского консула в Кёнигсберге Ю. С. Бошковица не была связана с дипломатической службой. В 1930-е гг. он работал в Наркомате внутренней торговли. Последние сведения, которые удалось о нем обнаружить, датируются маем 1941 г. [25, л. 18].

Автор выражает благодарность Германскому историческому институту в Москве за предоставленную возможность работы в архивах, а также коллеге Е. Ю. Чернышеву за содействие в получении копий документов из Политического архива МИД Германии.

Список литературы и источников

1. Устав консульский // Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. 11. Ч. 2. С. 47.
2. Консулы. СПб., 1904.
3. Вейнер А. П. Консулы в христианских государствах Европы и САСШ. СПб., 1894.
4. Березников В. А. О деятельности консула по отношению к отечественной торговле. СПб., 1900.
5. Горяинов С. М. Руководство для консулов. СПб., 1903.
6. Костяшов Ю. В. Российские консульские учреждения в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX в. // Калининградские архивы. Вып. 2. Калининград, 2000. С. 80—89.
7. Инструкция консулам РСФСР. М., 1921.
8. Лодыжинский А. Инструкция консулам РСФСР // Международная жизнь. 1922. № 16. С. 22—27.
9. Консульский устав СССР. М., 1926.
10. Триус Д. Россия и Германия: русско-германские взаимоотношения за 5 лет // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 24—25.
11. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5.
12. *Die Brücke nach dem Osten* // Frankfurter Zeitung. 1922. 26 Aug.
13. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes* (Berlin). R 142308. Fremde Konsulate (Russland). 1918—1924.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.
15. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. М., 2000. Т. 1.
16. Постановление об оплате труда работников в учреждениях СССР за границей. М., 1924.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 5446. Оп. 5. Д. 235. Л. 37.
18. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Оп. 5. П. 126. Д. 159.
19. Русско-германский конфликт (к обыскам и арестам в Советском Торгпредстве) // Время. 1924. 12 мая. С. 1.
20. Из германской печати // Торговый бюллетень: еженедельник торговых представительств СССР в Центральной Европе (далее — Торговый бюллетень). 1924. № 19.
21. *Время*. 1924. 26 мая. С. 2.
22. Некоторые итоги участия СССР в германских ярмарках // Торговый бюллетень. 1924. № 19.

23. *Германская Кенигсбергская ярмарка* // Торговый бюллетень. 1924. №33. С. 7—8.
24. *Deutsche Ostmesse Königsberg* // Frankfurter Zeitung. 1925. 22 Aug.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 19. Д.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: kostyashov55@mail.ru

ON THE ESTABLISHMENT AND EARLY ACTIVITY OF THE SOVIET CONSULATE IN KÖNIGSBERG (1923—1925)

Yu. V. Kostyashov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on January 27, 2012

This article analyses the reasons for the restoration of diplomatic relations between Russia and Germany after World War I, as well as the fundamental differences in the performance of Russian imperial and Soviet consular missions in East Prussia. On the basis of earlier unknown documents from the central Russian archives and the Political archive of the Ministry of Foreign Affairs of Germany, the author describes the establishment of the Soviet consulate in Königsberg in 1923 and the contribution of the first consul of the USSR in East Prussia, Yulian Boshkovich, to the development of bilateral connections in 1923—1925. The author considers the adverse political conditions, under which Soviet diplomats were compelled to operate in Germany. The conclusion is that the principal line of Yu. S. Boshkovich's activity concerned preparations for the opening of the USSR trade mission in Königsberg, as well as ensuring strong representation of Soviet foreign trade associations at the Eastern fair.

Key words: East Prussia, Königsberg, consulate, Yu. S. Boshkovich, history of diplomacy, Soviet-German relations, Eastern fair.

References

1. Ustav konsul'skij [Consular Charter], 1903, *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], Saint Petersburg, V. 11, Part 2, p. 47.
2. *Konsuly* [Consuls], 1904, Saint Petersburg.
3. Weiner, A. P. 1894, *Konsuly v hristianskih gosudarstvah Evropy i SASSh* [Consuls in the Christian states of Europe and NAUS], Saint Petersburg.
4. Bereznikov, V. A. 1900, *O dejatel'nosti konsula po otnosheniju k otechestvennoj torgovle* [The activities of the consul in relation to domestic trade], Saint Petersburg.
5. Gorjainov, S. M. 1903, *Rukovodstvo dlja konsulov* [Guide to the consuls], Saint Petersburg.

6. Kostyashov, Ju. V. 2000, Rossijskie konsul'skie uchrezhdenija v Vostochnoj Prussii v konce XIX — nachale XX v. [Russian consular offices in East Prussia in the late XIX — early XX century.], *Kaliningradskie arhivy [Kaliningrad archives]*, Vol. 2, Kaliningrad, pp. 80—89.
7. *Instrukcija konsulam RSFSR [Instructions consuls of the RSFSR]*, 1921, Moscow.
8. Lodyzhinsky, A. 1922, Instrukcija konsulam RSFSR [Instructions consuls of the RSFSR], *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*, no. 16, pp. 22—.
9. *Konsul'skij ustav SSSR [Consular Charter of the USSR]*, 1926, Moscow.
10. Trius, D. 1922, Rossija i Germanija: Russko-germanskije vzaimootnoshenija za 5 let [Russia and Germany: German-Russian relationship for 5 years], *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*, no. 15, pp. 24—25.
11. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of Soviet foreign policy]*, 1961, Vol. 5, Moscow.
12. Die Brücke nach dem Osten, 1922, *Frankfurter Zeitung*, 26 Aug.
13. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin)*. R 142308. Fremde Konsulate (Russland). 1918—1924.
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Social and Political History]*. F. 17. Op. 3.
15. *Politburo CK RKP(b) — VKP(b). Povestki dnja zasedanij. 1919—1952. [Politburo of the RKP (b) — VKP (b). Agenda meetings. 1919—1952.]*, 2000, Vol. 1, Moscow.
16. *Postanovlenie ob oplate truda rabotnikov v uchrezhdenijah SSSR za granicej [Decision on remuneration of employees in establishments USSR abroad]*, 1924, Moscow.
17. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation]*. F. R 5446. Op. 5. D. 235. L. 37.
18. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]*. F. 0165. Op. 5. P. 126. D. 159.
19. Russko-germanskij konflikt (K obyskam i arestam v Sovetskom Torgpredstve) [Russian-German conflict (to searches and arrests in the Soviet trade delegation)], 1924, *Vremja [Time]*, 12 May.
20. Iz germanskogo pečatija [From the German press], 1924, *Torgovyj bjulleten'. Ezhenedel'nik torgovyh predstavitel'stv SSSR v Central'noj Evrope [Trading newsletter. Weekly trade representative of the USSR in Central Europe]*, no. 19, Berlin.
21. *Vremja [Time]*, 1924, 26 May.
22. Nekotorye itogi učastija SSSR v germanskich jarmarkah [Some results of Soviet participation in German trade fairs], 1924, *Torgovyj bjulleten' [Trading newsletter]*, no. 19.
23. Germanskaja Kjonigsbergska ja jarmarka [German Koenigsberg Fair], 1924, *Torgovyj bjulleten' [Trading newsletter]*, no. 33.
24. Deutsche Ostmesse Königsberg, 1925, *Frankfurter Zeitung*, 22 Aug.
25. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation]*. F. 5446. Op. 19. D.

About author

Prof. Yuri V. Kostyashov, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: kostyashov55@mail.ru

УДК 94 (47)

**«СУДЕБНЫЕ ДЕЛА»
ГЕНЕРАЛА Е. Ф. КЕРНА**

Г. В. Кретинин*

Рассказывается о боевом пути российского генерала Е. Ф. Керна, посвятившего служению Отечеству шестьдесят лет жизни. Он принял участие в большинстве войн и военных кампаний, которые российское государство вынуждено было вести в последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. По ряду объективных причин генерал не смог выдвинуться на первые роли в военном ареопаге. Более того, судьба его в послевоенный период в целом сложилась трагически.

В российской культуре Е. Ф. Керн получил негативную известность благодаря своей жене. В течение почти двух столетий он подвергается уничижительной риторике о том, как «грубый» и «невежественный» человек разрушил стремление юной, образованной женщины к благородным идеалам и возвышенным чувствам.

Рассматриваются особенности провинциальной военной жизни, со всеми ее сложностями, рутинными буднями, отягощенными спецификой чиновничьей среды центров российской окраины того времени. Российский генерал Е. Ф. Керн, несмотря на превратности судьбы — последствия боевых ранений, служебные невзгоды, семейное непонимание и неустроенность, остался верным однажды выбранному стержневому жизненному направлению — служению Отечеству.

Ключевые слова: война, офицеры, генералы, служба, военный комендант, армия, брак, денежное содержание, отставка.

Генерал-лейтенант Ермолай Федорович Керн не имел высших полководческих отличий. Так сложились обстоятельства, что в начале XIX в. в российской армии оказалось большое количество талантливых военачальников. Наполеоновские же войны сами по себе

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 21.02.2012 г.

были достаточно кратковременными. Так, наиболее протяженный для русской армии Заграничный поход 1813—1814 гг. не превысил полутора лет. Естественно, за столь короткие сроки проявить себя подавляющему большинству российского генералитета так, чтобы выдвигаться на первые роли в военном ареопаге, не удалось. Среди таких полководцев оказался и Е. Керн.

Подтверждением незаурядности генерала служат по крайней мере два факта. Во-первых, портрет генерала Керна находится в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге среди портретов наиболее известных героев Отечественной войны 1812 г. Во-вторых, на стенах храма Христа Спасителя в Москве, возведенном в честь победы над Наполеоном, располагаются мраморные плиты, на которых высечены названия мест сражений, наименования полков и имена русских офицеров, особо отличившихся в каждом из этих сражений. Е. Ф. Керн упоминается там пять (!) раз. Для сравнения, Д. Давыдов удостоен такой чести всего трижды [1, с. 156].

Керн был действительно отличным, храбрым генералом, преданным царю и Отечеству, о чем свидетельствуют многочисленные императорские отличия, и что подтверждают его современники — М. Б. Барклай де Толли, Н. И. Раевский и др.¹ Генерал П. П. Коновницын, в Бородинском сражении сменивший раненого Багратиона, за блестящую штыковую атаку адресуется тогда еще подполковнику слова: «Браво, Керн! Будь в моей воле, я бы снял с шеи мой Георгиевский крест и надел его на тебя!» [3, с. 653—654; 4, № 46].

Как и большинство генералов и офицеров того времени, он рано попал на военную службу². В 1777 г. двенадцатилетним подростком был записан в Смоленский драгунский полк, а в 1781 г. прибыл туда на службу. Первые годы Керн успешно овладевал «воинской профессией», после чего началась его очень длинная (с небольшими перерывами) ратная жизнь.

В 1787 г. Россия вступает в войну с Турцией, и молодой Керн принимает активное участие во всех ее важнейших сражениях. Впервые Ермолай Керн отличился при взятии крепости Очаков. Он был награжден серебряной медалью «За храбрость, оказанную при взятии Очакова», носившуюся на георгиевской ленте, и получил звание сержанта [2, оп. 130, д. 242, л. 17—21]. Затем были осада Бендер и штурм Измаила. Керн находился в составе колонны М. И. Кутузова, со своими солдатами под сильным неприятельским огнем «преодолевал глубокий ров, взбирался на вал, отражал контратаку турецких войск». Свидетельством отличия стала еще одна серебряная медаль «За отменную храбрость при взятии Измаила» и первое офицерское звание — прапорщик [там же; 6, с. 100, 122].

¹ Например, в 1823 г. генерал Раевский обращался с просьбой к командованию 1-й армии «не оставить без внимания сего отличного генерала» [2, оп. 76, д. 366, л. 1].

² Подробный рассказ о биографии генерала Е. Ф. Керна см. в работе [5, с. 283—295].

В 1791 г. Керн уже под командованием генерала Н. В. Репнина участвует в разгроме турецких войск у Мачина, за проявленное в сражении отличие ему присвоено следующее офицерское звание — подпоручик. Через год в Польше в одной из схваток с конфедератами в 1792 г. Керн получил свою первую боевую рану, после чего стал поручиком. В 1794 г. — новый поход в Польшу. Керн был участником в успешных для русских войск сражениях при Крупчице, Бресте, Кобылке. Отличился во время похода Суворова на Прагу (предместье Варшавы. — *Г. К.*), заслужив звание капитана и очередную награду — золотой крест на георгиевской ленте (первая офицерская награда) [2, оп. 130, д. 242, л. 18; 3, с. 653; 4, №46].

После польских событий Керн в течение десяти лет служил на юге России, большей частью в Очакове, а затем воевал на Кавказе. Памятным для Керна стал 1806 г. Он, уже майор, командуя батальоном, был тяжело ранен стрелой в левый бок [4, №46]. Последствия этого ранения сказывались на здоровье генерала на протяжении всей его жизни.

Пока Керн находился на лечении, ему пришло новое назначение. Русское военное командование в это время пыталось извлечь для себя уроки неудачной войны с Наполеоном 1805 г. Менялась организационная структура войск, формировались новые полки — шла подготовка к следующей войне.

Осенью 1806 г. в Перновский полк был назначен майор Е. Ф. Керн. Первым сражением, в котором принял участие полк, стало Гейльсбергское. Однако у Керна внезапно открылась кавказская рана, поэтому он срочно был эвакуирован в Кёнигсберг. Полк 29 мая 1807 г. сражался под Гейльсбергом, а затем 2 июня — под Фридрихсгофом. Полку удалось захватить в этих сражениях два французских знамени. В декабре 1807 г. Керн возглавил Перновский полк и ему присваивается очередное воинское звание — подполковник [7, с. 14; 2, оп. 130, д. 242, л. 17].

Состояние здоровья после службы на Кавказе не улучшалось. Вновь обострившееся ранение не позволило Керну участвовать в начавшейся в 1808 г. войне со Швецией, и тогда он подает прошение об увольнении со службы «за полученными ранами». Уволившись, он пытается решить свои личные проблемы. Ему уже более сорока, а он еще не имел семьи. Сведения об этом периоде жизни достаточно скупы и противоречивы. Так, Михайловский-Данилевский сообщает о первом браке Керна с дочерью витебского помещика Северинова. Это подтверждают и архивные документы [4, №46; 2, оп. 28, д. 563, л. 15]. Брак этот оказался непрочным, и хотя у Керна остался сын Александр, более поздние исследователи считают его внебрачным³.

Состояние здоровья Е. Керна через некоторое время улучшилось, в 1811 г. он возвращается на службу и становится вначале командиром 48-го Егерского полка, а затем — одного из старейших полков российской армии — Белозерского. С началом Отечественной войны 1812 г. полк входил в состав 1-й армии генерала Барклая де Толли. Белозер-

³ См., например, примечания Я. Гордина [10, с. 460].

ский полк вместе с Рязанским полком образовывал бригаду, которой Керн и руководил, так как командир бригады в это время отсутствовал.

Под Смоленском Керн был контужен, но не оставил бригаду, после чего был награжден орденом Святой Анны 2-й степени [4, № 46]. Отличился в Бородинском сражении, вновь был ранен и опять не ушел с поля боя. Вместе с бригадой в санитарной повозке проехал через оставляемую Москву и уже в Тарутино узнал, что ему присвоено звание полковника. Ходил в этом звании недолго. По сообщению А. И. Михайловского-Данилевского, в боях за Вязьму Керн, «идя в голове Белозерского полка, с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами ворвался в объятую пламенем Вязьму под убийственным огнем неприятеля» [там же], за это Ермолаю Федоровичу было присвоено звание генерал-майора и вручен орден Святого Владимира 4-й степени с бантом [2, оп. 130, д. 242, л. 17].

Следующим крупным боем, в котором участвовал Керн, стало сражение под Красным с 4 по 6 ноября. Тогда был полностью разгромлен корпус французского маршала Нея. Керна наградили орденом Святого Владимира 3-й степени, а в Вильне с характеристикой одного из лучших офицеров русской армии он был представлен самому императору Александру I [4, № 46].

Впереди же был Заграничный поход русской армии 1813—1814 гг.

Под Бауценом 8—9 мая состоялось одно из важнейших сражений весенней кампании 1813 г. Бригада, которой вновь командовал генерал, находилась на левом фланге русской армии и действовала буквально на глазах императора Александра I. После битвы Александр вызвал к себе Керна — это была уже вторая личная встреча — и объявил ему благодарность, а на следующий день ему вручили орден Святой Анны 2-й степени, украшенный алмазами.

В дальнейшем в составе армии немецкого фельдмаршала Блюхера Керн командовал 17-й пехотной дивизией. Когда в сентябре армия Блюхера форсировала Эльбу, для отражения атаки французских войск Керн использовал свой коронный прием — штыковую атаку. Восхищенный Блюхер там же наградил генерала прусским орденом «За храбрость».

В битве народов под Лейпцигом солдаты Керна два часа сражались в узких улочках деревни Шенфельд. Штыковые атаки Керна отметил Жан Бернадот, бывший маршал Франции, наследник шведского престола, командовавший под Лейпцигом Северной армией союзников. Бернадот за подвиг Керна наградил его шведским орденом Меча 3-го класса и ходатайствовал перед Александром I о награждении генерала орденом Святой Анны 1-й степени.

В кампанию 1814 г. Керн командовал различными авангардами, был во многих боевых делах, но особенно отличился при штурме Монмартра и стал кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени. Заключительный аккорд Заграничного похода — смотр войск во французском городе Вертю, где за отличную выучку, продемонстрированную его бригадой, Керн удостоился «высочайшего благоволения» от императора Александра [3, с. 653—654].

Уже после войны Ермолай Федорович возглавил дивизию, расквартированную в Лубнах, женился на дочери местного дворянина Анне Полторацкой, получившей известность в пушкиниане как Анна Петровна Керн.

Служба в мирное время у Е. Ф. Керна сложилась противоречиво. Брак боевого генерала и провинциальной дворянки оказался несчастлив. Супруги прожили вместе около десяти лет, у них родились три дочери. Анна и Ольга прожили недолго, а третья дочь — Екатерина имела успех в культурном сообществе Петербурга, была невестой композитора М. И. Глинки, к ней сватался С. Л. Пушкин — отец поэта, но она вышла замуж за М. О. Шокальского [8, с. 437]. Ее сын Юлиан Михайлович стал известным русским океанографом, его именем назван пролив в Северном Ледовитом океане.

В 1826 г. А. П. Керн покинула мужа и переехала в Петербург.

Непросто сложилась и военная карьера Е. Ф. Керна. В первые послевоенные годы традиционным мероприятием были военные маневры. Одни из таких маневров состоялись в Полтаве в 1817 г.

Высшее военное командование прибывало на них вместе с женами, особенно, если ожидалось присутствие царя. Естественно, и Керн прибыл туда с молодой женой. Супружеской чете были оказаны знаки внимания самого императора, генерал Керн кроме лестного отзыва получил еще и денежную поддержку на покрытие долгов. Однако на следующие маневры генерал Керн уже не приглашал. Не сложились отношения с непосредственным начальником — генералом Ф. Остен-Сакеном, который запретил ему участвовать в маневрах. И вот здесь Керн совершил проступок. Он решил поехать на маневры самостоятельно, нарушив приказ своего начальника, к тому же усугубив ситуацию еще и тем, что, торопясь к месту маневров, на последней почтовой станции перехватил свежих лошадей, предназначенных самому Остен-Сакену.

Финал оказался закономерен — Керн был освобожден от занимаемой должности и «назначен по армии» [2, оп. 130, д. 242, л. 17]. Нахождение на службе без занятия определенной должности существенно сказывалось на денежном содержании. Керн, не имевший других источников доходов, оказался в сложном положении. Надо было ехать в Петербург и искать там возможность увидеться с императором, чтобы получить прощение. По совету близких в столицу с мужем отправляется и А. П. Керн. В салоне Олениных в 1819 г. и произошла первая встреча Анны Петровны с Пушкиным — «Я помню чудное мгновенье».

Поездка в Петербург оказалась удачной — Керн получил новое назначение [там же]. Он с успехом продолжил командовать войсками, в 1823 г. даже заслужил очередное «высочайшее благоволение». Но вскоре, учитывая состояние здоровья, семейное положение, генерал был вынужден проситься на постоянное место службы в относительно крупный город.

В сентябре 1823 г. командир 4-го пехотного корпуса генерал от кавалерии Н. Н. Раевский передает просьбу командира 11-й дивизии генерала Керна направить в связи с плохим состоянием здоровья его «ко-

мендантом в Ригу или другое место» [2, оп. 76, д. 366, л. 1—3]. Уже в ноябре того же года исполняющий обязанности начальника главного штаба генерал И. И. Дибич сообщает, что «бывший командир 11-й дивизии генерал-майор Керн согласно его желанию назначен уже высочайшим приказом 26 истекшего сентября комендантом в Ригу» [там же, л. 4].

Однако на должность, не связанную с командованием войсками, вело к существенному снижению денежного содержания, в связи с чем 24 апреля 1824 г. Керн обращается с рапортом о сохранении ему столовых денег, которые он получал, командуя дивизией. В ответ Александр I принимает решение оказать ему единовременную помощь в размере 5 тыс. рублей [2, оп. 130, д. 242, л. 3—6]⁴. Одновременно министерство финансов и военное ведомство решали вопрос о выплате генералу столовых денег. «Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генерал-губернатору» маркизу Ф. О. Пауллуччи пришел из инспекторского департамента Главного штаба русской армии запрос об источниках доходов коменданта Риги, 23 мая 1824 г. он сообщил, что каких-либо дополнительных доходов, кроме 300 рублей серебром в виде добровольных взносов горожан, Керн не имеет [там же, л. 12].

В мае в Ригу поступил и неофициальный запрос. Генерал Дибич обратился с просьбой к начальнику штаба 1-го пехотного корпуса генералу Ф. Ф. Эккельну «о частном и скрытом выяснении источников посторонних доходов Керна» [там же, л. 14]. Ответ Эккельна был более подробным. Действительно, с 1803 г. в Риге сложилось правило, в соответствии с которым военному коменданту, обеспечивающему порядок в городе, полагалось материальное вознаграждение в сумме 300 рублей серебром. Эта сумма складывалась из выплат горожан за ввоз в город сена (1500 рублей), дров (1000 рублей) и различных подарков от города на 1000 рублей. Всего около 3,5 тыс. рублей ассигнациями. В середине XIX в. 1 серебряный рубль стоил 16 рублей ассигнациями [2, оп. 146, д. 448, л. 13]. Однако Керн от всего этого отказался, чтобы не быть зависимым от рижских чиновников. Как результат — чиновники, участвовавшие в злоупотреблениях, были недовольны новым комендантом и «позволяли себе роптать» на него.

Эккельн также отметил, что столовые деньги выплачивались военным комендантам других городов: московскому — 4 тыс. рублей, каменец-подольскому — 4 тыс., киевскому — 3 тыс., смоленскому — 2 тыс. Керну была установлена выплата 4 тыс. рублей в год [2, оп. 130, д. 242, л. 22].

Необходимо отметить, что Керн оказался в Риге в очень непростой служебной ситуации. Упомянутый уже Ф. О. Пауллуччи был военным губернатором в Риге с октября 1812 г. С ним весьма долго служил

⁴ Реально же Керн получил 4,5 тыс. рублей, так как в то время существовало правило, по которому с подобных выплат удерживалось 10% в пользу «инвалидов», т. е. военнослужащих, уволенных в отставку из-за увечья или предельного возраста [2, оп. 130, д. 242, л. 8].

полковник Вакульский⁵. Керн не только был назначен помимо согласия военного губернатора, но и перешел дорогу его приближенному лицу. Вакульский работал в должности плац-майора, помощника военного коменданта Риги. Отношение плац-майора к службе было прохладным. Со всей прямотой, присущей Керну, новый комендант стал требовать от Вакульского должного исполнения им своих обязанностей (организация караульной службы, решение снабженческих вопросов и т.д.). Вскоре Керну стало известно, что Вакульский еще и злоупотреблял своим положением, извлекая от этого материальную выгоду. Паулуччи, видимо, знал о неблагоприятных делах своего приближенного, но прикрывал его.

Избавиться от Керна просто так военный губернатор не мог. Тогда в декабре 1826 г. по его указанию была подготовлена записка начальнику Главного штаба русской армии, в которой генерал Керн обвинялся в ряде неблагоприятных поступков. Понимая, что в армии военный авторитет Е. Ф. Керна весьма высок, отстранение его по службе могло вызвать неодобрительные отклики и недоверие руководства государства к нему самому, Паулуччи просит «назначить Керна по армии, не предавая поступков его суждению во уважение полученных им на службе ран и увечий». Записка Паулуччи послужила поводом для разбирательства, документы которого сохранились в так называемой «Краткой выписке из Следственного дела о слабом якобы исправлении Рижским комендантом генерал-майором своей должности и об уклонении его от многих на службе обязанностей» [2, оп. 133, д. 323, л. 1—15].

Генерал И. И. Дибич по военным кампаниям хорошо знал Керна, поэтому сомневаясь в том, что в письме изложена правда, принял решение направить обвинительную записку Ермолаю Федоровичу с припиской, чтобы Керн или просил расследования или добровольно уходил со службы военного коменданта. Керн хотел лично прибыть для объяснений в Санкт-Петербург, по ему было в этом отказано. Тогда он был вынужден письменно изложить свои возражения.

Первым упреком Паулуччи в адрес Керна было то, что он начиная с 1824 г. часто болел, подолгу не выходил на службу, его служебные обязанности заключались только в раздаче письменных указаний своим подчиненным, которые следовали прежде всего плац-майору Вакульскому, и тот якобы был вынужден кроме своих должностных обязанностей выполнять работу и за Керна. Керн обременял Вакульского и другими поручениями, требуя от него письменных донесений об их выполнении.

Керн согласился с тем, что у него было слабое здоровье. Но с 1824 по 1826 г. он всего несколько дней провел дома по болезни, причем делал это только после разрешения военного губернатора. Чиновники военной комендатуры за эти пропуски на него не роптали. Только в

⁵ Как сообщил впоследствии генерал Розен, командир 1-го пехотного корпуса, Вакульский с 1811 по 1818 г. был адъютантом у Паулуччи, а затем «исполнял должность военного коменданта с полным доверием военного губернатора». [2, оп. 133, д. 323, л. 8—9].

1826 г., когда у него открылась рана, он проболел четыре месяца, но службу все равно нес, затруднений в решении служебных вопросов не было. Причем эти обстоятельства подтвердил впоследствии начальник 1-й пехотной дивизии, квартировавшей поблизости, генерал-лейтенант Пейкер.

Что касается исполнения Вакульским должности военного коменданта, Керн отверг это категорически. Предписания плац-майору выдавались в соответствии с его должностными обязанностями. Да, он требовал от своего заместителя еженедельных донесений об исправном содержании караульных постов, но только тогда, когда Керну стало известно об упущениях по службе Вакульского. Керн докладывал об этом военному губернатору [2, оп. 133, д. 323, л. 3—4].

Особое недовольство у Паулуччи вызывала неуступчивая позиция Керна при проведении торгов по приобретению строительных, хозяйственных и иных товаров и материалов, необходимых для проведения ремонтных и других работ в крепости.

В 1826 г., когда Керн серьезно заболел, и не мог посещать службу, он поручил командиру инженерной крепостной команды организовать торги у него дома. Вмешался военный губернатор и приказал Вакульскому устроить их в помещении инженерной команды. Керн сообщил, что плац-майор, проводя торги, необоснованно превысил «справочные» цены, заплатив вместо четырех тысяч рублей шесть. Таким же образом были завышены и другие цены. Керн докладывал об этом военному губернатору, но тот мер не принимал.

Более того, Паулуччи в обвинительной записке пишет, что Керн отказывался утверждать цены на продажу железного лома, который крепостные службы должны были отпустить торговцам за отсутствием в нем надобности. Керн возмутился: «Военный губернатор предписал продать лом по цене 90 коп. за пуд, а я продал по 1 руб.», Паулуччи был вынужден согласиться с такой постановкой дела, но, как следует из документов, не забыл об этом [там же, л. 5—6].

Вообще, когда дело касалось финансовой выгоды для казны, Керн был особо въедливым, чем еще более раздражал оппонентов. Примером служит отказ Керна утверждать цену на перевозку припасов инженерного ведомства. Припасы надо было везти в Динабург, и инженерный начальник договорился на перевозку из расчета 1,1 рубля за пуд. Керн не поленился сам навестить перевозчика. Цена подтвердилась, но Керн продолжал раздумывать. Тогда на следующий день к нему приехал командир Лифляндского инженерного округа полковник Клот и стал уверять военного коменданта, что перевозка срочная, дешевле никто за нее не возьмется, что он будет вынужден сообщить об этом в инженерный департамент в Санкт-Петербург. Керну ничего не оставалось делать, как согласиться на 1,1 рубля за пуд. Однако через пять часов, пишет военный комендант в объяснении, «к нему прибыл мещанин Кочь и сказал, что согласен перевезти за 1,05 рубля может и поторговаться». Керн подписание контракта приостановил, чтобы на другой день произвести «переторжку». Военный губернатор переторжку не разрешил, а через три дня сам утвердил перевозку по цене 1 рубль 5 копеек, но уже купцу

Крюкову. Однако ведомости без визы военного коменданта были недействительны, а Керн ставить ее из-за незаконных цен отказывался. И все же подписать пришлось, после строжайшего указания Паулуччи [2, оп. 133, д. 323, л. 7].

В записке Паулуччи приведено девять подобных примеров. Ни с одним из обвинений Керн не согласился. Причем в подтверждение своей правоты он перечислил (генерал-лейтенант Пейкер, командир 1-го округа Внутренней стражи барон Сакен, командир Рижской артиллерийской части полковник Риман), сообщив, что докладывал о беспорядках по инстанциям, вплоть до военного министра, но рапорт на имя последнего вернулся военному губернатору [там же, л. 7—8]. Дибич вынужден был назначить расследование дела, которое провел командир 1-го пехотного корпуса генерал Розен.

Розен постарался быть объективным. В выводах расследования он отметил, что «Керн не мог проявить той расторопности, которой требовал от него военный губернатор из-за здоровья». Указал на причины конфликта военного коменданта и его помощника (отношения последнего с военным губернатором). Признал наличие трений между военным комендантом и начальником Лифляндского инженерного округа Клотом. «Из-за усердия Керна для пользы казны он вышел за пределы своих обязанностей, начал проверять и осматривать материалы, цены после их утверждения, искал поставщиков, не сносаясь с инженерным начальством, не стал подписывать месячные ведомости под предлогом, что не он, а плац-майор утвердил цены на материалы, которые оказались слишком высокими».

Кроме того, Розен заявил, что обвинение военного губернатора в увлечении карточной игрой необоснованно: «...Керн не был игроком». Да, он «употреблял нижние чины на производство» гражданских работ, но работы были оплачиваемыми и жалоб не поступало. Не согласился Розен и с обвинением Вакульского, что Керн злоупотребляет спиртным.

Вывод Розена: «В сложившейся ситуации Керна нецелесообразно оставлять в должности. Действия его есть результат благовидных намерений предохранить казну от ущерба. Учитывая это и его усердную службу, удалять его от армии без содержания нельзя из-за его бедственного положения» [там же, 13—14]. В результате 30 июля 1827 г. генерал И. И. Дибич предписывает: «Приказом Государя Императора от 20 июля генерал-майору Керну состоять при армии с производением получаемого им ныне содержания» [там же, л. 15].

Через полгода Е. Ф. Керн назначается военным комендантом Смоленска, в апреле 1828 г. ему присваивается очередное воинское звание — генерал-лейтенант [2, оп. 86, д. 1038, л. 6]. Подобная оценка заслуг боевого генерала заставила его ходатайствовать о более активной военной службе. С началом Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он дважды просился в действующую армию, но назначения не получил. Когда через три года началось восстание в Польше, Керн обращается к императору: «Теперь, когда дерзкие мятежники навлекли на себя праведный гнев Его Императорского Величества и войска российские под-

вигаются снова за царя — мне прискорбно оставаться в бездействии, когда я еще чувствую довольно силы служить в поле и, может быть, сделаться полезным долголетнею опытностью и непоколебимой верностию» [2, оп. 20, д. 401, л. 2—3].

Генералу было уже 66 лет. В Главном штабе Российской армии считали, что достойной вакансии для Керна в действующей армии нет. Однако, учитывая его патриотический порыв, Николай I 19 марта 1832 г. принимает решение: «В награду отлично усердной службы смоленского коменданта генерал-лейтенанта Керна Е. В. полагаю производить ему не в пример другим взамен получаемых ныне четырех тысяч столовых по шесть тысяч ассигнациями ежегодно, доколе он будет состоять в настоящей должности» [2, оп. 86, д. 1038, л. 10].

Ермолай Федорович был отправлен в отставку 6 ноября 1837 г. [2, оп. 28, д. 563, л. 1]. Вскоре он перебрался в Санкт-Петербург, снял квартиру (своего жилья так и не приобрел) и попытался привести хотя бы в относительный порядок свою личную жизнь.

Брак его с А. П. Керн формально сохранялся. Анна Петровна, попав в круговорот петербургской светской жизни, вела самостоятельный образ жизни и периодически обращалась с ходатайствами, вплоть до императора, чтобы Е. Ф. Керн как супруг оказывал ей материальную помощь. Еще в 1836 г. генералу было высказано императорское пожелание, чтобы он «по закону давал ее приличное содержание» [2, оп. 147, д. 399, л. 6].

Ответ Керна императору был прямолинеен: «...если угодно Его Величеству, чтобы он давал содержание жене своей, то он покоряется монаршей милости, но просит принудить жену его силою законов жить вместе с ним» [там же, л. 7].

Через некоторое время А. П. Керн вновь обращается к Николаю I все с той же просьбой: заставить генерала выплачивать ей содержание. Дело дошло до суда. Так на боевого генерала на исходе его жизни завели судебное дело.

Летом 1840 г. гражданский надворный суд определил: «Объявить через Управу благочиния жене генерал-лейтенанта Керна и самому ему с подписками, чтобы они жили вместе, и с такими отношениями, как поставлено законами». В деле есть отметка, что «подписки от Ермолая Керна не поступило — умер» [там же, л. 16].

Генерал Е. Ф. Керн скончался 8 января 1841 г. в Санкт-Петербурге.

Список литературы и источников

1. *Алфавитный указатель частей войск, участвовавших в делах и сражениях Отечественной войны 1812 г., войн 1813—1814 гг. и участников этих войн.* СПб., 1911.
2. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).* Ф. 395.
3. *Справочный энциклопедический словарь.* СПб., 1847. Т. 6.
4. *Михайловский-Данилевский А. И.* Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1845. Т. 2.
5. *Кретинин Г. В.* Ермолай Федорович Керн: биографический очерк // *Новый часовой : военно-исторический журнал.* 2000. № 10.

6. Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985.
7. 200 лет 3-го гренадерского Перновского короля Фридриха Вильгельма IV полка. М., 1910.
8. Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989.

Об авторе

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор, директор НОЦ «Балтийский регион», Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: briacrisi@baltnet.ru

THE "COURT CASES" OF GENERAL YE. F. KERN

G. V. Kretinin

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on February 21, 2012

This article focuses on the battle career of the Russian general, Ye. F. Kern, who dedicated sixty years to the service of the country. General Kern participated in most wars and military campaigns the Russian state was involved in in the last quarter of the 18th-the first quarter of the 19th centuries. Despite being a contemporary and often a companion-in-arms to outstanding Russian public and military officers, he could not secure a dominant position on the military Areopagus. Moreover, in the post-war period, his life was scarred by tragedies.

In Russian culture, he became infamous because of his wife. Over the last two centuries, Ye. F. Kern have been described as a "rude" and "ignorant" person destroying the aspirations of a young, courtly, and educated woman towards noble ideals and sublime feelings. This article considers the features of provincial military life in the light of its hardships and routine aggravated by the peculiarities of bureaucracy of the centres of Russian periphery of the time. The case of Ye. F. Kern helps understand how a Russian general, despite the vicissitudes of fate — battle injuries, career hardships, family discord, and lack of stability — managed to remain true to the once chosen direction in life — service of the country.

Key words: war, officers, generals, service, military transport officer, army, marriage, allowance, resignation.

1. *Alfavitnyj ukazatel' chastej vojsk, uchastvovavshih v delah i srazhenijah Otechestvennoj vojny 1812 g., vojn 1813—1814 gg. i uchastnikov jetih vojn [Alphabetical index of the troops who took part in the affairs and battles of World War II in 1812, war of 1813—1814. and participants in these wars], 1911, Saint Petersburg.*

2. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Archive of Military History]*. F. 395.
3. *Spravočnyj jenciklopedičeskij slovar' [Encyclopaedic dictionary]*, 1847, Part 6, Saint Petersburg.
4. Mihajlovskij-Danilevskij, A.I. 1845, *Voennaja galereja Zimnego dvorca*, P. 2, Saint Petersburg.
5. Kretinin, G.V. 2000, Ermolaj Fjodorovič Kern. Biografičeskij očerok [Yermolai F. Kern. Biographical Sketch], *Novyj časovoj. Voenno-istoričeskij žhurnal [New time. Journal of Military History]*, no. 10.
6. Kuznecov, A. A. 1985, *Ordena i medali Rossii [Orders and Medals of Russia]*, Moscow.
7. *200 let 3-go grenaderskogo Pernovskogo korolja Fridriha Vil'gel'ma IV polka [200 years of 3rd Grenadier Pernovskogo King Friedrich Wilhelm IV Regiment]*, 1910, Moscow.
8. Gordin, A.M. (ed.), 1989, *Kern (Markova-Vinogradskaja) A.P. Vospominanija. Dnevnik. Perepiska [Kern (Markov-Vinogradskaya) AP Memories. Blogs. correspondence]*, Moscow.

About author

Prof. Gennady V. Kretinin, director of the Baltic Region research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: briacrisi@baltnet.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 911.3:32

БАЛТО-ЧЕРНОМОРЬЕ В ДВОЙНОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПА-ЕВРАЗИЯ

М. В. Ильин
Е. Ю. Мелешкина*

Московский государственный институт международных отношений МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Поступила в редакцию 12.03.2012 г.

Рассматривается регион Балто-Черноморья (Восточная Европа, European isthmus, Balto-Pontic isthmus, Great Eastern Isthmus etc.) не только как географическое пространство междуморья (Intermarium, Intermarium), но и как междуморье — интерфейс европейской и отечественной (евразийской) цивилизации. Цель исследования — выявление логики изменения конфигураций этого геополитического пространства. Используется и развивается предложенная В.Л. Цымбурским концепция конфликтной балтийско-черноморской системы. Однако в отличие от его агентивной трактовки конфликтной системы противоборства центров силы обосновывается иная, структурная модель Балто-Черноморской системы (БЧС) как многомерного эволюционирующего пространства разнородных взаимодействий, включающих и сотрудничество. Доказывается возможность использования модели БЧС в интерпретации и оценке политического развития междуморья с конца XIV столетия до наших дней. Анализируются пространственные, геополитические и геохронополитические характеристики Балто-Черноморья, а также модели межцивилизационного взаимодействия Европы и Евразии. Рассматривается проблема политической идентичности региона, его способности играть самостоятельную роль в мировой политике.

Ключевые слова: Балто-Черноморье, взаимодействие цивилизаций, конфликтная система, двойная система цивилизаций.

Внутренняя форма вынесенного в заголовок составного слова *Балто-Черноморье* подсказывает, что речь идет о соединении бассейнов Балтийского и Черного морей. Здесь многие поколения разных племен, сведенных вместе масштабными географическими и длительными историческими обстоятельствами, формировали общее месторазвитие [11]. В данном пространстве значимы две структурные: оси Север — Юг (Балтика — Черноморье) и Запад — Восток (Европа — Евразия). По оси Север — Юг месторазвитие предстает как междуморье, а по оси Запад — Восток как междумирье¹.

Полтора десятка лет назад в ходе бесед и споров одного из авторов статьи — М. В. Ильина — с В. Л. Цымбурским выявились две альтернативные трактовки политической организации Балто-Черноморья, или Балто-Черноморской, или балтийско-черноморской — в терминологии Цымбурского — системы (БЧС). Цымбурский акцентировал преимущественно военно-стратегические аспекты БЧС и все то, что в методологической литературе того времени принято было связывать с волевой деятельностью участников политических процессов (*agency*). Этому подходу соавтор данной статьи противопоставлял прямо противоположный — структурный, исходящий из устойчивых и до известной меры «непреодолимых» географических характеристик пространства.

В чем различия агентного и структурного подходов? Структурные факторы связаны с выделением месторазвитий различного масштаба — глобальных, территориальных и локальных — и структур их опосредования, или интерфейсов (например, вскрытого С. Рокканом построения территориальной организации Западной Европы). БЧС является интерфейсом двух глобальных месторазвитий — Западной Европы и Северной Евразии. Данный интерфейс пронизывает пространства их стыка, точнее — взаимоналожения, а также различные территориальные и локальные месторазвития этой зоны, создавая логику пространственного взаимодействия.

В трактовке В. Л. Цымбурского БЧС выступает конфликтной системой. Подобные системы связаны с силовым раскладом и существуют лишь на поверхностном уровне международной организации². На другом, глубинном уровне, как признает сам В. Л. Цымбурский, «мы имеем опорные геополитические роли, характерные для пространства данной системы, и напряжение между ними» [14, с. 251—252]. Данное различие вполне логично заставляет В. Л. Цымбурского поставить принципиальный вопрос: «Не следует ли считать, что глубинный и поверхностный уровни международной системы образуются разными видами сущностей и разными типами отношений между ними, при том что единицы и отношения одного уровня могут всегда преобразовываться в единицы и отношения другого?» [14, с. 251].

¹ Двойное определение Балто-Черноморья как междуморья и междумирья было предложено В. Л. Цымбурским.

² «Я трактую международную систему на поверхностном ее уровне как систему конфликтную» [14, с. 252].

На этот вопрос следует дать утвердительный ответ. При этом нужно, однако, уточнить, что дело не просто в наличии двух уровней, а в разных системных и темпоральных масштабах. Дифференциал между масштабами создает хронополитическую перспективу. Возникает эволюционный потенциал, из которого вытекают прагматические возможности повседневных действий, в том числе связанных с силовым противоборством политических протагонистов, но далеко не исчерпывающих их соперничеством.

Разумеется, наши с В. Л. Цымбурским походы к пониманию Балто-Черноморья во многом совпадали и по ходу дискуссий существенно сблизились. Так, при обсуждении первых вариантов статьи В. Л. Цымбурского удалось убедить его, что БЧС не вполне умерла к периоду Венского конгресса, как он считал первоначально. Ее конец был им передвинут ко временам Версаля. Кроме того, В. Л. Цымбурский внес изменения в концовку своей работы и добавил постскрипtum о территориях-ориентирах в 40-х гг. XX в. Со своей стороны М. В. Ильин принял концепцию территорий-ориентиров, придав ей, однако, не конфликтное, агентивное понимание каналов взаимодействия мощных держав, а структурную трактовку в качестве мест (loci) государственного строительства (state-building) и, шире, месторазвитий.

Балто-Черноморское междуморье

При панорамном взгляде на широкую протяженность Старого Света на западе перед нашим взором предстает причудливый полуостров. Это — Европа. Образ ее как полуострова был использован еще Александром Гумбольдом в его классическом труде «Космос», где он писал о «западном полуострове Азии» [4, с. 309, 351]. Представление о Европе как о гигантском полуострове Старого Света весьма последовательно проводил Халфорд Маккиндер [5, с. 179, 182, 203]. При этом он рассматривал «Европейский перешеек между Балтийским и Черными морями» (European isthmus ... between the Baltic and the Black seas) [5, с. 179, 197—198, 203] как своего рода связку между Европой и Сердцевинной Земли, а также говорил об этом пространстве как о «проходе» (gateway) из Европы в Азию или из Сибири в Европу [5, с. 69, 74, 180, 203].

Другие исследователи, которые писали о восточных пределах полуострова Европы, отмечали «балтийско-черноморскую перемычку... где материк суживается» как естественный континентальный фронтьер Европы [12, с. 110, 114] или просто ссылались на традиции античных географов, рассматривавших вслед за Птолемеем связку между Европой и Азией как своего рода перешеек [7, с. 293]. Выдающийся польский географ Еугениуш Ромер называл его Балто-Понтийским перешейком. Его знаменитый соотечественник историк Оскар Халецкий предложил особое название для этого региона — Великий Восточный перешеек (Great Eastern Isthmus) [3]. Он же упорно развивал идею европейского пограничья [2], которое как раз проходит по Великому Восточному перешейку.

Существуют и другие синонимы. Так, получило распространение название Междуморье. Его латинская версия (*Intermarium, Intermarum*) используется в основных новоевропейских языках — английском, французском, немецком. В языках самого региона бытуют собственные названия: пол. *Międzymorze*, лит. *Tarpjūris*, чеш. *Mezimoří*, словац. *Medzimorie* и т. п.

По большей части невысокий, зачастую незаметный водораздел акцентирует геоморфологическое своеобразие так называемого *Балто-Понтийского перешейка*. Об этом пространстве можно говорить в нескольких смыслах. Можно, например, выделить и объединить водосточные бассейны обеих морей. Они охватывают большую часть формальной географической Европы от Атлантики до Урала, кроме ее западных и восточных, южных и северных пределов. Это своего рода внутренняя Европа, а с добавлением к черноморскому также и всего средиземноморского бассейна — лона Римской империи — она будет называться кореной Европой.

Однако совершенно очевидно, что включать в *Балто-Черноморское междуморье* оба водосточных бассейна целиком избыточно. Ясно, что земли Скандинавии и Анатолии, Ютландии и Закавказья имеют скорее *заморскую*, чем *приморскую* и тем самым *междуморскую* идентификацию с точки зрения интересующего нас пространства. Оно расположено *между* Балтийским и Черным морями, а не *вокруг* них.

В связи с этим целесообразно выделить широкое географическое объединение балтийского и черноморского стоков, имеющих общий водораздел, который протянулся от Есеника и Бескид на западе до Оковского леса³ и Валдая на востоке. На западе его контуры намечаются водоразделом Дуная, затем от Шумавы по Моравской возвышенности уходят к Есенику и Судетам, после чего прочерчиваются по водоразделу устремленной к Северному морю Лабы (Эльбы) и стекающей в Балтику Одры (Одера).

В своих прежних статьях М. В. Ильин был склонен прочерчивать условную границу от Карпат к северу по водоразделам притоков Вислы и Днепра, а затем по западному водоразделу Немана. Эта граница, однако, слишком «политкорректна» и близка к существующим государственным границам. Если же в более полной мере учитывать собственно географические и структурные параметры, то следует принять включение в большое Балто-Черноморье бассейнов Вислы и Одры.

На востоке с его сглаженным рельефом границы не столь отчетливы. Здесь пределы Балто-Черноморья лежат на шеломяне⁴ Среднерусской возвышенности с двумя отчетливыми ядрами, где встречаются

³ Оковский, или «озерный», лес — система невысоких возвышенностей у верховий Днепра, Западной Двины, Ловати и притоков Волги в северной части Среднерусской возвышенности.

⁴ Шеломянь — водораздельная гряда. Ср. рефрен «Слова о полку Игореве»: «О Русь, за шеломянем еси» (О Русь, ты уж за холмом). В своих статьях о внутренней геополитике России М. В. Ильин называет *шеломьянем* внутренний русский водораздел, ставший структурной крепой поздней Киевской Руси.

или близки истоки основных рек региона. Это уже упоминавшийся Оковский лес на севере и орловско-оскольские «высоты» на юге. Отсюда условный рубеж можно провести по восточному водоразделу Дона на юг. На север рубеж уходит через Валдай по водоразделу «длинной» Ловати с продолжением в виде Волхова и Невы. В силу «смазанности» водораздельных границ удобно пользоваться четкими речными границами — Дон на юге, Ловать-Волхов-Нева на севере при сохранении остающегося заметным «шеломья» Среднерусской возвышенности.

Пространство между западными водоразделами Дуная и Одры и восточными Днепра и Ловати охватывает огромную территорию. Внутри нее целиком оказываются нынешние Польша, Словакия, Венгрия, Румыния, Молдова, Украина, Беларусь, Литва, Латвия и Эстония. Теми или иными своими краями в нее включаются или к ней примыкают Австрия, Сербия, Босния и Герцоговина, Хорватия, а также земли Германии, Чехии, Словении, Болгарии и России. Назовем это обширное пространство *большим Балто-Черноморским междуморьем*.

Данное географическое образование сформировано двумя полосами территорий, принадлежащих к бассейнам Балтийского и Черного морей, — восточной и западной⁵. Они разделены меридианным массивом Карпат, его почти широтным продолжением в виде Бескид, а затем вновь практически меридианным ответвлением — водоразделом бассейнов Вислы и Одры⁶.

К востоку от карпатского и висло-одренского водораздела лежат речные стоки Черного моря (Днестр, Южный Буг, Днепр), которые соседствуют с реками балтийского бассейна (Висла, Неман, Преголя, Западная Двина и протекающие сквозь озера длинные реки Великая с Нарвой и Ловать с Волховом и Невой). Это своего рода *малое Балто-Черноморское междуморье*. Оно образует предкарпатское и — условно — предвислинское предмостье Евразии. Оно охватывает львиную долю территории большого междуморья и более отчетливо выражает междуморский географический синдром. Этот синдром, как будет показано впоследствии, значительно усиливается политическими факторами. Данные обстоятельства делают малое междуморье основным объектом анализа нашей статьи.

К западу от Карпат и их меридианного продолжения в виде одравислинского водораздела расположены бассейны Дуная и Одры. Это географически более дробное и разнородное пространство, распадающееся на ряд связанных, но существенно отличающихся друг от друга

⁵ Подобное деление намечено уже Оскаром Халецким [3], который вычленил в Центральной Европе ее западную (West Central Europe) и восточную (East Central Europe) части. К первой он относил заселенные немцами регионы, ко второй — пространство между Германией и Россией.

⁶ В то же время следует признать и значимость восточно-польского водораздела между бассейном Вислы, с одной стороны, и бассейнами Днестра, Днепра, Немана и Преголи — с другой. Зона взаимного перетекания Европы и коренной Евразии друг в друга к северу от Карпат размыта и членится на череду своего рода сегментов, образованных бассейнами стекающих в Балтику рек.

территорий. Одни из них тяготеют к Балтийскому (Польша), а другие — к Черному (Румыния, Болгария) морю. Третьи ощущают свою удаленность от моря: это расположенные внутри и вокруг Подунавской котловины Словакия, Австрия, Венгрия и Сербия. К тому же данную полосу территорий вновь делят по градиенту восток — запад реки Дунай и Одра (Одер). Правобережье Одры и левобережье Дуная отчетливее выражают балто-черноморский синдром. Соответственно левобережье Одры и правобережье Дуная демонстрируют его куда слабее и ориентированы на западноевропейские пространства, точнее на бассейны рек североморского и адриатического стока. В этом смысле весьма характерен символизм двойного города Буды и Пешта (Будапешта).

В своей совокупности данная полоса пространств образует закарпатскую и судето-одерское предмостье Европы. Это пространство также будет рассматриваться, однако в основном как зона контакта и взаимодействия Балто-Черноморья в узком смысле с собственно Европой. В этой зоне совершенно особое место принадлежит Подунавской, или Венгерской, котловине. Здесь, в Среднем Подунавье или Альфельде (венг. *Alföld* — *низина*) степное ядро Пусты (венг. *Puszta*⁷) сочленяется с лесостепными ответвлениями вдоль многочисленных рек и с лесным обрамлением, переходящим в различного рода горные зональности. Эта ниша издавна привлекла древние племена, которые создали сначала языковой союз, а затем индоевропейскую языковую общность. Как показывают данные сравнительно-исторического языкознания, из нее, скорее всего, исходят основные миграционные волны индоевропейцев и, возможно, славян [13].

В обеих географических нишах — предкарпатской и закарпатской — политические и хозяйственные усилия людей создают месторазвития, которые исторически связаны с процессами европейского и евразийского цивилизационного развития. Иными словами, освоение этих пространств получает геополитическое самоопределение благодаря взаимодействию двух цивилизационных общностей — Европы и коренной Евразии, или так называемой России-Евразии. Возникает *междумирье* — интерфейс двух цивилизаций. В этом междумирье два пояса — западный, центрально-восточноевропейский, и восточный, собственно восточноевропейский.

Оба пояса промежуточные; оба связывают Европу и коренную Евразию. Причем именно связывают, а не разделяют. Большое Балто-Черноморье — это пространство пересечения, взаимного наложения природных начал Европы и коренной Евразии. Сюда глубоко проникают евразийские степи. Их крайней западной оконечностью является уже упоминавшаяся Пуста. Сюда простерлись европейские лиственные и смешанные леса. Именно здесь наибольшей ширины, мощи и продуктивности достигает лесостепная полоса — воплощение самого принципа перехода посредством взаимного наложения.

⁷ Название *Пуста* этимологически восходит к общеславянскому корню **pustъ*, ср.: русские слова *пусто*, *пустырь*, *пустыня*, сербо-хорватские *pust*, *pusta*, *pusto*, словацкое *púšť*.

Между обоими поясами есть, однако, и очевидные различия. Западный ориентирован на Европу. Он тесно связан с ней и географически, и культурно, и хозяйственно. Восточный пояс открыт евразийским контактам, фактически незаметно и постепенно сливается с Сердцевиной Земли.

Двойная система Европа-Евразия

При упоминании двойной цивилизационной системы Европа — Евразия обычно возникают ассоциации с контрапунктами европейского модерна и евразийской русской системы, европейского капитализма и советского социализма (антикапитализма).

Подобный контрапункт, однако, содержится уже в разделении Римской империи на западную и восточную, актуализованный расхождением цивилизационных судеб этих двух административных образований после падения Рима в 476 г. и образования на западе западноевропейской Христианской республики, а на востоке — Ромейской теократии.

Не менее важен для Западной Европы еще один контрапункт — между римской цивилизацией и кельтско-германским варварством (антицивилизацией). Данное противопоставление цивилизации и варварства начинает постепенно утрачивать свой смысл в рамках возникающей в Темные века западнохристианской хризиды [9, с. 24—29], однако при этом оно сохраняет структурную преемственность в «формуле биполярности». Бинарная формула была уточнена и превращена в трехчастную Верденским договором 843 г. Империя Карла Великого оказалась разделенной его внуками на Западно-франкское королевство Карла II Лысого, Восточно-франкское королевство Людовика II Немецкого и расположенное между ними от низовьев Рейна до Италии Срединное королевство — достояние короля и императора франков Лотаря I — Лотарингия. Срединное королевство, впрочем, уже после смерти Лотаря было разделено его сыновьями на три королевства — Лотарингию, Прованс и Италию.

Соответствующий контрапункт лег в основу концептуальной карты Стейна Роккана. Он же использован В.Л. Цымбурским в более узком смысле, в духе конфликтных систем. Рассуждая о внутренних программах европейской «куколки-хризиды», наш коллега отмечает, что «важнейшая из таких программ в собственно геополитическом аспекте была связана с генетической биполярностью континентальной коренной Европы — биполярностью, восходящей к обособлению и конкуренции двух больших провинций раннесредневекового Франкского королевства: разделенных Рейном Нейстрии и Австразии»⁸. На их основе «вырастают две крупнейшие западно-христианские державы — коро-

⁸ Нейстрия (*Neustria*), или иногда Нейстарзия (*Neustrasia*), — «новая» земля, нынешняя Северная Франция, заселенная пришедшими с Рейна франками. Австразия (*Austrasia*), именовавшаяся иногда также Австер (*Auster*), — «восточная» земля.

левство Франция и Священная Римская империя германской нации» [14, с. 107—108], контрапункт которых структурирует силовой расклад в Европе вплоть до наполеоновских войн.

Рассмотрение биполярности в терминах конфликтных систем, безо всякого сомнения, весьма продуктивно. Об этом свидетельствует обширнейшая литература о биполярности мира и соперничестве сверхдержав в XX в. Не менее, а с нашей точки зрения, даже более продуктивно рассмотрение биполярных структур в расширенной перспективе, с учетом не только поверхностных — силовых, но и глубинных — собственно цивилизационных изменений.

В плане взаимодействия цивилизаций В. Л. Цымбурский рассматривает «два случая, когда цивилизации образуют бинарные системы, причем один из элементов системы играет роль “цивилизации-хозяина”, а другой, более молодой, выступает как “цивилизация-спутник”». Это Европа и Россия, а также Китай и Япония. В последнем случае — «это дальневосточная (так называемая конфуцианско-буддистская) цивилизационная система, внутри которой выделяются в последние полтора тысячелетия “цивилизация-хозяин” — Китай с его континентальными приделами (Кореей, Юго-Восточной Азией, приалтайскими областями) и “цивилизация-спутник” Япония» [14, с. 120].

Вместе с тем на примере России и Японии Цымбурский обнаруживает «различие в типах геополитических отношений, способных устояться внутри системы цивилизаций между цивилизацией-хозяином и цивилизацией-спутником» [14, с. 121]. В чем же это различие? В случае Китая и Японии силовой, геостратегический аспект сводится к минимуму, а в случае с Россией он, по мнению В. Л. Цымбурского, максимально усилен.

В целом соотношение между двумя двойными системами определено, вероятно, довольно точно. Однако очевидный в логике конфликтных систем контраст между двумя цивилизационными комплексами выглядит далеко не столь однозначным при учете глубинных геохронополитических аспектов. К вопросу об этих аспектах мы обратимся чуть позже, как и контрасту-сходству расположения обеих систем на краях — западном и восточном — Старого Света. Пока же проследим — вслед за В. Л. Цымбурским — силовую бинарную логику конфликтной системы в пространстве Европы и России.

В полном соответствии со своей логикой силовых противоборств В. Л. Цымбурский объясняет «ускоренное послепетровское втягивание новообразованной Империи в военную политику мира за балтийско-черноморско-адриатической полосой» в структурной необходимости для Европы «наращения своего слабеющего восточного центра силами России». В результате «цивилизация-спутник прямо включается в силовой баланс цивилизации-хозяина» [14, с. 121—122].

Инициатива в создании двойной конфликтной системы принадлежала Европе, которая в череде войн создала ореол имперских оболочек, переходящих в не-Европу. На данную роль геополитическая логика предназначила коренную Евразию, к концу XVII столетия представ-

ленную Россией. Это предопределялось мощью и структурным потенциалом европейской суперсистемы, которая вовлекла в сферу тяготения собственно Вестфальской системы также некие зародыши систем-спутников: Балто-Черноморской, Балканской и Средиземноморской. Отдельными своими звеньями эти малые системы как бы накладываются друг на друга. Швеция участвует в Вестфальской и Балто-Черноморской системах, Франция — в Вестфальской и Средиземноморской и т. п. Это ведет к постепенной интеграции отдельных конфликтных систем в международную систему общеевропейского масштаба путем сначала «склеивания» (в терминах В. Л. Цымбурского), а потом и поглощения пограничных конфликтных систем.

В рамках двойной системы от России потребовалось самоопределение как геополитического партнера Европы. Однако делалось это прежде всего в имперской логике. Речь шла о форме и масштабах экспансии по различным азимутам, которые условно можно свести с основными географическими ориентирами — Север, Восток, Юг и Запад.

Север и Восток стали направлениями уже сложившего продвижения и геополитического освоения. Здесь не наблюдалось амбициозных целей, но зато очевидной была сформулированная М. В. Ломоносовым перспектива прирастания русского могущества и, добавим, свободы, ибо Поморье, северные области и Сибирь всегда оставались землями незакрепощенных, свободных и предприимчивых людей. На Севере при этом не было «казачьей» вольницы, а на востоке она была маломасштабной.

На Юге для Третьего Рима открывалась амбициозная цель борьбы с язычниками и, в перспективе, освобождения Царьграда, а там и Святой земли.

На Западе маячил искус окончательного воссоединения Руси и возвращения к истокам, а там и еще более амбициозная цель восстановления во всем христианском мире истинного православия (пусть даже ценой компромиссов, повторения расколов и самоутраты).

Экспансия Российской империи определялась прежде всего внешними ориентирами. В качестве таковых в основном выступали Запад и Юг, хотя тут требуются некоторые уточнения. Нередко имперостроительные усилия сосредотачивались на ближайших, сопредельных территориях, однако и в этих случаях базовые ориентиры могут быть угаданы. Пример подобного рода — направления имперской экспансии, определенные Петром I. Они нарочито двусмысленны. Северо-западный (Великая северная война), юго-западный (Прутский поход) и каспийский (война с Персией) векторы экспансии представляли собой «обходные» маневры. Они, по сути дела, направлены на усиление косвенного, а в перспективе и прямого контроля над общерусским и византийским наследиями в пространстве Балто-Черноморья. В данном случае Петр отказался от лобовой политики своих предков (ранних Романовых) непосредственно бороться с Речью Посполитой и Османской империей, обладателями вождеденных геополитических «призов» — (западно)русского и византийского.

Что же касается южного и западного направлений, то тут возникла своеобразная зеркальная версия германской геополитической экспансии. Тевтонский натиск на Восток (*Drang nach Osten*) был преобразован Российской империей в натиск на Юг. Германская тоска по Югу (*Sehnsucht nach Süden*), стремление припасть к святым камням Рима и стать Священной Римской империей обернулись тоской по Западу — мечте о камнях земли святых чудес и о превращении России в сверхъевропейскую империю.

Нетрудно заметить, что собственно силовые мотивы экспансии для России дополняются, а фактически определяются мотивами, связанными с «честью», а значит, с участью — в конечном счете с цивилизационным самоопределением.

Символическим выражением формулы прорыва в историю путем имперской экспансии стало создание Петром I на только что отвоеванном крайнем северо-западе новой столицы — Петербурга, которому надлежало заново утвердить господство над многоликой и потому опасной для деспотов Россией.

Выдвижение имперского центра на крайнюю периферию не столь уж и необычно — это симптом перенапряжения империи, что подтверждается классическим примером Рима. Так, при Диоклетиане наряду с формальной столицей возникли «дополнительные», менявшие свое местоположение центры власти тетрархов — Никомедия, Антиохия, Медиолан, Сирмий, Фессалоники и Трир. При Константине центр власти смещался от Эбуракума (Йорка) в Трир, затем в Сирмий, Сердику и, наконец, в Византиум, переименованный в Константинополь. Смещение центра объясняется стремлением, во-первых, быть ближе к зонам освоения или дисциплинирования (повышение оперативности), а во-вторых, удалиться от «уставшей», слишком массивной и неповоротливой старой сердцевины империи.

В контексте задачи реформирования имперской структуры создание Петербурга более чем амбивалентно. Здесь есть и удаление из «уставшей» сердцевины Великороссии, и приближение к ареалу основных политических событий Великой северной войны. Налицо и комплекс создания парадоксально-периферийного центра нового завоевания, а значит, и внутренней деспотизации России. В создании среди невских болот, почти «за рубежом» некоей квинтэссенции европеизма есть претензия на удвоение столицы: одна — для европеизуемой России, другая — для православной «третьеримизации» Европы. Есть в этом и своеобразное восстановление геополитической вертикали пути из варяг в греки: указание на направление натиска Северной (Балтийской) Европы на дикое поле поганого Черноморья. Наконец, основание столицы на Балтике — в этом «североевропейском Средиземноморье» — становится также вполне определенным знаком вступления в европейскую историю.

Пока наш анализ лишь дополнял несиловыми, в основном культурно-духовными моментами структурную логику силовых раскладов, прослеженную В. Л. Цымбурским. Это вполне отвечает задаче дополне-

ния поверхностных уровней глубинными. Однако дело не только в соединении уровней, а в масштабе самих систем, в широте перспективы их рассмотрения и анализа. В нашем поле зрения находится преимущественно контактная зона взаимодействия России и Европы, их взаимное проникновение. Это важно, особенно для понимания процессов, развивающихся на Балто-Понтийском перешейке. Но не менее важно учитывать взаимодействующие цивилизации целиком, в совокупности и внутри единого контекста.

Что это означает практически? Вот один лишь пример. Очень часто историческую роль Киевской Руси, а с ней и всего Балто-Черноморья видят лишь в защите от монгольского завоевания Европы. Москва оказывается до времени лишь мелким осколком былой державы. Это, конечно, верно, но не менее верно и другое. На осколках разбитой державы Рюриковичей формируется приемник миросистемы (World System) 1250—1350 гг. [1; 8]. В XIII столетии кочевая империя Чингисхана «замкнула» цепочку цивилизаций от Центральной до Дальневосточной и превратила основной массив Старого Света в единое суперцивилизационное пространство. Тем самым начался процесс, который в конечном счете вылился в глобализацию [6]. Произошло свертывание различных плоскостных «лоскутов» цивилизаций в целостное сферическое метацивилизационное пространство. Конечно, решающим моментом в этом деле стали Великие географические открытия и модернизационная экспансия Европы вдоль маккиндеровских Полумесяцев. Однако отмеченное тем же Халфордом Маккиндером сходство функций моряков Васко да Гамы и казаков Ермака подсказывает, что модернизирующее замыкание нашей планетной сферы шло не только через океаны, но и сквозь континенты — в первую очередь сквозь просторы Старого Света и Сердцевину Земли. Цивилизация коренной Евразии, то есть Россия, сыграла в этом деле и продолжает играть ключевую роль, структурно сопоставимую с ролью Европы.

В этой расширенной перспективе интерфейс Европы и России нельзя сводить к такому пусть важному, но частному вопросу, как обустройство Калининградского эксклава (или анклава — как посмотреть). Структурно Европа и Россия — два антиномичных начала модернизации всей мировой ойкумены. Их роль в формировании основных альтернативных моделей модернизации и глобализации крайне велика. Возможно рассмотрение гипотезы о функциональной специализации Европы и России в мировом развитии. Европа может играть роль инноватора, побудителя такого развития, а Россия его стабилизатора [10]. Впрочем, подобные роли могут быть распределены среди четверки, входящей в две зеркальные межцивилизационные системы: западной — Европы и России, а также восточной — Китая и Японии.

Существование двойных или более сложных межцивилизационных систем во многом обеспечивается формированием своего рода связок между соответствующими цивилизациями, или интерфейсов межцивилизационного взаимодействия. Подобные интерфейсы имеют, как правило, сложную пространственную и темпоральную структуру.

В пространственном отношении могут использоваться принципиально любые географические объекты, принадлежащие как каждому из цивилизационных доменов, так и внешним территориям. Однако на практике в первую очередь используются пространства совместных пограничий. Более того: на решение задач междивизиационного взаимодействия могут специально нацеливаться отдельные символически значимые объекты. К их числу могут относиться коммуникационно-транспортные структуры: дороги, реки, мосты, горные перевалы, аэропорты и т. п.; а также информационные каналы и узлы связи: библиотеки, издательства, радиостанции и др. Наконец, среди символически значимых объектов могут оказаться исторические, культурные и природные памятники, а то и разного рода образы географической идентификации.

То же самое касается и темпоральных ориентиров и точек междивизиационного взаимодействия. Хотя, в принципе, вполне допустимо использование каких угодно событий действительных историй или воображаемых времен, на деле привычней и эффективней обращение к событиям совместной истории, и особенно к опыту взаимодействия в рамках общих исторических коллизий.

Для Европы и России приоритетной зоной междивизиационного взаимодействия вполне естественно становятся пространства большого Балто-Черноморья от Кракова до Костромы, от Нарвы до Полтавы, от Аустерлица до Бородина, от Пахры до Плевны, от Сталинграда до Берлина. Сколь бы значимыми ни были глобальные аспекты интерфейса, пространство *общего сосуществования* Европы и коренной Евразии на Балто-Понтийском перешейке способно дать самое продуктивное взаимодействие. Впрочем, это пространство и само по себе способно стать мировым актором при условии разрешения ряда коллизий и исторических проблем.

Перспективы Балто-Черноморья

Определение Балто-Черноморской системы как междумирья акцентирует ее функциональную роль как соединения, а точнее — взаимного «наложения» Европейской и Евразийской цивилизационных общностей. В самом общем виде это справедливо и по отношению к Центрально-Восточноевропейскому продолжению междумирья. Подобное наложение существенно влияет на:

- 1) формирование отдельных территорий — самостоятельных политических или регионов внутри них;
- 2) на отношения между ними;
- 3) на их политическое устройство и природу.

Неясными остаются три вопроса.

Первый. В какой мере политики и граждане аналитически выделяемых зон и/или составляющих их территорий способны концептуализировать их существование, «свое предназначение» в более широких и основательных терминах, чем «мост между Востоком и Западом» и «возвращение в Европу»?

Второй. Что могут предложить миру политики Восточной и Центральной Восточной Европы кроме поучительного опыта просчетов, ошибок и столкновений с неожиданными проблемами политического развития? Какие уроки извлечены? Какие достижения можно предъявить как образцы для подражания политикам и гражданам других частей мира?

Третий. Какое самостоятельно место в мировой политике могут занять политики Восточной и Центральной Восточной Европы по отдельности и как особые сообщества?

Ответ на эти вопросы должна дать не политическая наука, а практика. Именно она покажет, остаются ли политики Восточной и Центральной Восточной Европы, населяющие их народы, политико-культурные общности и отдельные лица всего лишь материалом, который оформляется наложением европейских и евразийских воздействий, или они способны стать субъектами собственного и мирового развития. Лично мне было бы крайне приятно, если бы развиваемый в статье структурный подход удалось дополнить новой модификацией агентивного, позволяющего увидеть, помимо влиятельных держав, растущие по всем направлениям субъекты развития самых разных масштабов и природы. В этом случае, разумеется, пришлось бы существенно уточнить, а то и пересмотреть и структурный подход.

Что касается нынешних возможностей политической науки, то предпринятая нами попытка всего лишь представляет аналитический и концептуальный инструментарий для придания большей четкости и осмысленности трем поставленным здесь вопросам. Обработка с помощью предложенного концептуального аппарата привлеченных для обзора исторических данных позволяет выдвинуть некоторые предположения и оценки.

Не вызывает сомнения, что поверхностный уровень Балто-Черноморской системы по самой своей природе акцентирует конфликтный потенциал и силовой расклад в регионе и вокруг него. В этом нет ничего трагического или дурного. Соперничество и конфликты — это вполне естественная часть нашей жизни. Дело состоит в другом. Как эти конфликты трактовать? Как использовать соперничество для собственного и общего развития?

Прежде всего нужно научиться выходить за жесткие рамки «одномерной ориентации». Всякий конфликт и всякое соперничество имеют много измерений, а главное — смыслов и содержательной нагрузки.

Вполне ожидаемо, что «в геополитических процессах ближайших десятилетий на этих цивилизационно “междумирных” землях многие местные лидеры и группы будут пытаться в борьбе за престиж и ресурсы искать поддержку у той или иной цивилизации как словно бы “своего” мира, причем “свойство” может обосновываться разными доводами — от конфессии, языка и даже относительной близости государства к данной цивилизационной платформе (как иные украинские деятели географически доказывают большую причастность своей страны к Европе в сравнении с Россией)» [14, с. 201]. То обстоятельство,

что ресурсы и престиж можно найти по разные стороны от междумирий, внушает оптимизм. Это означает, что для политиков и граждан Балто-Черноморья существует свобода выбора. Она тем больше, чем успешнее мы способны преодолеть «злобу дня сего» и обратиться к историческим и, шире, хронополитическим измерениям. Свобода, а с ней и ресурсы эффективного действия увеличиваются на порядки.

Важно не сковывать себя жгучими, но поверхностными коллизиями конфликтных раскладов. Просто необходимо двинуться дальше, перейти на глубинные уровни организации. Так, в длительной эволюционной перспективе можно усмотреть аналогии между Балто-Черноморской системой и ее Центрально-Восточноевропейским двойником, с одной стороны, и европейским «поясом городов» — с другой. В целом просматриваются не слишком четкие, но вполне заметные основания для обретения двуединой зоной европейско-евразийского взаимного наложения своего цивилизационного и политического предназначения, аналогичного тому, которое осуществил «пояс городов» в Европе. «Пояс городов» интегрировал «цивилизованное» романское и «варварское» германское «крылья» Европы. Сейчас он выступает в качестве структурного ядра ЕС, средоточия ее агентивности. По аналогии можно, вероятно, размышлять об интеграции Европы и Евразии, о структурных и агентивных аспектах этого длительного эволюционного процесса.

Понятно, что в Балто-Черноморье по многим причинам пока невозможно добиться сверхплотности и интенсивности политических, экономических, культурных и прочих «коротких» транзакций, аналогичных или сопоставимых с таковыми в «поясе городов». Однако это может быть восполнено за счет «длинных» транзакций между Европой и Евразией. Тем самым, кстати, будет снят или переформатирован конфликт по поводу продолжения евразийских «связок-шампуров» в Балто-Черноморье.

Многое, разумеется, зависит от того, насколько успешно удастся преобразовать зону цивилизационного взаимоналожения в интерфейс более современного по своему характеру взаимодействия между политическими пространствами Европы и Евразии. Это в решающей мере зависит от ответов на поставленные здесь вопросы.

Не менее важно, однако, и то, насколько готовы будут и более широкие сообщества Европы и Евразии использовать данный интерфейс для преобразования в основном конфликтной двойной системы Европа — Евразия и кооперативную и способную обрести не только структурное, но и агентивное единство. Структура — ОБСЕ — налицо. Дело за тем, чтобы составляющие ее политики по-новому оценили открываемые ОБСЕ возможности. Политическая наука способна помочь этому, если удастся развернуть исследование различных аспектов политических образований, подобных Балто-Черноморской системе.

Наконец, исключительно серьезной проблемой, требующей научного исследования, является оценка собственного культурно-организационного («цивилизационного») потенциала междумирий. До какой хронополитические степени потенциалы России и Польши сочетаемы друг с другом? Насколько способны дополнить их потенциалы Украины, Беларуси, Молдовы и стран Балтии? Чтобы обеспечить подоб-

ное соединение, если оно прагматически возможно в нынешних условиях, требуется выработать общую идентичность и создать общие структуры взаимодействия — и между собой, и с окружением. Более того — со временем потребуются создать в Балто-Черноморье «ворота в глобальный мир». Научная литература свидетельствует: такие «ворота» требуют очень высокой концентрации самых современных возможностей сетевого взаимодействия.

Пока в Балто-Черноморье нет даже потенциальных мегаполисов, способных претендовать на статус «глобальных ворот». Однако сотрудничество и мобилизация сетевого потенциала способны превратить если не в «ворота», то хотя бы в «окна» такие центры, как Варшава и Киев. Тем более это реально для балтийского Санкт-Петербурга, который издавна примерил на себя роль «окна». Впрочем, петербургское «окно» станет тем эффективней, чем энергичней и содержательней его будет подкреплять естественный малый двойник — калининградская «форточка». При всей «миниатюрности» калининградского анклава-эксклава в глобальных или даже европейских и евразийских масштабах его структурные преимущества способны повысить эффективность различных международных взаимодействий. Дело за малым — осознать эти преимущества, разработать соответствующие программы, сделать их основой повседневной жизни калининградцев.

Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ № 10-03-00677а «Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства» и № 10-03-00678а «Формирование государств и наций в странах постсоветского пространства».

Список литературы

1. *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250—1350. N. Y., 1989.
2. *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. 2nd / ed. Safety Harbor. Simon Publications, 1980.
3. *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.
4. *Humboldt A. von.* Kosmos. Bd. 1. Stuttgart; Tübingen, 1845.
5. *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996.
6. *Modelski G., Devezas T., Thompson W. R.* (eds.) Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change. N. Y., 2007.
7. *Parker W. H.* Europe How Far? // *Geographical Journal.* 1960. Vol. 126. P. 278—297.
8. *Абу-Луход Ж.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира.* 2001. Вып. 2.
9. *Ильин М. В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 2: Хронополитическая перспектива; Ч. 3: Отечественная хронополитика. М., 1995.
10. *Ильин М. В.* Стабилизация развития // *Мегатренды мирового развития.* М., 2001.
11. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград, 2010.
12. *Савицкий П. Н.* Географические и геополитические основы евразийства // *Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов.* М., 1991.

13. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.
 14. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2007. М., 2007.

Об авторах

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России; заместитель декана по научной работе, факультет прикладной политологии, профессор кафедры прикладной политологии, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

E-mail: ilyin@politstudies.ru

Мелешкина Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России; доцент кафедры теории политики и политического анализа, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

THE BALTIC-PONTIC REGION IN THE EUROPE-EURASIA DUAL SYSTEM

M. V. Ilyin, Ye. Yu. Meleshkina

MGIMO-University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Received on March 12, 2012

This article considers the Baltic-Pontic Sea region not only as a geographical space of Intermarium (Międzymorze, Tarpjūris etc.) but also as Intermundium or the interface of European and Russian (Eurasian) civilization. The study sets out to clarify the logic of changing patterns shaping this geopolitical area. To this end, the concept of Baltic-Pontic conflict system proposed by Vadim Tsymbursky is applied and further developed. In contrast to his agent-focused vehicle of analysis disclosing the power interactions in Intermarium, the authors advance an alternative structure-focused model of the Baltic-Pontic system (BPS) as a multidimensional evolving space of heterogeneous interactions, which include cooperation. The authors suggest applying the BPS models in interpreting and clarifying historical developments in the area from the late 14th century until the present. The article analyses the spatial, geopolitical and geochronopolitical characteristics of the region, as well as the models of intercivilizational interaction between Europe and Eurasia. The author addresses the issue of the political identity of the region and its ability to play an independent role in world politics.

Key words: Baltic-Pontic region, interface of civilizations, conflict system, dual civilization system

References

1. Abu-Lughod, J. 1989, *Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250—1350*, N. Y., Oxford university.
2. Halecki, O. 1980, *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*, Safety Harbor, Simon Publications.
3. Halecki, O. 1962, *The Limits and Divisions of European History*. Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press.
4. Humboldt, A. von, 1845, *Kosmos*, Bd. I, Stuttgart-Tübingen.
5. Mackinder, H. 1996, *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. Wash., NDU Press.
6. Modelski, G., Devezas T., Thompson, W.R. (eds.) 2007, *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*, New York, Routledge.
7. Parker, W.H. 1960, Europe How Far? *Geographical Journal*, Vol. 126, pp. 278—297.
8. Abu-Lughod, J. 2001, Perestrukturiruja mirosistemu, predshestvujuvuju novomu vremeni [Perestrukturiruya world system, prior to modern times], *Vremja mira [World time]*, Vol. 2.
9. Ilyin, M.V. 1995, *Ocherki hronopoliticheskoj tipologii. Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza jevoljucionnyh form politicheskikh sistem. Chast' II. Hronopoliticheskaja perspektiva. Chast' III. Otechestvennaja hronopolitika [Essays hronopoliticheskoy typology. Challenges and Opportunities of typological analysis of evolutionary forms of political systems. Part II. Hronopoliticheskaya perspective. Part III. domestic hronopolitika]*, Moscow, MGIMO.
10. Ilyin, M.V. 2001, *Stabilizacija razvitija [Stabilization of development], Megatrendy mirovogo razvitija [Megatrends in world development]*, Moscow, Ekonomika.
11. Ilyin, M.V., Meleshkina E. Yu. 2010, *Balto-Chernomor'e: vremena i prostranstva politiki [Baltic-Black Sea: time and space policy]*, Kaliningrad, Izdatelstvo Immanuel Kant State University of Russia.
12. Savitsky, P. N. 1991, Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: *Evracija. Istoricheskie vzgljady russkikh jemigrantov [Eurasia. Historical views of the Russian immigrants]*, Moscow.
13. Trubachev, O.N. 1991, *Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan [Ethnogenesis and the culture of the ancient Slavs]*, Moscow, Nauka.
14. Tsymbursky, V.L. 2007, *Ostrov Rossija. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. 1993—2007 [Island Russia. Geopolitical and hronopoliticheskie work. 1993—2007]*, Moscow, ROSSPJeN.

About authors

Prof. Mikhail V. Ilyin, Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO-University; Vice-Dean for Research, Faculty of Applied Political Science, Professor, Department of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics

E-mail: ilyin@politstudies.ru

Dr. Yelena Yu. Meleshkina, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO-University; Associate Professor, Department of Theory of Politics and Political Analysis, National Research University — Higher School of Economics.

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

УДК 338.24:911.3 (470.27)

**ИСТОРИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
АНКЛАВНОСТИ
ТЕРРИТОРИИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Ю. Д. Рожков-Юрьевский*

В историческом и географическом контексте рассматриваются вопросы возникновения, развития, перехода в иной статус и прекращения существования анклавных (экславных) образований на территории современной Калининградской области. Даются общие сведения об их социально-экономическом и политическом положении. Выявляются присущие им проблемы анклавности (экславности), в числе которых сухопутный доступ людей и грузов из метрополии на свою обособленную территорию, урегулирование вопросов прохождения государственной границы, погранично-таможенного контроля, визового режима, политические и экономические отношения с соседними странами и материнским государством. Приводятся примеры эволюционного развития анклавности, мирного и военного способов ликвидации анклавных образований. Дается сравнение действий по разрешению политических и социально-экономических трудностей в Восточной Пруссии и Калининградской области. Делается вывод о необходимости решать проблематику единственного российского экславного региона с учетом накопленного опыта в существовании его исторических «предшественников».

Ключевые слова: анклав, экслав, анклавность, экславность, эволюция, социально-экономическое положение, транзит.

На протяжении многих столетий, начиная с завоевания крестоносцами земли пруссов, на территории сегодняшней Калининградской области периодически существовали обособленные государственные или административно-территориальные образования. Первыми стали суверенное государство Тевтонского ордена и сиемое герцогство Пруссия. В геогра-

---

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 05.02.2012 г.

фической классификации это были типичные анклав¹ (точнее полуанклав). Вторыми — хронологически их сменившие эксклавы² или эксклавные части государств (Пруссия в Бранденбургско-Прусском государстве и Восточная Пруссия в межвоенной Германии). Калининградская (Кёнигсбергская) область, образованная в 1946 г. из северной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия и отделенная от «материковой» России другими государствами, в географическом смысле наследовала анклавное положение своих «предшественников» (аналогов). Изучение истории их появления, существования и исчезновения представляет значительный интерес для понимания проблематики развития российского эксклава (табл.).

Хронология анклавных образований на территории современной Калининградской области

Годы существования	Анклавное образование	Тип анклавного образования
1. 1466—1525	Государство Тевтонского ордена	Полуанклав — независимое государство на территории Польского королевства и Великого княжества Литовского (состоящих в Кривской унии с 1385 г.)
2. 1525—1618	Герцогство Пруссия	Полуанклав — зависимое государство на территории Польского королевства и Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой (после Люблинской унии 1569 г.)
3. 1618—1701	Герцогство Пруссия	Эксклав Бранденбургско-Прусского государства на территории Речи Посполитой
4. 1701—1772	Провинция Пруссия	Эксклав Королевства Пруссия, за исключением нахождения в составе Российской империи (1758—1762 гг.), на территории Речи Посполитой
5. 1920—1939	Восточная Пруссия	Эксклав Германии (Веймарской республики — до 1933 г., затем Третьего рейха) между Литвой и Польшей, отделенный от Германии Польским (Данцигским) коридором
6. 1946—1991	Кёнигсбергская (Калининградская) область	Эксклав РСФСР (союзной республики в составе СССР), отделенный от нее Литовской ССР
7. С 1991	Калининградская область	Эксклав Российской Федерации между Республикой Польша и Литовской Республикой, отделенный от Российской Федерации по прямой Литовской Республикой и Республикой Беларусь

¹ Анклав — государство, полностью окруженное сухопутной территорией другого государства. При наличии выхода к морю оно характеризуется как полуанклав [6, с. 22].

² Эксклав — изолированная часть территории страны, окруженная территорией другого государства или государств. Анклавы и эксклавы называются анклавными территориями (образованиями), характеризующимися присущей им анклавностью (эксклавностью) [6, с. 22].

В конце XIII в. земли язычников-пруссов, покоренных крестоносцами в результате войн, стали владениями Тевтонского (Немецкого) ордена. В начале XIV в. под властью рыцарского государства оказались и другие балтийские прибрежные земли (в частности, Жемайтия и Восточное Поморье), отрезавшие Литву и Польшу от Балтийского моря. С другой стороны, захваченное Орденом гданьское побережье соединяло его с ближайшим немецким государством — Бранденбургом, отношения с которым хотя и были скорее конкурентными, но обеспечивали взаимодействие немцев в этой части юго-восточной Прибалтики. Эта «пуповина» в войнах XV в. крестоносцев с объединенными силами и Польского королевства, и Великого Литовского княжества была перерезана. За проигранной известной Грюнвальдской битвой 1410 г. последовало поражение в Тринадцатилетней войне. По итогам последней на основе II Торнского мира от 1466 г. Орденская Пруссия попала в ленную зависимость от польской короны и отдала Польше среди других владений и Гданьское Поморье. Торнский мирный договор позволил польской короне решить проблему выхода на Балтику.

Именно с этого времени изолированное от остальной части Европы территорией Литвы и Польши (состоящих в Кривской унии с 1385 г.) государство Тевтонского ордена приобрело *анклавность, стало полуанклавом*. В хронологическом плане это было первое анклавное образование в регионе, где сейчас располагается Калининградская область России.

Тяжелые последствия продолжавшегося прусско-польского военного противостояния с неизбежной перспективой полного краха Ордена вынудили его последнего гроссмейстера Альбрехта Бранденбургского из династии Гогенцоллернов пойти на решительные уступки польской стороне. В апреле 1525 г. он подписал в Кракове акт об упразднении Немецкого ордена в Пруссии и о создании вместо него герцогства Пруссия.

Таким образом, прежнее суверенное анклавное образование эволюционировало мирным путем в другое. Прусское герцогство стало в историческом контексте вторым анклавным государством (полуанклавом) на территории нынешнего российского региона. Получив светский статус вместо прежнего военно-религиозного новое государство также оказалось ленником короля Польши. В этот период среди других проблем в полной мере проявил себя и конфликт анклавности, связанный с отрывом Пруссии по суше от более близких ей по этносу, религии и культуре северных немецких государств. Еще до секуляризации Тевтонского ордена его этнический состав существенным образом изменился. Политика германской колонизации — выдавливание и уничтожение автохтонов, их ассимиляция — привела к тому, что уже к началу XV в. в числе 480 тыс. жителей Пруссии было около 200 тыс. немцев и по 140 тыс. пруссов и поляков [3, с. 93]. В XVI и XVII столетиях доля немецкого населения в герцогстве еще более возросла.

Весомый вклад в подъем уровня социально-экономической жизни в обновленном государстве сделал сам герцог Альбрехт Бранденбург-

ский. Он пригласил в Пруссию большую группу иноземных купцов и ремесленников, прежде всего голландцев, а также шотландцев, силезцев и богемцев. Это способствовало преодолению хозяйственного спада. Книжная коллекция герцога стала основой первой публичной библиотеки в Кёнигсберге, он содействовал развитию типографского дела. Величайшая заслуга Альбрехта — создание в 1544 г. университета (Кёнигсбергской академии). В 1603 г. власть в государстве переходит в руки бранденбургских курфюрстов, которые переняли регентство над слабоумным герцогом Альбрехтом Фридрихом. В 1618 г. со смертью последнего пресеклась мужская линия наследования его титула, и в соответствии с краковским актом 1525 г. герцогство должно было перейти польской короне. Тем не менее Польша на определенных условиях передала правление герцогством бранденбургским курфюрстам, которые объединили два территориально обособленных государства (Прусское герцогство и Бранденбургское курфюршество) в единое Бранденбургско-Прусское государство.

В итоге герцогство Пруссия в 1618 г. не исчезло с карты Европы, а из анклавного образования в государственном ранге перешло в разряд эксклава Бранденбургско-Прусского государства. Здесь следовало бы отметить определенную необычность формата новообразованного из двух частей государства. С одной стороны, в объединенном государстве обе его территории были примерно равны по площади и населению, в связи с чем можно было бы и Бранденбург именовать эксклавом Бранденбургско-Прусского государства. С другой стороны, оно составилось из авторитетного суверенного государства Священной Римской империи, каким был Бранденбург, и герцогства Пруссия, являвшегося вассалом короля Польши. Подчеркнем, что польская корона передала правление герцогством бранденбургским курфюрстам при условии обретения ими титула не «герцог Пруссии», а «герцог в Пруссии». Это означало, что исполнять герцогскую власть курфюрст мог только находясь на территории герцогства.

В этот момент достаточно остро стояла традиционная проблема (конфликт) анклава — доступа в него. Добраться до своего ленного владения курфюрст мог только с согласия польского короля! Случалось, что в период Тридцатилетней войны курфюрст Георг Вильгельм был вынужден годами пребывать в Кёнигсберге. Он справедливо опасался того, что если он отправится в Берлин, король больше не пустит его назад, и Бранденбург может совсем потерять право владеть Пруссией [7, с.109]. В конце концов курфюрст Фридрих Вильгельм, прозванный Великим, в 1640 г. возглавивший Бранденбургско-Прусское государство, сумел заключить договоры о суверенитете Пруссии со Швецией и Польшей (с ликвидацией ленных отношений) соответственно в 1656 и 1657 гг.

Герцогство Пруссия как часть Бранденбургско-Прусского государства стало третьим обособленным анклавным образованием на территории сегодняшней Калининградской области, которое просуществовало до 1701 г.

Фридрих III, унаследовавший в 1688 г. титул курфюрста и герцога, в 1701 г. был коронован в Кёнигсберге под именем короля Фридриха I. Так образовалось Королевство Пруссия со столицей в Берлине, а бывшее Прусское герцогство вошло в него, приобретя статус провинции (она стала четвертым историческим «предшественником» Калининградской области, оторванным от метрополии). Но так как западная часть Пруссии в это время еще принадлежала Польше и Швеции, титул Фридриха I сохранил прежнюю формулу — «король в Пруссии». Королями Пруссии Гогенцоллерны были провозглашены только в 1772 г., когда в результате первого раздела Польши Фридрих II присоединил к своим владениям так называемую королевскую (или польскую) Пруссию. Однако до этого знаменательного шага произошло важное событие, в связи с чем провинция на четыре года вышла из состава королевства, — завоевание русскими войсками в период Семилетней войны и включение в состав Российской империи с 1758 по 1762 г.

Вышеупомянутая территория королевской Пруссии отделяла Пруссию от остальной части королевства. Ее эксклавность в 1772 г. была устранена в целом мирным путем, чему предшествовали договоренности между монархами Австрии, Пруссии и России.

Пятый «предшественник» по анклавности Калининградской области существовал уже в XX в. Это провинция Восточная Пруссия, которая была эксклавом Германии с 1920 по 1939 г. При этом следует заметить, что Восточная Пруссия одновременно являлась и эксклавом германской земли Пруссия, в состав которой она входила еще с 10 другими провинциями.

В результате Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г. и вступившего в силу 10 января 1920 г., Восточная Пруссия оказалась отрезанной от основной территории страны Польским (Данцигским) коридором. Давая Польше выход к Балтийскому морю, коридор в то же время создал определенные трудности в сухопутном (железнодорожном и автомобильном) сообщении между Германией и ее провинцией. Это касалось как проезда людей, так и перевозок грузов. Дополнительные издержки на транзит осложнили и без того плохую социально-экономическую ситуацию в Восточной Пруссии в послевоенное время. Как известно, Первая мировая война принесла провинции (единственной немецкой территории, где велись боевые действия) большой ущерб. Кроме того, по итогам Версальского мира ее территорию было решено уменьшить за счет передачи под управление Лиги Наций Мемельского района, Польше области Зольдау, а также проведения плебисцита по вопросу государственной принадлежности в южных районах провинции, где проживало немало поляков. Поскольку 84,3% голосовавших 11 июля 1920 г. жили в Восточной Пруссии, эти территории не отошли Польше [3, с. 379—380]. Однако территориальный спор с этой страной, первоначальная неурегулированность и проницаемость границы, невозможность военными средствами в условиях Веймарской республики ответить на амбиции соседей долго оставались предметом беспокойства в Берлине и Кёнигсберге.

У Восточной Пруссии, отрезанной от остальной части Германии, нарушились тесные хозяйственные связи с немецкими землями, а также с Польшей и Литвой в результате обострения в них общественно-политических противоречий. Наложённые на побежденную страну огромные репарационные выплаты не позволяли поначалу немецкому правительству давать провинции достаточную финансовую подпитку. Еще один негативный фактор усугубил это положение. Речь идет о том, что до Первой мировой войны одним из серьезных источников ее доходов была торговля с соседней Российской империей. Так, до Первой мировой войны примерно половина, а иногда и две трети внешнеторгового оборота Кёнигсберга состояли из товаров, привозимых из России или предназначенных на экспорт для нее [7, с. 388]. После войны соседями Восточной Пруссии стали хозяйственно более слабые Польша и Литва, а молодая Советская Россия еще не помышляла о возобновлении своих торговых операций через кёнигсбергский порт.

Для компенсации эксклавных проблем своей провинции, подтягивания уровня жизни ее населения до общегерманских показателей в Берлине была создана Восточно-Прусская служба, а в 1922 г. принята специальная программа помощи Восточной Пруссии. Дополнительно в 1935 г. стал действовать закон «О малой восточной помощи», в соответствии с которым провинции выделялось более 50 млн. марок, предназначавшихся в числе прочего на компенсацию убытков от транзита через Польский коридор. В результате последовали практические меры по обновлению производственной и транспортной инфраструктуры региона, субсидировалось развитие аграрного сектора. Уменьшение грузовых и почтовых тарифов привело к ослаблению отрицательного влияния изолированного положения провинции. Были сделаны шаги к укреплению экономического взаимодействия с соседними странами, увеличению товарообмена на линии «Восток — Запад». В столице региона организовали международную Германскую восточную ярмарку, получил развитие один из крупнейших в стране аэропорт, связывающий авиасообщением Кёнигсберг со многими крупнейшими городами Европы, в том числе с Москвой и Ленинградом. Проведена модернизация кёнигсбергского порта, здесь начал действовать режим «вольного города», который позволял беспошлинно хранить товары и строить любые промышленные объекты.

К 1939 г. удалось существенно поднять производство промышленной продукции, хотя в значительной степени это было связано с военными нуждами. В то же время получили развитие рыбодобывающая и рыбоперерабатывающая отрасли, производство стройматериалов. Среди новых предприятий, организованных в 1934—1939 гг., было несколько целлюлозно-бумажных фабрик, причем их продукция составляла основу экспортных потоков из Восточной Пруссии. Так, в 1936 г. в стоимостном выражении она достигла 71,9% экспорта провинции [2, с. 178].

За счет организации общественных работ и государственных заказов в провинции были достигнуты определенные успехи в борьбе с вы-

сокой безработицей. Так, для строительства автомагистрали Кёнигсберг — Эльбинг («берлинки») было создано 5 тыс. новых рабочих мест. В то же время не удалось преодолеть отсталость сельского хозяйства. Провалились планы превращения немецкого эксклава в «туристическую Мекку», а также переселения из других районов Германии порядка полутора миллионов человек для усиления здесь немецкого присутствия [1, с. 149—152].

Приход к власти в стране в 1933 г. национал-социалистов (за которых, в частности, в подавляющем большинстве проголосовали и жители Восточной Пруссии) привел к резкому обострению всех немецко-польских противоречий, где проблема транзитного сообщения между двумя частями Германии была возведена в абсолют. Отказ Польши выполнить требование нацистских властей построить через Польский коридор экстерриториальные магистрали стал лишь одним из поводов для создания в Третьем рейхе антипольского общественного мнения.

Эксклавность Восточной Пруссии была ликвидирована военным путем в 1939 г., когда при невмешательстве польских союзников немецкие войска оккупировали Польшу. Таким образом, было восстановлено непосредственное сухопутное сообщение Германии с ее оторванной провинцией. Однако силовой способ разрешения эксклавной проблемы дорого обошелся Германии, которая в результате поражения во Второй мировой войне вообще лишилась своей провинции.

Последний этап исторической эволюции анклавных образований на территории Самбийского полуострова и в бассейне между Неманом и Великими Мазурскими озерами начался с создания в 1946 г. Калининградской (Кёнигсбергской) области. Она занимала треть от территории бывшей Восточной Пруссии. Новая советская (российская) область стала третьим эксклавным регионом РСФСР, отделенным от своей республики другими ССР (прежде всего Литовской и Белорусской). Крымская (ранее АССР) и Мурманская области — другие подобные эксклавы РСФСР, отсоединенные от нее соответственно Украинской ССР в 1921—1954 гг. и Карело-Финской ССР в 1940—1956 гг.

Калининградская область до 1991 г. была эксклавом второго порядка, поскольку являлась частью одной из республик бывшего СССР, поэтому практически никакие типично анклавные проблемы ее не затрагивали. В советский период даже не рассматривался вопрос беспрепятственного доступа из России в Калининград. Отраслевая структура народного хозяйства региона, во многом унаследованная от довоенного «предшественника», не вполне отвечала новым потребностям. Рыночный характер экономики Восточной Пруссии заменился на плановый административно-командный тип. В итоге в регионе не сложился единый экономический комплекс, внутриобластная кооперация не совершенствовалась, многие отрасли полностью зависели от ввоза сырья. Основная доля потреблявшейся здесь электроэнергии вырабатывалась в Литве. Руководство самой развитой народно-хозяйственной отрасли области — рыбной — осуществлялось из Риги, где располагалось Запад-

ное всесоюзное рыбопромышленное объединение (ВРПО «Запрыба»). В Калининградской области в отличие от бывших прибалтийских республик государством практически не поощрялась модернизация технологически передовых производств.

На открытости этого обособленного субъекта РСФСР отрицательно сказывалась его «гарнизонная» специфика. Регион был закрыт для иностранцев, и даже для граждан СССР были ограничения в посещении отдельных его территорий. Минимальные средства вкладывались в инфраструктуру туризма, охрану окружающей среды. На российско-польской границе не был обустроен ни один автомобильный погранпереход. В калининградские порты не был разрешен заход иностранных судов. При решении вопроса о создании причала для грузового паромного сообщения между СССР и ГДР приоритет был отдан Клайпеде. Во время вхождения области в Литовский совнархоз (1963—1965 гг.) принимались решения в ущерб хозяйственному развитию российского региона. В частности, были демонтированы и вывезены в Литву бывшие немецкие заводы, производившие красный кирпич из местного сырья. Через некоторое время этот кирпич область была вынуждена завозить уже из соседней республики. Многие из указанных выше противоречий и недостатков, не казавшиеся достаточно серьезными в рамках единого советского пространства, сказались негативным образом на самом западном регионе РСФСР при распаде Советского Союза.

Геополитическое, экономическое и социальное положение Калининградской области резко ухудшилось в 1990—1991 гг., когда из состава СССР начали выходить и приобретать независимость бывшие советские республики Прибалтики, а также Беларусь и Украина. В 1991 г. она стала эксклавным субъектом Российской Федерации, превратившись в уникальный в мировой практике регион материнского государства, отделенный от него другими странами. Такая оторванность от «метрополии», ограничения на сухопутные и воздушные перевозки людей и грузов, появление таможенных, визовых и других барьеров вызвали серьезные трудности в обеспечении стабильной жизнедеятельности региона.

Наибольшие проблемы для российской стороны вызывают транзит пассажиров железной дорогой и порядок перемещения грузов автомобилями через Литву (здесь каждый водитель должен уплачивать залог в валюте) и Беларусь, что негативно сказалось на рентабельности ряда предприятий Калининградской области. Определенные сложности возникли в оформлении границы российского региона с Литовской Республикой, поскольку из административной она превратилась в государственную. В ходе российско-литовских переговоров по ее делимитации стороны договорились, в частности, об обмене несколькими приграничными участками, а также о новом прохождении границы по Виштынецкому озеру (которая учитывала интересы местного литовского населения в отличие от довоенной границы с Восточной Пруссией).

Что касается демаркации российско-литовской границы, то она началась только с 2005 г. и все еще продолжается.

В условиях эксклавности, с разрывом прежних экономических связей, переходом к рыночному типу хозяйствования резко изменилась отраслевая структура регионального народно-хозяйственного комплекса. К настоящему времени его ведущими отраслями перестали являться рыбная и целлюлозно-бумажная промышленность. За двадцать последних лет у калининградских рыбопромысловых предприятий из нескольких сотен рыболовных судов осталось несколько десятков, почти в десять раз сократилась численность плавсостава. В области больше не производится целлюлоза, а бумага и картон вырабатываются исключительно из привозного сырья. Вместе с тем здесь возник мебельный кластер, фирмы с иностранным капиталом, в числе которых выделяются предприятия по сборке автомобилей и электронной техники.

На путях преодоления множества проблем эксклавности области усилиями федерального центра и региональных властей было предпринято много правильных (хотя нередко и запоздалых) шагов, однако было сделано и немало ошибок. Одна из причин последних — неготовность отечественных политиков заранее предвидеть последствия распада советского государства для Калининградской области, а также зачастую и нежелание Москвы принимать решения, согласованные с руководством региона, не говоря уже об учете мирового опыта. Случалось, что односторонние или нескоординированные действия Центра сказывались на условиях социально-экономического развития области [8, с. 267], что особенно ярко проявилось при принятии законодательных актов по СЭЗ «Янтарь» и об Особой экономической зоне в Калининградской области [4, с. 12—18]. С другой стороны, проблематику анклавных территорий мира у нас стали серьезно изучать только в 1990-е гг.

У современного российского эксклава и его «предшественников» на территории региона, особенно последнего — немецкого, оказалось много похожих проблем развития. Опыт существования Восточной Пруссии в 1920—1939 гг. наглядно демонстрирует необходимость специального (институционального, бюджетного, транзитного, экономического, транспортного, энергетического, международного и др.) обеспечения устойчивого развития эксклавного региона со стороны материнского государства.

С точки зрения зарубежных соседей Калининградская область является для них российским анклавом (точнее, полуанклавом). С момента вступления Польши и Литвы в Европейский союз область стала российским анклавом и в ЕС. Деятельность этого политико-экономического союза европейских государств, подобного которому не было в период существования Восточной Пруссии, на путях сотрудничества с Россией создает благоприятные возможности для решения анклавной проблематики области. Прежде всего речь идет о вопросах взаимовыгодного социально-экономического приграничного сотрудничества,

виз, транзита людей и грузов. В частности, именно с участием Евросоюза положительно урегулировались сложные вопросы безвизового железнодорожного проезда граждан из России в Россию через Литву, малого приграничного движения на российско-польской границе. Проблемы безопасности области конструктивно решаются в достаточно тесном взаимодействии России с НАТО. Наконец, создание с 01.01.2012 г. Единого экономического пространства для Беларуси, Казахстана и России (для него, кстати, самый западный российский регион также является эксклавом) во многом упростило формальности, связанные с перемещением товаров через белорусскую территорию.

Указанное выше свидетельствует о том, что международные отношения на современном этапе претерпели коренные изменения, межгосударственные конфликты все меньше улаживаются с помощью оружия. Надо полагать, что в условиях глобализации на нынешнем витке обособленности этой территории преодоление специфических анклавных проблем Калининградской области не будет идти через военное принуждение или в интересах только одной из сторон.

Список литературы

1. *Виноградов М. В.* Особенности социально-экономического развития Восточной Пруссии в 1933—1939 гг. // Калининградские архивы : науч. сб. Вып. 7. Калининград, 2007.
2. *Винокуров Е. Ю.* Теория анклавов. Калининград, 2007.
3. *Восточная Пруссия.* С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996.
4. *Клемешев А. П., Козлов С. Д., Федоров Г. М.* Особая территория России : монография. Калининград, 2003.
5. *Клемешев А. П.* Российский эксклав. Преодоление конфликтности. СПб., 2005.
6. *Клемешев А. П.* Эксклавность в условиях глобализации. Калининград, 2007.
7. *Очерки истории Восточной Пруссии.* Калининград, 2002.
8. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Российский эксклав на Балтике. Калининград, 1997.

Об авторе

Рожков-Юрьевский Юрий Донатович, ведущий эксперт Управления международных связей, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: YRozhkov-YUr@kantiana.ru

THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL EVOLUTION OF THE ENCLAVITY OF THE KALININGRAD REGION

Yu. D. Rozhkov-Yuryevsky

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on February 5, 2012

This article considers the origin, development, change in the status, and extinction of enclave and exclave formations on the territory of the modern Kaliningrad region. The author offers information on their socioeconomic and political features. The article identifies enclave (exclave) problems peculiar to them, including the land access (passenger and cargo transit) of the metropolis to the isolated territory, as well as the issues relating to the origins of state border, border control, visa regime, and political and economic relations to neighboring states and the mainland. The author reviews cases of evolutionary development of enclavity and peaceful and military methods of eliminating enclave formations. Actions towards the solution of political and socioeconomic problems taken in East Prussia are compared to those taken in the Kaliningrad region. The author emphasizes the need to solve the problems of the only Russian exclave region in view of the experience of its historical "predecessors".

Key words: enclave, exclave, enclavity, exclavity, evolution, socioeconomic situation, transit.

References

1. Vinogradova, M.V. 2007, Osobennosti social'no-jekonomicheskogo razvitiya Vostochnoj Prussii v 1933-1939 [Features of the socio-economic development of East Prussia in 1933-1939], *Kaliningradskie arhivy [Kaliningrad archives]*, Vol. 7, Kaliningrad, pp. 149-160.
2. Vinokurov, E.Ju. 2007, *Teorija anklavov [The theory of enclaves]*, Kaliningrad, Terra Baltika.
3. *Vostochnaja Prussija. S drevnejshih vremen do konca Vtoroj mirovoj vojny [East Prussia. From ancient times to the end of World War II]*, 1996, Kaliningrad.
4. Klemeshev, A.P., Kozlov, S.D., Fedorov, G.M. 2003, *Osobaja territorija Rossii [A particular area of Russia]*, Kaliningrad, Izdatelstvo Kaliningrad State University.
5. Klemeshev, A.P. 2005, *Rossijskij jeksklav. Preodolenie konfliktogennosti [The Russian exclave. Overcoming of conflicts]*, Saint Petersburg, Izdatelstvo Saint Petersburg State University.
6. Klemeshev, A.P. 2007, *Jeksklavnost' v uslovijah globalizacii [Exclave in the context of globalization]*, Kaliningrad, Izdatelstvo Kaliningrad State University.
7. Kretinin, G.V., Bryushinkin, V.N., Gal'tsov, V.I., 2002, *Ocherki istorii Vostochnoj Prussii [Studies in the History of East Prussia]*, Kaliningrad, «Jantarnyj skaz».
8. Fedorov, G.M. Zverev, Ju.M., Korneevets, V.S. 1997, *Rossijskij jeksklav na Baltike [The Russian exclave on the Baltic Sea]*, Kaliningrad, Izdatelstvo Kaliningrad State University.

About author

Yuri D. Rozhkov-Yuryevsky, leading expert, International Office, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: YRozhkov-YUr@kantiana.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

УДК 346.26:631.45

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ТЕХНОЛОГИЙ ПОВЫШЕНИЯ ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Р. С. Левина
К. Ю. Волошенко*

Рассматриваются особенности системы землепользования в Восточной Пруссии, важным составным элементом которой были технологии в области повышения плодородия почв. Специальный комплекс мер в составе мелиоративных и орошительных работ обусловил высокую продуктивность сельскохозяйственного производства на данной территории — несмотря то, что климатические условия здесь отличны от идеально признаваемых с точки зрения известных принципов сельскохозяйственной науки. Дается обзор научных подходов к восстановлению и использованию на практике идей и принципов прогрессирующего земледелия, согласующихся с более обобщенным направлением органического сельского хозяйства. Особое внимание уделяется современной практике ведения сельского хозяйства на территории Калининградской области (части бывшей Восточной Пруссии) возможностям использования методов повышения плодородия почв, активно внедрявшихся пруссами.

Ключевые слова: сельскохозяйственное предпринимательство, землепользование, плодородие почв, система мелиорации, органическое сельское хозяйство.

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.04.2012 г.

Аграрная история Восточной Пруссии, будучи предметом постоянной дискуссии со стороны ученых и практиков при определении ее роли и значения в обеспечении продовольствием как остальной части Германии, так и стран Европы (в первую очередь Англии), продолжает оставаться примером успешного развития сельскохозяйственного производства за счет технологических новаций в сочетании с трудолюбием и усердием многих поколе-

ний. При отсутствии благоприятных природно-климатических условий для ведения высокопродуктивного земледелия Восточной Пруссии удалось превратиться в сельскохозяйственную провинцию, «вследствие чего она занимает в этом отношении, в сравнении с прочими ... третье место в государстве» [2, с. 148]. Однако следует учитывать, что во многом сельскохозяйственная специализация указанной территории формировалась под воздействием внешних условий, а именно началом индустриализации, сопровождавшейся структурной перестройкой, которая состояла в повышении роли промышленности и снижении значения сельского хозяйства в европейских странах, в том числе в Германии. В ответ на новые рыночные требования — увеличение экспорта и внутренних потребностей — происходило расширение и рост выпуска сельскохозяйственной продукции, что требовало в условиях дефицита земли и капитала поиска новых путей повышения плодородия почв и создания качественно новой системы землепользования Восточной Пруссии.

Успехи Восточной Пруссии в развитии сельскохозяйственного производства, прежде всего высококачественной пшеницы твердых сортов и продукции молочно-мясного животноводства, определили повышенный интерес к системе землепользования и сельскохозяйственному опыту прусских фермеров во всем мире. При этом особое внимание в части реализуемых технологических новаций Восточной Пруссии в области земледелия уделялось созданной системе мелиорации.

Мелиоративная система Восточной Пруссии имела определенные особенности — предназначалась для эксплуатации только в условиях индивидуального землепользования. В этой связи мелиоративная сеть была приспособлена не только к рельефу местности, но и к границам землепользования, в которых создавался необходимый режим мелиорации для выращивания определенных сельскохозяйственных культур.

Как указывает А. М. Сологубов при исследовании пространственных структур Калининградской области, «по своей сложности и оснащенности механизмами мелиоративная система Восточной Пруссии относилась к одной из лучших в Европе. Это признавалось и после войны советскими мелиоративными службами. Первоначально мелиоративные работы имели государственное финансирование. В середине XIX века забота о проведении мелиоративных работ и поддержании мелиоративной системы была передана государством общественным объединениям — мелиоративным товариществам, которых в Восточной Пруссии к 1928 году было 597»¹. Мелиоративная система становилась все более сложной и плотной, что требовало со стороны землепользователей и мелиоративных товариществ согласованных действий и определило последующее возникновение различных форм кооперации в данной сфере.

Исследования инновационной составляющей системы мелиорации Восточной Пруссии позволяют выделить следующие виды осушения и

¹ Сологубов А. М. Масштабные изменения пространственных структур в Калининградской области после 1945 г. URL: <http://www.gako.name/mainsite/informingpublic/2010-03-27-10-55-00/447--1945-> (дата обращения: 14.05.2012).

орошения земель, применяемые в установленных границах землепользования:

- 1) мелиоративное дренирование избыточных подпочвенных и почвенных вод для территорий, расположенных ниже уровня моря;
- 2) каскадное водоснабжение почв, организованное вдоль природных рек региона;
- 3) каскадное орошение почв, организованное путем каскадного соединения естественных водоемов;
- 4) каскадное водоснабжение почв, организованное путем каскадного соединения искусственно созданных водоемов;
- 5) водоснабжение почв путем организации проточного мелководного болотного испарения влаги при условии проведения капитальных мероприятий, направленных на предотвращение заболачивания и образования болотных топей с помощью многослойного укрепления днищ болот с применением гравия, песка и глины;
- 6) целенаправленное проточное движение подпочвенных вод на основе организации лесопосадок, состоящих из деревьев хвойных пород, обладающих большими возможностями для впитывания влаги.

Приведенные шесть видов мелиорации выборочно использовались на территории бывшей Восточной Пруссии. Это согласуется с современными научными рекомендациями по мелиорации и водоснабжению почвенных и подпочвенных слоев [1] (рис. 1).

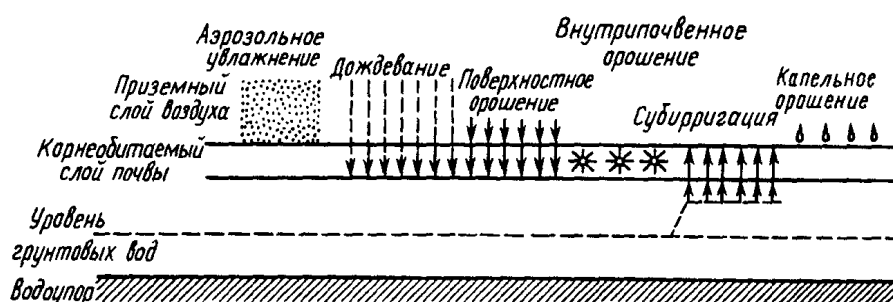

Рис. 1. Современные методы научно рекомендуемых систем орошения, внедренных в Восточной Пруссии

К перечисленным видам не относились способы аэрозольного увлажнения и капельного орошения, но одновременно широко применялось сочетание гумусовых составляющих, вырабатываемых специально выведенными дождевыми червями, и оросительной влаги.

Образование на территории Восточной Пруссии Калининградской области и последующее формирование крупного социалистического хозяйства путем создания колхозов и совхозов практически полностью уничтожило действовавшую здесь систему мелиорации. Во-первых, были нарушены установленные границы индивидуального землепользования. В результате отдельные мелиоративные системы оказались в границах разных землепользователей (колхозы, совхозы, лесные хозяйства и т. д.), что в условиях почвенного разнообразия не позволяло вес-

ти эффективное сельское хозяйство — по отношению к одной сельскохозяйственной культуре применялись разные режимы мелиорации. Во-вторых, в связи с отсутствием немецкой технической документации по дренажным системам землеустройство производилось только по открытой мелиоративной сети. В-третьих, открытая системы мелиорации была разрушена во время пахоты при изменении границ землепользования — укрупнении хозяйств.

Поддержание плодородия почв обеспечивалось за счет активных мер по химизации сельского хозяйства: применение удобрений, химическая мелиорация почв (гипсование и известкование), защита растений от сорняков, вредителей и болезней, применение химических стимуляторов, ускоряющих развитие растений, и др. Однако это происходило в ущерб исторически сложившимся методам ведения хозяйства, которые доказали свою эффективность в обеспечении высокопродуктивного сельскохозяйственного производства. Попытки как советских, так и немецких инженеров в части восстановления системы мелиорации Восточной Пруссии не дали положительных результатов.

Используемые в 1920-х гг. методы земледелия стали причиной нарастающего кризиса сельскохозяйственного производства, который проявился в дегенерации семенного фонда, ослаблении поголовья скота из-за болезней, ухудшении качества земель (эрозия, закисление). Для получения устойчивого урожая требовалось вносить все больше удобрений, что, в свою очередь, существенно ослабляло землю и растения, ухудшало качество пищевых продуктов [5]. Все это обусловило пересмотр технологий в области почвенного плодородия и привело к возникновению органического сельского хозяйства², одним из направлений которого стал биолого-динамический метод, представляющий интерес только с точки зрения его апробации и развития на территории Германии как ответ на успешные многовековые технологические достижения пруссов. Один из пионеров биолого-динамического метода ведения сельского хозяйства — немецкий фермер, руководитель предприятия, консультант и исследователь Э. Пфайффер, который в серии публикаций по вопросам применения этого метода, возникшего на основе идей и предложений Р. Штайнера [6], исследует вопросы эффективного использования земли в Германии, где в качестве примеров приводятся фермерские хозяйства Восточной Пруссии³.

Органическое (биоорганическое) сельское хозяйство, возникнув и получив развитие прежде всего в Германии и США, приобретает с каж-

---

² «Органическое сельское хозяйство – это целостная система управления производством, которая поддерживает и способствует здоровью агроэкосистемы, включая биологическое разнообразие, биологические циклы и биологическую активность почвы. <...> Все это сопровождается применением, где это возможно, агрономических, биологических и механических методов, в противоположность использованию синтетических материалов (*прим.* исключается химизация сельского хозяйства), чтобы обеспечить функционирование внутри системы». — URL: <http://www.fao.org/organicag/oa-faq/oa-faq1/ru/> (дата обращения: 13.04.2012).

³ *Биолого-динамический метод* - направление органического сельского хозяйства, затрагивающее духовные основы и космические аспекты (см., например, [4; 6]).

дым годом все большую популярность. Это обусловлено резким обострением в мире вопросов здоровья человека, безопасности продуктов питания, а также охраны окружающей среды — несмотря на то, что сохраняет актуальность и продовольственная проблема, решение которой во многом определяется успехами «традиционного» сельского хозяйства. Ежегодно расширяются экологически обрабатываемые площади, растет спрос на экологически безопасные продукты, усиливается государственная поддержка сельскохозяйственных производителей органической продукции.

Успехи и достижения органического сельского хозяйства сегодня определены, по сути, в принципах, составляющих основу его развития:

- принцип здоровья (поддерживать и улучшать здоровье почвы, растения, животного, человека и планеты как единого и неделимого целого);
- принцип экологии (экологизация среды производства, существование естественных экологических систем и циклов);
- принцип справедливости (гарантия справедливости на всех уровнях и для всех сторон — фермеров, рабочих, переработчиков, распространителей, продавцов и потребителей);
- принцип заботы (предосторожность и ответственность являются ключевыми компонентами в выборе методов управления, развития, а также приемлемых технологий)⁴.

Органическое сельское хозяйство практикуется почти в 160 странах мира, однако наибольшее развитие получило в странах Западной Европы, в том числе Балтийском регионе, а также Северной Америке. В Балтийском регионе по состоянию на 2010 г. сосредоточено практически 30% органических сельскохозяйственных угодий Европы (9,3 млн га) и 7,5% мира (37,2 млн га) (рис. 2).

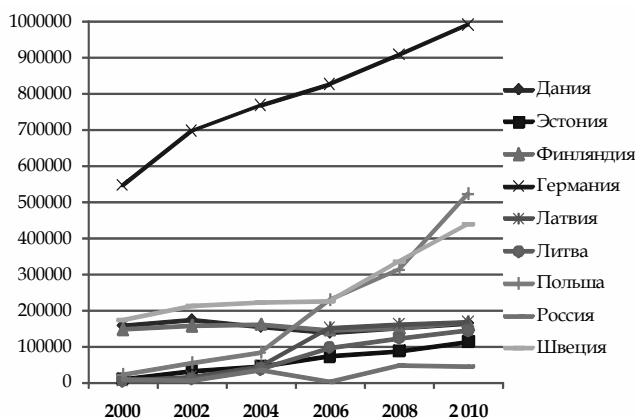

Рис. 2. Динамика площади органических сельскохозяйственных угодий в Балтийском регионе, 2000—2010 гг., га

Источник: [7].

⁴ См.: Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство (IFOAM). URL: http://www.ifoam.org/about_ifoam/pdfs/POA_folder_russian.pdf (дата обращения: 13.03.2012).

Ежегодный рост составляет в пределах 7%. Наибольшие площади органических угодий — в Германии (0,990 млн га), Польше (0,522 млн га) и Швеции (0,439 млн га). В то же время к числу стран, где доля органических угодий выше 10%, относятся Швеция (12,6%) и Эстония (10,5%) [7].

Объем продаж органических продуктов в Балтийском регионе составил в 2010 г. 7,8 млрд евро, что соответствует 40,0% от общих продаж в Европе и около 25,5% общемирового оборота (рис. 3).

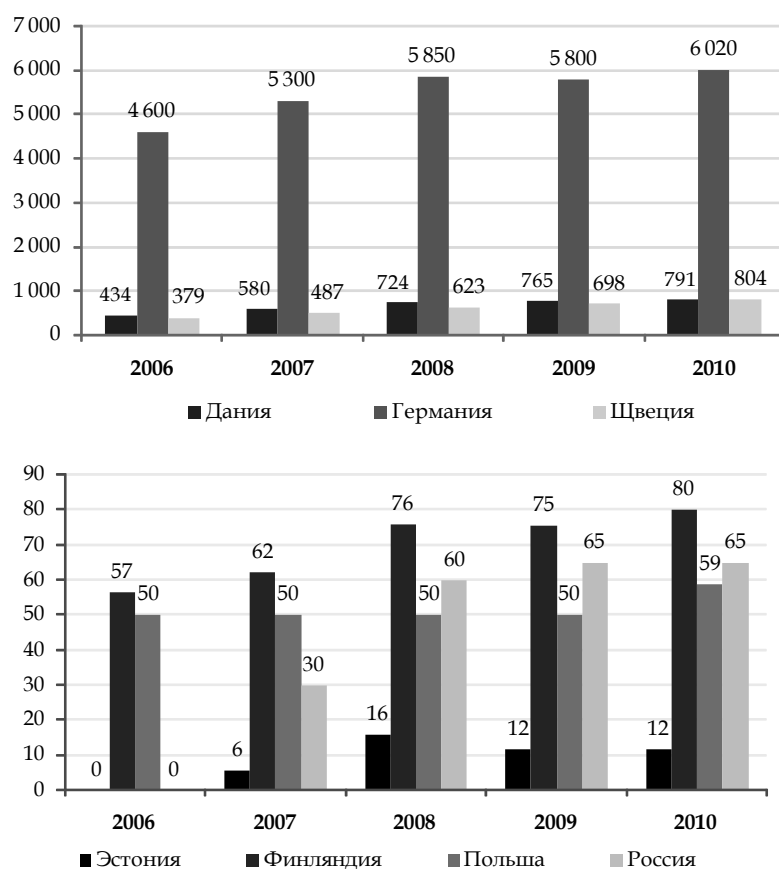

Рис. 3. Объем продаж органических продуктов питания в странах Балтийского региона, 2006—2010 гг., млн евро

Источник: [7].

Современное состояние сельского предпринимательства и уровень развития сельского хозяйства в Калининградской области свидетельствуют, что в качестве ключевого вопроса выступает региональная мелиоративная система. Мелиоративная освоенность земельных угодий здесь достигает, по разным оценкам, около 90—95%. По данным почвенных обследований факультета географии и геоэкологии БФУ им. И. Канта, в регионе выявлены эрозионно-опасные почвы, которые зани-

мают 104,9 тыс. га, что составляет 20% всех сельхозугодий, 98 тыс. га — польдерные земли, защищенные от затопления (725,09 км дамб). Из всех мелиорированных земель Калининградской области в сельскохозяйственном использовании находится 593,1 тыс. га осушенных (в том числе 332,6 тыс. га пашни) и 1,8 тыс. га орошаемых сельскохозяйственных угодий (в том числе 1,2 тыс. га пашни). Сегодня необходимо провести срочную мелиорацию сельскохозяйственных земель на площади 594,6 тыс. га, в том числе реконструкцию дренажно-коллекторной и открытой регулирующей сети на площади 109,8 тыс. га, ее ремонт на площади 107,8 тыс. га [3].

Имеющиеся достижения в области органического хозяйства, а также приведенные факты о значении и роли прусских агротехнологий свидетельствуют об актуальности их использования при осуществлении сельскохозяйственного предпринимательства в современных условиях, в том числе на территории Калининградской области. При этом актуален вопрос о развитии технологий повышения плодородия почв на основе новаций в области мелиоративно-оросительных работ в рамках общей ориентации на методы органического сельского хозяйства.

Во-первых, необходимо включение и определение особого положения Калининградской области в федеральной программе по развитию мелиорации и системы польдеров на территории региона. Должны максимально учитываться история и опыт мелиоративного развития указанной территории с учетом достижений Восточной Пруссии и специфики функционирования мелиоративной системы на территории Калининградской области.

Во-вторых, следует усилить государственную поддержку как на федеральном, так и региональном уровне для инновационно активных субъектов сельскохозяйственного предпринимательства, реализующих принципы органического сельского хозяйства. Кроме того, на федеральном уровне следует предусмотреть решение вопросов разработки соответствующего нормативно-правового обеспечения в части регулирования органического сельского хозяйства и сертификации органических продуктов питания.

В-третьих, учитывая высокую капиталоемкость предлагаемых мер по развитию принципов органического сельского хозяйства, необходимо более детальное изучение и последующее стимулирование создания и взаимодействия субъектов сельскохозяйственного предпринимательства с сельскохозяйственными холдингами и формирование сетевых предпринимательских структур как на территории Калининградской области, так и за ее пределами.

Реализация приведенных первоочередных мер позволит создать соответствующий базис для последующего внедрения технологических инноваций в Калининградской области и решить вопрос «оздоровления» сельского хозяйства при одновременном обеспечении продовольственной безопасности и доступности для населения качественных продуктов питания.

Список литературы

1. *Зайдельман Ф. Р.* Мелиорация почв : учебник. 3-е изд. М., 2003.
2. *Костяшов Ю. В.* Российские рабочие в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 6. С. 148—154.
3. *Лебединская Т.* Мелиоративное хозяйство нуждается в едином управлении // Калининградский аграрий. 2010. № 20 (240). URL: http://agrariy-39.ru/number/archiv/detail.php?ID=1018&phrase_id=2224 (дата обращения: 10.04.2012).
4. *Подолински А.* Введение в биодинамическое земледелие / пер. с англ. Н. Жирмунской. Калуга, 2003.
5. *Пфайффер Э.* Плодородие земли, его поддержание и обновление. Калуга, 1994.
6. *Штайнер Р.* Духовно-научные основы успешного развития сельского хозяйства. М., 1997.
7. *The World of Organic Agriculture 2011.* URL: <http://www.organic-world.net/fileadmin/documents/yearbook/2011/world-of-organic-agriculture-2011-page-1—34.pdf> (дата обращения: 10.04.2012).

Об авторах

Левина Роза Салиховна, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и коммерции экономического факультета, старший научный сотрудник НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона», Институт региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: RLevina@kantiana.ru

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, директор НОЦ «Социально-экономическое и инновационное развитие региона», Институт региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ON THE POSSIBILITY TO ADOPT THE HISTORICAL PRACTICE
OF APPLYING TECHNOLOGIES FOR LAND FERTILITY
INCREASE IN EASTERN PRUSSIA
AT AGRICULTURAL ENTERPRISES
OF THE KALININGRAD REGION

R. S. Levina, K. Yu. Voloshenko,

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on April 15, 2012

This article considers the features of East Prussian land use system, whose crucial component was technologies for land fertility increase. A special package of measures in the framework of melioration and irrigation activities accounted for the high productivity of agriculture on this territory despite the fact that the local cli-

mate conditions can hardly be called perfect according to the well-known principles of agricultural science. The authors offer an overview of scientific approaches to the reconstruction and practical application of ideas and principles of progressive agriculture consistent with a more general area of organic agriculture. Special attention is paid to the modern agricultural practice on the territory of the Kaliningrad region – former East Prussia – and the possibilities to use the methods for increasing land fertility that were intensively employed by Prussians.

Key words: agricultural enterprises, land use, land fertility, melioration system, organic agriculture

References

1. Seidelmann, F.R. 2003, *Melioracija pochv [Amelioration of soil]*, Moscow, Izd-vo MGU, 448 p.
2. Kostyashov, Yu. V. 2010, Rossijskie rabochie v Vostochnoj Prussii v konce XIX — nachale XX veka [Russian workers in East Prussia in the late XIX - early XX century], *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta [Vestnik Immanuel Kant State University of Russia]*, no. 6, p. 148-154.
3. Lebedinskaja, T. 2010, Meliorativnoe hozjajstvo nuzhdaetsja v edinom upravlenii [Reclamation, agriculture needs to be a single management], *Kaliningradskij agrarij [Kaliningrad Farmer]*, no. 20 (240), 15 Nov. 2010, available at: http://agrarij-39.ru/number/archiv/detail.php?ID=1018&sphrase_id=2224 (accessed 10 April 2012).
4. Podolinski, A. 2003, *Vvedenie v biodinamicheskoe zemledelie [An introduction to biodynamic farming]*, Kaluga, «Duhovnoe poznanie», 212 p.
5. Pfeiffer, E. 1994, *Plodorodie zemli, ego podderzhanie i obnovlenie [The fertility of the land, its maintenance and renewal]*, Kaluga, «Duhovnoe poznanie», 113 p.
6. Steiner, R. 1997, *Duhovnonauchnye osnovy uspešnogo razvitija sel'skogo hozjajstva [spiritual-scientific basis for the successful development of agriculture]*, Moscow, 432 p.
7. *The World of Organic Agriculture 2011*, available at: <http://www.organic-world.net/fileadmin/documents/yearbook/2011/world-of-organic-agriculture-2011-page-1-34.pdf> (accessed 10 April 2012).

About authors

Prof. Roza S. Levina, Department of Marketing and Commerce, Faculty of Economics; Senior Research Fellow, “The socioeconomic and innovative development of the region” research and education centre, Institute for Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: RLevina@kantiana.ru

Dr Ksenya Yu. Voloshenko, director of the “The socioeconomic and innovative development of the region” research and education centre, Institute for Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

УДК 94(47).084.9

ПОЗИЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА ПО ВОПРОСУ «ВОССТАНОВЛЕНИЯ» НЕЗАВИСИМОСТИ БАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК

М. Д. Портнягина*

Отделение балтийских республик от Советского Союза происходило весьма болезненно, сопровождаясь как политическими, так и экономическими конфликтами. Третьими лицами в переговорном процессе сторон были главным образом ФРГ и США.

Целью исследования стало определение позиции и роли США и ФРГ в вопросе восстановления независимости балтийских республик. Методологической основой послужили принципы историзма и объективности. При написании статьи применялся региональный подход, позволяющий учесть специфику развития региона при рассмотрении общей картины мировой политики.

Научная и практическая значимость работы заключается в углублении научной оценки советско-балтийских отношений 1989—1991 гг. Проведенное исследование поможет лучше понять практику политического взаимодействия США, ФРГ, СССР со странами Балтии. Материалы и выводы статьи могут быть использованы для дальнейшей разработки вопросов внешней политики США, ФРГ, СССР, балтийских республик.

В процессе отделения Балтийских республик выявилась двойственная позиция стран Запада, их нерешительность в вопросе поддержки «освободительной» борьбы. В результате балтийское руководство смогло добиться независимости без какой-либо действенной поддержки со стороны западных держав, исключительно за счет внутренних противоречий в СССР.

Ценность проведенного исследования определяется разноплановой подборкой источниковой базы, новой постановкой проблемы «восстановления» независимости балтийских республик.

Практическое значение итогов работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы при продолжении научных исследований по истории региона Балтийского моря, ФРГ и США, а также при подготовке лекционных и специальных курсов.

* Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 23.02.2012 г.

Ключевые слова: «балтийский вопрос», борьба за независимость, перестройка, распад СССР, международное сообщество.

В 2011 г. исполнилось 20 лет, как балтийские республики стали независимыми государствами. «Бракоразводный процесс» Советского Союза с Прибалтикой протекал крайне болезненно, в результате чего и по сей день возникает множество неразрешенных конфликтов политического, экономического и военного характера. «Балтийский вопрос» стал ахиллесовой пятой для международной и внутренней политики Советского Союза. Позиция международного сообщества была крайне важна для Советского руководства. Меры, предпринимаемые советскими лидерами, не в последнюю очередь основывались на реакции главных игроков на международной арене — ФРГ и США. Усиливающиеся центробежные тенденции в СССР вынуждали его руководство искать поддержки западных лидеров. Правительства ФРГ и США со своей стороны опасались открыто поддерживать борьбу Прибалтики за независимость. Каждая из стран преследовала свои интересы в диалоге с Советским Союзом и использовала «балтийский вопрос» для манипуляции Советским руководством, в то время как прибалтийские республики рассчитывали на помощь со стороны западных держав. Двойственная позиция международных акторов при чрезвычайной остроте отношений СССР со своими прибалтийскими республиками выразилась в том, что правительства ФРГ и США стали посредниками в диалоге СССР и Прибалтики.

Однако в отечественной историографии позиции и роль ФРГ и США в вопросе восстановления независимости балтийских государств практически не исследованы. В основном отношения СССР и Германии в период перестройки и начала 90-х гг. в научной литературе рассматриваются в контексте воссоединения немецкого государства. Отношения США и СССР анализируются в рамках противостояния двух блоков в политическом и военном планах. Аспект приобретения независимости балтийскими государствами в диалоге СССР, ФРГ и США остается нераскрытым, не прояснена позиция западных акторов в споре СССР с балтийскими республиками в их борьбе за независимость. Таким образом, целью нашего исследования стало выявление значения «балтийского вопроса» в двусторонних отношениях в 1989—1991 гг. СССР и ФРГ, а также СССР и США как главных заинтересованных сторон в данном вопросе. Эта проблема анализировалась с опорой на источники личного происхождения: воспоминания и письма политических деятелей — участников событий. Это в первую очередь дневниковые записи А. С. Черняева, помощника М. С. Горбачева, в которых он уделяет много внимания борьбе за независимость балтийских республик, дает свою трактовку происходящим событиям, отмечая немаловажное значение оценок западного общества для формирования политической позиции М. С. Горбачева. А. С. Черняев подчеркивает, что М. С. Горбачев искал поддержки в «балтийском вопросе» со стороны западных держав и нашел ее в лице Германии [1]. Большой интерес представляют воспоминания министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Ген-

шера [2], где он обращается к проблеме признания независимости Эстонии, Латвии и Литвы, письмо канцлера Г. Коля и президента Франции Ф. Миттерана [3]. «Балтийскую точку зрения» представляет собрание воспоминаний общественных и политических деятелей Прибалтики конца 80-х-начала 90-х гг., опубликованные в 2006 г. [4]. Роль США в решении «балтийского вопроса» можно проанализировать, основываясь на секретных посланиях и телефонных разговорах, собранных американским политиком С. Тэлботтом и историком М. Бэшлосом. Авторы акцентируют внимание на том, что преследуя цель развалить Советский Союз, администрация Дж. Буша не стеснялась применять любые средства. Исходя из протоколов переговоров, представленных в книге, можно сделать вывод, что «балтийский вопрос» также стал инструментом манипулирования советским руководством [5].

Страны Западной Европы и США, не признававшие включение стран Балтии в состав Советского Союза, занимали выжидательную позицию в отношении вопроса предоставления им независимости в 1989—1991 гг. Это было обусловлено боязнью смены курса, который был начат М. С. Горбачевым в СССР. Канцлер Германии Г. Коль небезосновательно полагал, что открытая поддержка независимости балтийских республик со стороны Западной Европы и Америки может привести к нарастанию противоречий в советском руководстве, где не было единого мнения по «балтийскому вопросу», к тому же росло недовольство постоянными уступками М. С. Горбачева в пользу Запада. Сам Г. Коль отмечал, что хотя «поддержка Литвы среди населения Германии велика, мы должны выстраивать свою политику таким образом, чтобы она не шла вразрез с политикой Москвы» [6, S. 377]. В то же время западные политики не могли полностью воздержаться от поддержки балтийских народов в их стремлении к независимости, так как это, в свою очередь, могло привести к снижению их популярности у электората, среди которого царили восторженные настроения относительно демократических процессов, происходящих в Советском Союзе и Европе в целом. Именно поэтому канцлер Германии придерживался политики «небольших шагов», согласно которой «в ближайшие пять лет благодаря мудрости, терпению и психологическому мастерству им [балтийским республикам] удастся достичь своей цели» [6, S. 379].

Американская общественность и парламент также требовали от президента Дж. Буша «отпустить прибалтов» [5, с. 145]. Он же полагал, что «существуют определенные жизненные реальности, и литовцы прекрасно о них знают, и им следует договариваться» [5, с. 147]. Позицию американского правительства четко высказал помощник президента по национальной безопасности Б. Скоукрофт: «...американцы могут лишь пожелать прибалтам успеха, поскольку с точки зрения национальных интересов США на чашу весов положено слишком много» [5, с. 198].

Сами балтийские общественные и политические деятели были весьма разочарованы такой двусмысленной позицией стран Запада, и в особенности ФРГ. Вот как описывает свои впечатления от визита в Германию и встречи с немецкими политиками (в том числе немецким стратегом в области «восточной политики» Е. Бархом) член Совета

сейма «Саюдиса» и член Верховного совета Литвы Бронислав Гянзалис: «Встречи проходили по всем правилам конспирации... немцы внимательно слушали нас и предлагали не спешить, не навредить начатому Горбачевым процессу демократизации. Было очевидно, что деятели как оппозиции, так и правящего большинства Германии не сделали бы ничего, если бы против нас были применены репрессии. Единственное, на что мы могли надеяться, — сочувствие» [7, с. 310].

Действительно, руководство ФРГ целиком и полностью связывало воедино решение «немецкого» и «балтийского» вопросов. Германия расставила приоритеты в пользу хороших отношений с Москвой, поэтому и не торопилась с признанием независимости балтийских республик. Поощрение процессов, происходящих в Прибалтике, со стороны немецкого руководства могло осложнить переговорный процесс между ФРГ и СССР в вопросе воссоединения Германии. Именно поэтому реакцией на Декларацию независимости, принятой Литвой в марте 1990 г., стало письмо канцлера ФРГ Г. Коля и президента Франции Ф. Миттерана председателю Верховного совета Литвы В. Ландсбергису с просьбой приостановить действие декларации и вступить в диалог с советским руководством [3]. В то же время немецкие дипломаты пытались успокоить советское руководство и уверить его в том, что ФРГ не собирается вмешиваться во внутренние дела Советского Союза. В ходе беседы М. С. Горбачева с Х. Тельчиком помощник канцлера по внешнеполитическим вопросам заявил, что «в Европе никто не заинтересован в дестабилизации, которая может возникнуть из-за Литвы. Поэтому канцлер Германии откровенно сказал Прунскене, что на месте литовского руководства он бы не принимал таких решений, какие были приняты у них» [8, с. 515]. Литовские общественные деятели назвали это заявление немецкого и французского лидеров «погребальным звоном для надежд, что Запад станет действовать на благо Литвы» [9, с. 399]. Более решительной в этой ситуации оказалась реакция американского правительства. Конгресс США решил лишить Москву режима наибольшего благоприятствования в торговле, пока СССР не начнет переговоры с Вильнюсом [5, с. 201]. «Балтийский вопрос» использовался американцами для достижения экономических выгод, ведь на кону стояло подписание торгового договора. Во время визита М. С. Горбачева в Вашингтон в мае 1990 г. Дж. Буш соглашается подписать договор только при условии мирного урегулирования «прибалтийского вопроса» [5, с. 203].

Поддерживая М. С. Горбачева в «балтийском вопросе», Г. Коль смог продемонстрировать ему свою приверженность идеям «перестройки» и желание помочь в урегулировании конфликта между Советским Союзом и прибалтийскими республиками. С другой стороны, «балтийский вопрос» стал для ФРГ своеобразным рычагом давления на советское руководство. Балтийское движение за независимость напрямую угрожало целостности Советского Союза. В сложившейся ситуации приоритеты политики СССР изменились, вопрос германского единства более не являлся первостепенным. Именно этим умело воспользовались немецкие политики на переговорах относительно воссоединения Германии и ее членства в военном блоке НАТО: «Учитывая

результаты последовательной политики Коля в германском вопросе и специфику проблем в СССР... Советский Союз готов признать членство объединенной Германии в измененной НАТО» [10, с. 312].

Действительно, для советского партийного руководства «немецкий вопрос» не имел такого значения, как «балтийский». А. С. Черняев охарактеризовал данную проблему следующим образом: «Балтийский вопрос был для нас чрезвычайно важным, так как здесь для Советского Союза решалось все: быть или не быть» [11, с. 324]. Кроме того, для М. С. Горбачева была очень важна реакция западных государств на положение дел в Прибалтике. «Балтийский вопрос» становился темой для разговоров на многих встречах советского президента со своими коллегами из Европы и Америки. Сам М. С. Горбачев весьма резко высказывался о процессах, происходящих в прибалтийских республиках, называя, например, литовских политиков «несерьезными людьми, авантюристами». Однако механизм отделения республик уже был запущен и решить проблему подписанием нового союзного договора было уже нельзя. И хотя литовское руководство пошло на уступки благодаря переговорам с Г. Кодем и заморозило действие Декларации независимости, литовско-советские переговоры завершились безрезультатно. Советское руководство готово было рассматривать вопрос предоставления независимости в рамках конституционного процесса, без каких-либо предварительных уступок и отказывалось признавать незаконную оккупацию Прибалтики. Отношения прибалтийских республик с союзным центром еще более усугубились после того, как председатель Верховного совета РСФСР Б. Н. Ельцин поддержал идею полного суверенитета Латвии, Литвы и Эстонии.

Однако даже после подписания договора об объединении Германии и применения силы в Прибалтике ФРГ медлила с официальными высказываниями в поддержку независимости балтийских республик. В ответ на события в Риге и Вильнюсе в январе 1991 г. федеральный канцлер осторожно отметил, что «дальнейшее применение силы приведет к непониманию и прекращению диалога» [6, S. 310]. Такая выжидательная позиция была обусловлена идущим в Верховном Совете СССР процессе ратификации Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. Представители балтийских республик критически восприняли такую позицию федерального канцлера. В своем интервью немецкому журналу «Шпигель» (*Der Spiegel*) В. Ландсбергис заявил: «Теперь мы видим, что какой-либо значительной поддержки от Германии мы ожидать не можем. Немецкое правительство слишком ориентировано на Советский Союз» [12].

Точку в нерешительности немецкого руководства поставил августовский путч в Москве, когда окончательно стало ясно, что политика реформ М. С. Горбачева провалилась и он сам уже не сможет остаться у власти. Эстония и Латвия заявили о своем полном суверенитете. Премьер-министр Литвы К. Прунскене, находившаяся в это время в Бонне, призвала немецкое руководство принять окончательное решение относительно признания независимости балтийских республик [13]. Только теперь немецкое правительство смогло изменить приоритеты своей по-

литики и отказаться от односторонней поддержки СССР. Министр иностранных дел Германии Г. Геншер 23 августа связался со своим датским коллегой У. Эллеманн-Йенсенем, чтобы обсудить вопрос восстановления дипломатических отношений с балтийскими республиками. Речь шла именно о восстановлении отношений, а не об их установлении. Поняв несостоятельность советской политики, давление решили усилить и американцы. Президент Дж. Буш направил письмо М. С. Горбачеву с настоятельными рекомендациями признать балтийские республики. В то же время Дж. Буш позвонил президенту В. Ландсбергису в Вильнюс и сообщил, что «признание Литвы уже близко».

Дипломатические отношения между ФРГ и тремя балтийскими государствами были восстановлены 28 августа 1991 г., когда в Бонн прибыли представители балтийских республик для официального подписания договоров. Уже 2 сентября свою деятельность в Риге, Таллине и Вильнюсе стали осуществлять немецкие посольства. Это случилось еще до официального признания независимости этих республик Советским Союзом, которое произошло 6 сентября. С этого же момента ФРГ становится «главным покровителем» Эстонии, Латвии и Литвы в вопросе вступления этих государств в ЕС. Уже в сентябре 1991 г. во время краткосрочного визита в Прибалтику министр иностранных дел ФРГ Г. Геншер высказался за их ассоциированное членство в Европейском сообществе с очевидной перспективой дальнейшего полноправного членства [2, S. 974]. Кроме того, уже на начальном этапе отношений обозначился вектор сотрудничества в области безопасности. В 1993 г. были заключены соглашения об основах двустороннего сотрудничества, в которых особо оговаривались вопросы безопасности: «При возникновении ситуации, при которой, по мнению одной из сторон, может возникнуть угроза свободе... они [государства] могут прибегнуть к взаимному сотрудничеству и согласованию своих действий» [14, S. 123]. В начале 1990-х гг. предполагалось, что Балтийский регион станет «единым политическим и экономическим пространством, а также единым сообществом безопасности... в частности, решение виделось в демократизации всех стран Балтийского региона» [15, с. 2]. Стремительно развивались отношения государств и в области культурного сотрудничества. Также в 1993 г. были заключены договора о культурном сотрудничестве между Германией и тремя республиками [16—18].

Дж. Буш 2 сентября 1991 г. заявил о готовности США установить с прибалтийскими республиками дипломатические отношения, и уже 12 сентября Соединенные Штаты официально их признали. При этом Дж. Буш отметил: «Когда пишется история, никто не вспомнит, что для этого нам понадобилось выжидать на сорок восемь часов больше, чем Исландии или кому-нибудь еще» [5, с. 311]. С момента восстановления дипломатических отношений со странами Балтии США начинают процесс военно-политической интеграция Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО.

Таким образом, пока велись переговоры между Советским Союзом и ФРГ по вопросу объединения двух немецких государств, политики Германии придерживались мнения, что поддержка стремлений к независимости отдельных советских республик является «опасной глупостью» [6, S. 312]. Прибалтика стала своеобразным механизмом давления на советское руководство при переговорах о воссоединении немецкого государства. Выказывая поддержку М. С. Горбачеву в «балтийском вопросе», Г. Коль мог надеяться на более скорое решение «немецкого вопроса» без каких-либо уступок со стороны Германии. Г. Коль стремился решить проблему воссоединения Германии наиболее благоприятным для своей страны образом, в том числе и за счет прибалтийских республик. ФРГ до последнего момента не признавала независимость балтийских республик, и только когда стало очевидно, что Советский Союз находится на грани распада, немецкие политики официально заявили о восстановлении дипломатических отношений. Министр иностранных дел Г. Геншер особо отметил, что нет нужды в признании этих государств, так как Германия никогда не признавала их советской оккупации.

В своем противостоянии с СССР США активно использовали «балтийский вопрос». Он стал объектом обсуждений на всех переговорах и встречах руководителей двух стран. При этом американское правительство не торопилось решать «балтийский вопрос», а затрагивало его либо в целях успокоения американской общественности, либо для получения экономических преимуществ в отношениях с СССР. Б. Скоуфорт рекомендовал Дж. Бушу при общении американского президента с М. С. Горбачевым «воспользоваться этим телефонным разговором, чтобы «еще раз отметить» по Прибалтике... Как только журналисты узнают про звонок Горбачева, они сразу спросят, поднимал ли он вопрос о Прибалтике. И лучше, чтобы ответом было «да», иначе придется чертовски дорого расплачиваться» [5, с. 44]. Таким образом, позиции ФРГ и США по «балтийскому вопросу» в переговорном процессе с СССР во многом схожи. Исходя из собственных национальных интересов, западные державы использовали балтийские республики как фактор давления на советское руководство. Целью ФРГ было добиться собственного единства, США — получить экономические выгоды.

Руководство балтийских республик осознавало всю безысходность ситуации и тот факт, что не стоит рассчитывать на действенную поддержку со стороны немецкого и американского правительств. В результате Эстония, Латвия и Литвы сумели добиться независимости исключительно за счет внутренних противоречий, происходящих в Советском Союзе, при минимальной помощи со стороны западных государств. В то же время использование «балтийского вопроса» в отношениях с СССР помогло Германии более успешно решить проблему своего воссоединения.

Список литературы

1. *Черняев А. С.* Дневник помощника президента СССР. М., 1997.
2. *Genscher H.-D.* Einnerungen. Berlin, 1995.
3. *A Letter from the President of the Republic of France François Mitterrand and the Chancellor of the Federal Republic of Germany Helmut Kohl To the President of the Supreme Council of the Republic of Lithuania Vytautas Landsbergis.* URL: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/2001—8/Letter.pdf> (дата обращения: 03.06.2011).
4. *Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте.* Рига, 2006.
5. *Бешлосс М., Тэлботт С.* Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М., 2010.
6. *Kohl H.* «Ich wollte Deutschlands Einheit» / von K. Diekmann, R. Georg Reutch. Berlin, 1996.
7. *Гянзалис Б.* Перепитии признания государственности Литвы / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Рига, 2006.
8. *Из беседы М.С. Горбачева и Х. Тельчика 14.05.1990 // М. Горбачев и германский вопрос : сб. док. 1986—1991.* М., 2006.
9. *Дрейфельдс Ю.* Запад и независимость Балтии / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Рига, 2006.
10. *Мазер В.* Гельмут Коль : биография. М., 1993.
11. *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям. М., 1993.
12. *Interview mit Vytautas Landsbergis // Der Spiegel.* 1991. №6.
13. *Prunskiene K.* Lithuanian-German political relation. URL: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/2001—8/Prunskiene.pdf> (дата обращения: 06.06.2011).
14. *Föhrenbach G.* Die Westbindung der baltischen Staaten. Baden-Baden, 1999.
15. *Худолей К. К., Новикова И. Н., Ланко Д. А.* Инновационное образование для Балтийского региона: опыт Российско-Финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. №3. С. 21—28.
16. *Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und die Regierung der Republik Lettland über kulturelle Zusammenarbeit.* URL: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/lettland.pdf> (дата обращения: 05.04.2010).
17. *Abkommen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Litauen über kulturelle Zusammenarbeit.* URL: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/litauen.pdf> (дата обращения: 20.03.2010).
18. *Abkommen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Estland über kulturelle Zusammenarbeit.* URL: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/estland.pdf> (дата обращения: 07.04.2010).

Об авторе

Портнягина Мария Дмитриевна, аспирантка кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: maria_16.08@mail.ru

THE POSITION OF INTERNATIONAL COMMUNITY
ON THE RESTORATION OF INDEPENDENCE
OF THE BALTIC STATES

M. D. Portnyagina

Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received on February 23, 2012

The separation of the Baltics from the Soviet Union was a difficult process accompanied by both political and economic conflicts. The third party in the negotiation process was represented by Germany and the USA.

This article sets out to identify the role of the USA and Germany in the restoration of Baltic independence. Historicism and objectivity principles serve as the methodological framework for the research. The regional approach was applied in order to integrate the features of regional development into the overall picture of world politics.

The scientific and practical significance of the article consists in a scientific evaluation of the Soviet-Baltic relations in 1989—1991. This study can help understand the mechanisms of formulation of foreign policy by the USA, Germany, and the USSR, as well as the practice of political interaction between these countries and the Baltic States. The materials and conclusions of this article can be used for further research on the foreign policies of the USA, Germany, the USSR, and the Baltic republics.

In the process of the Baltics gaining their independence, western countries showed an ambivalent position and hesitancy regarding support for the struggle for liberation. As a result of internal contradictions in the USSR, Baltic leaders managed to achieve independence without any effective support from western powers.

The research significance of this study consists in a diverse selection of sources and a new formulation of the problem of Baltic independence.

The practical significance of the article results lies in the applicability of its materials in the development of Russian foreign policy in the Baltic region, further research on the history of the Baltic region, Germany, and the USA, and preparation of lectures.

Key words: “Baltic” question, struggle for independence, perestroika, collapse of the USSR, international community.

References

1. Chernyaev, A. S. 1997, O M. S. Gorbacheve [About M. S. Gorbachev]. In: *Dnevnik pomownika prezidenta SSSR [Diary Assistant to the President of the USSR]*, Moscow Izd. centr «Terra»: Respublika, 333 p.
2. Genscher, H.-D. 1995, *Erinnerungen*, Berlin, Siedler, 1087 S.
3. *A Letter from the President of the Republic of France François Mitterrand and the Chancellor of the Federal Republic of Germany Helmut Kohl To the President of the Supreme Council of the Republic of Lithuania Vytautas Landsbergis*, available at: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/2001—8/Letter.pdf> (accessed 3 June 2011).
4. Škapars, Ja. (ed.), 2006, *Baltijskij put' k svobode. Opyt nenasil'stvennoj*

bor'by stran Baltii v mirovom kontekste [The Baltic Way to Freedom. The experience of non-violent struggle of the Baltic States in a global context], Riga, Zelta grauds, 511 p.

5. Beschloss M., Talbott S. 2010, *Izmena v Kremle: protokoly tajnyh soglashenij Gorbacheva s amerikancami [Treason in the Kremlin: the protocols of secret agreements with the American Gorbachev]*, Moscow, 352 p.

6. Diekmann, K., Reutch R. G (ed.), 1996, *Helmut Kohl: „Ich wollte Deutschlands Einheit“ [Helmut Kohl: "I wanted German unity"]*, Berlin, Propyläen, 488 S.

7. Gyanzyalis, B. 2006, Peripetii priznanija gosudarstvennosti Litvy [The ups and downs recognizing the statehood of Lithuania]. In: *Baltijskij put' k svobode. Opyt nenasil'stvennoj bor'by stran Baltii v mirovom kontekste [The Baltic Way to Freedom. The experience of non-violent struggle of the Baltic States in a global context]*, Riga: Zelta grauds, 511 p.

8. Iz besedy M.S. Gorbacheva i H. Tel'chika. 14.05.1990 [From the conversation of M.S. Gorbachev and H. Teltschik. May 14, 1990], 2006. In: *M. Gorbachev i germanskij vopros. Sbornik dokumentov 1986—1991 [M. Gorbachev and the German question. Collection of Documents 1986—1991]*, Moscow, Ves' mir, 696 p.

9. Dreifelds, Ju., 2006, Zapad i nezavisimost' [The West and Independence]. In: *Baltijskij put' k svobode. Opyt nenasil'stvennoj bor'by stran Baltii v mirovom kontekste [The Baltic Way to Freedom. The experience of non-violent struggle of the Baltic States in a global context]*, Riga: Zelta grauds, 511 p.

10. Maser, W. 1993, *Gel'mut Kol': Biografija [Helmut Kohl: A Biography]*, Moscow, Novosti, 376 p.

11. Chernyaev, A.S. 1993, *Shest' let s Gorbachevym: Po dnevnikovym zapisjam [Six years with Gorbachev: On diaries]*, Moscow, Progress, Kul'tura, 528 p.

12. Wir erwarten neue Angriffe. Interview mit dem litauischen Präsidenten Vytautas Landsbergis über die Lage im Baltikum [We expect new attacks. Interview with Lithuanian President Vytautas Landsbergis of the situation in the Baltics], 1991, *Der Spiegel*, no. 6, 4 Feb. 1991, available at: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13487743.html> (accessed 3 April 2011).

13. Prunskiene, K. 2001, Lithuanian-German political relation, available at: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/2001—8/Prunskiene.pdf> (accessed 6 June 2011).

14. Föhrenbach, G. 1999, *Die Westbindung der baltischen Staaten [The binding of the western Baltic States]*, Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 272 S.

15. Khudoley, K.K., Novikova, I.N., Lanko, D.A. 2010, Innovacionnoe obrazovanie dlja Baltijskogo regiona: opyt Rossijsko-Finljandskogo transgranichnogo universiteta [Innovation education for the Baltic region: the experience of the Finnish-Russian Cross-border University], *Baltic region*, no. 3, pp. 21—28.

16. Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und die Regierung der Republik Lettland über kulturelle Zusammenarbeit, 2000, *Bundesgesetzblatt*, Teil II, no. 10, Bonn, available at: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/lettland.pdf> (accessed 5 April 2010).

17. Abkommen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Litauen über kulturelle Zusammenarbeit, 2006, *Bundesgesetzblatt*, Teil II, no. 1, Bonn, available at: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/litauen.pdf> (accessed 20 March 2010).

18. Abkommen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Estland über kulturelle Zusammenarbeit, *Bundesgesetzblatt*, Teil II, no. 10, Bonn, available at: <http://www.ifa.de/pdf/abk/bilat/estland.pdf> (accessed 7 April 2010).

About author

Maria D. Portnyagina, PhD student, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University.

E-mail: maria_16.08@mail.ru

УДК 911.3+332.12

**РОЛЬ РЕКИ РЕЙН
В ФОРМИРОВАНИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ
СТРАН ЕВРОПЫ
(I век до нашей эры
– XIX век)**

А. С. Гражданкин*

Рассматриваются основные исторические этапы формирования пространственной экономической структуры европейских стран, территория которых входит в границы рейнского бассейна. Анализу подвергнут достаточно длительный хронологический промежуток — от римской колонизации до начала XX в. Особым образом подчеркивается роль реки Рейн в процессе создания территориальной структуры.

Целью нашего исследования стало установление исторической последовательности процесса организации формирования территориальной структуры экономики стран рейнского бассейна. Научная и практическая значимость работы определяется выявлением периодов наибольшей активности в становлении пространственных структурных связей расположенных здесь государств. В исследовании автором применяется историко-описательный подход и картографо-географическое моделирование для наглядного отображения основных этапов формирования пространственной экономической структуры.

К результатам исследования отнесены следующие положения. Начало образования пространственной структуры экономики стран бассейна Рейна надо относить к римскому этапу в истории европейских государств, а не к промышленной революции. В связи с этим можно полагать, что и интеграционные процессы в своей примитивной форме возникли в период римского присутствия в регионе. Центральной осью развития на протяжении всей истории эволюции экономической структуры являлась река Рейн. Ценность и практическое значение исследования заключается в освещении и отображении ранних этапов существования территориальной экономической структуры в историко-географическом контексте, недостаточно проанализированных периодом в экономико-географической науке.

---

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 17.03.2012 г.

Ключевые слова: река Рейн, пространственная структура экономики, прирейнский регион, структурные связи.

Рейн (нем. *Rhein*) принято называть в Европе не иначе как *отец* (нем. *Vaterrhein*). Действительно, такой «высокий статус» вполне оправдан, определен его влиянием на экономическую жизнь европейских стран в разные исторические периоды. Оно связано со значительной трансграничностью водной артерии, которая пересекает территории шести государств (Швейцария, Лихтенштейн, Австрия, Франция, Германия, Нидерланды), а с учетом имеющихся притоков в «зону влияния» также попадают Люксембург и часть Бельгии. В итоге вырисовывается целое территориальное образование, которое может быть выделено в отдельный прирейнский регион.

Перечисленные государства представляют собой один из мировых экономических центров, а их современная пространственная структура экономики является результатом длительного исторического процесса, насчитывающего не одну сотню лет.

Начало формирования пространственной структуры экономики на территории рейнского бассейна следует связывать с расширением границ Римской империи, когда в I в. до н.э. римляне подчинили себе значительную территорию, включающую Галлию (современная Франция) и западный берег реки Рейн, где проживали кельты и древние германцы.

С приходом римлян прирейнский регион получает мощное экономическое развитие. Во-первых, строились новые города — центры общественной, экономической, политической и культурной жизни: Кельн (38 г. д. н. э.), Бонн (11 г. д. н. э.), Висбаден (77 г. н. э.), Вормс (14 г. до н. э.), Кобленц (55 г. до н. э.), Констанц (59 г. до н. э.), Майн (13 г. до н. э.), Страсбург (10 г. до н. э.), Трир (16 г. до н. э.), Базель (15 г. до н. э.). (рис. 1). По сути, все эти города были крепостями т.е. выполняли оборонительные функции, а Рейн служил на тот момент для римской империи лимесом (границей).

Во-вторых, римляне начали вести активную торговлю с живущими на рассматриваемой территории племенами. Это обстоятельство способствовало не только укреплению внешних связей, но имело важнейшее значение для развития рыночной экономики. Так, на юге сегодняшних Нидерландов была организована система наземных и водных путей (включая каналы), портов, складов [1, с. 76]. По мнению историков, в Домбурге, располагавшемся в устье Шельды, находился транспортный узел, из которого совершались челночные рейсы на Британские острова, а также отправлялись транспорты в Кельн и Бордо.

После падения Римской империи (V в.) доминирующее место в регионе занимают франки. Важным событием во времена их господства на территории рейнского бассейна становится дальнейшее развитие торговли, вместе с тем наблюдается и возрождение угасшей со времен римского присутствия экономической рыночной структуры. В это время происходит ее дифференциация. Ремесла и межрегиональная торговля оказываются в руках специалистов. В областях прирейнского региона, которые были подвластны франкам, на берегах Рейна, Мааса, Мозеля, использовавшихся в качестве транспортных путей, возникли рыночные площади — как на местах бывших римских поселений (например, Маастрихт в центральной части бассейна Мааса, Кельн, Трир, Майнц, Дуйсбург на Рейне), так и в новых (например, Дорестада, Девентер, Франкфурт).

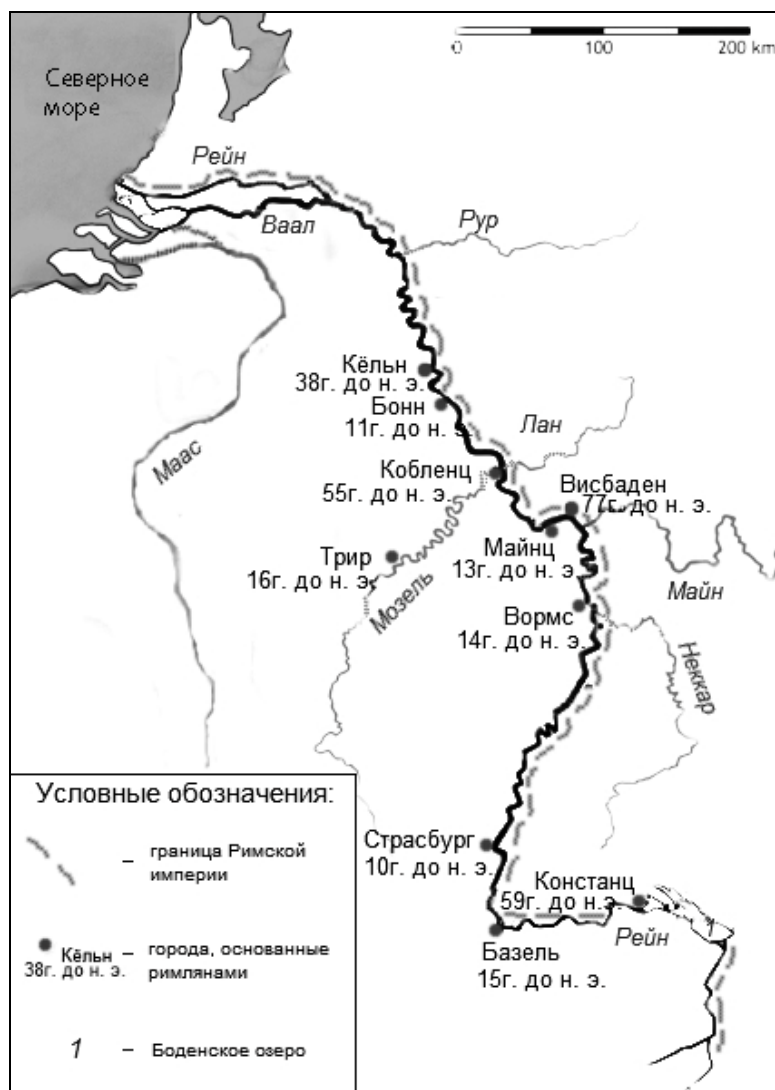

Рис. 1. Города, основанные в римскую эпоху

В связи с активизацией торговли «оживился» и Рейнский сквозной путь, являвшийся почти прямым продолжением новой морской оси мирового товарообмена. Вниз по Рейну — к северу — шли восточные товары и итальянские изделия, вверх — на юг — переправлялись английские олово, медь и шерсть, нидерландское сукно, германское серебро, оружие и пр. [9, с. 13]. Основной базой рейнской торговли в VIII в. стал город Кельн, что объясняется его выгодным положением на скрещении рейнского пути с западным (через волок Рейн-Маас, посреди которого стоит Ахен, на Лютих (фр. Льеж), Намюр и Сен-Кантен, а оттуда на Париж) (рис. 2).

Рис. 2. Пространственная структура экономики при франках

Наибольшего процветания во времена франков в прирейнском регионе достигли Нижние страны (имеется в виду территория нынешних Нидерландов, и северо-восточная часть Бельгии), во многом благодаря своему уникальному географическому положению.

К X в. Франкское государство исчезает с карты Европы. Но, по меткому выражению М. А. Слудковской, «400 лет существования государства франков — это предыстория большинства современных западноевропейских стран» [7, с. 19]. В период с X по XV в. на территории прирейнского региона отмечается рост производства, что обусловлено появлением новых ремесленных центров и городов. Важным событием становится учреждение Ганзейского торгового союза.

В размещении особо развитых ремесленных центров наблюдается определенная специфика: территориальное расположение часто зависело не от близости к источникам сырья, а от условий цехового производства — существования в данной местности цеха, обладающего привилегиями в приобретении сырья и сбыте продукции, наличия квалифицированной рабочей силы [5, с. 135]. Именно поэтому, например, во Фландрии (крупнейшем районе средневекового суконного производства) работали в основном на привозной шерсти. Наибольшего же скачка в развитии на территории прирейнского региона достигли следующие

ремесленные направления: горнорудное и кузнечное дело, суконное производство, судостроение. Соответственно, в регионе появились центры, специализировавшиеся на обработке металла (Золинген, Констанц, Льеж, Утрехт), производстве различных тканей (Лейден, Сен-Галлен, Равенсбург, Амстердам), постройке коггов и барж (Хоорн). Товары главным образом сбывались на городских рынках, но вместе с тем распространение с XII в. получают и торговые ярмарки. Наиболее известными и крупными из них в прирейнском регионе были Цурзахская (Цюрих), Франкфуртская, Девентерская, Нордлингенская, а за его пределами — Шампанская (Франция), Линцкая, и Лионская, связанные сухопутными и речными путями с ремесленными центрами рейнского бассейна. Ярмарки становились своеобразными биржами, куда стекались многие европейские и восточные товары. Торговые ареалы ярмарок распространялись на значительные расстояния. Например, Франкфуртская — охватывала территории сегодняшних государств рейнского бассейна (рис. 3).

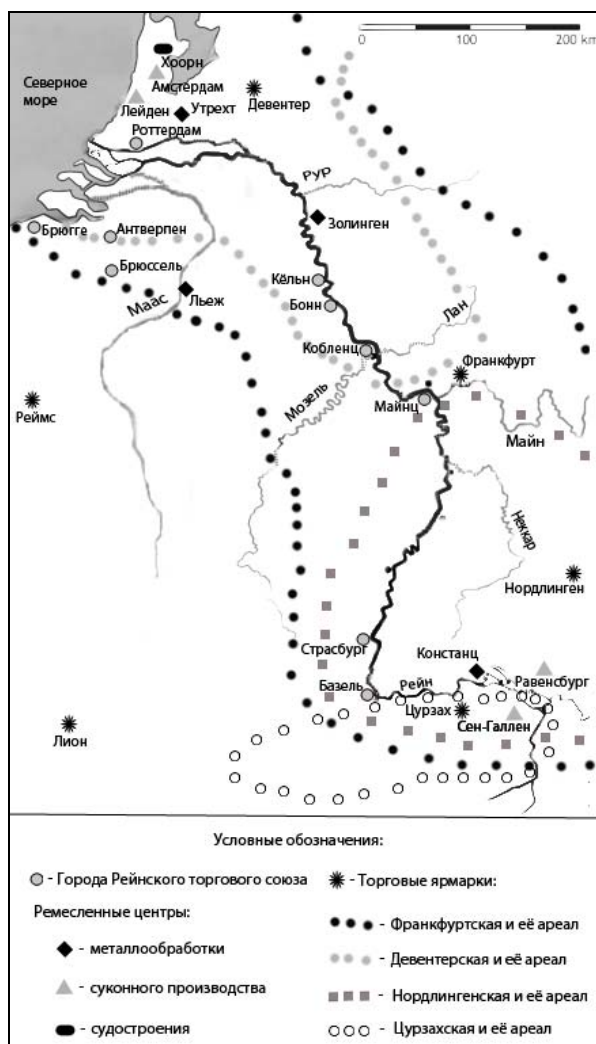

Рис. 3. Пространственная организация экономики на Рейне X—XV вв.

Так как торговля в тот период носила в прирейнском регионе в основном континентальный характер (исключение — приморские Нижние страны), то важнейшее значение имели реки, главным образом Рейн. На его берегах находились многочисленные ремесленные центры, поэтому именно ему отводилась главная роль в транспортировке грузов.

Речные перевозки были более дешевыми, удобными и безопасными по сравнению с сухопутными транспортировками, где элементарно практически отсутствовала хорошая дорожная сеть. Кроме того, Рейн был единственным меридиональным речным путем, связывающим прирейнский регион как с Южной Европой (Италия) через альпийские перевалы, так и с Восточной Европой посредством притоков, а также с Францией на западе. Ко всему прочему, образованный на севере Европы Ганзейский торговый союз (насчитывающий около 200 городов и занимающийся преимущественно морской торговлей на Балтийском и Северном морях) получил возможность благодаря Рейну усилить свое континентальное влияние, что вылилось в учреждение Рейнского торгового союза, объединявшего 70 городов на территории от Нижних стран до Базеля. Кстати, этот торговый союз можно считать первой интеграционной организацией, способствующей постепенному сближению экономических, культурных, политических связей европейских государств.

В период позднего Средневековья (XVI—XVII вв.) в прирейнском регионе значительно усложняется не только общее экономическое положение, но и политическая обстановка. Негативным моментом, повлиявшим на дальнейшее формирование пространственной структуры экономики в тот период, можно назвать открытие португальцами и испанцами новых торговых путей в Новый Свет и Индию. Это событие повлекло за собой упадок экономического процветания прирейнского региона, так как торговля постепенно перемещалась с континента на морские просторы. Рейн, Рона и ряд других рек сделались из столбовых дорог мирового товарооборота «проселочными» [9, с. 22]. Промышленные и ремесленные центры, расположенные в верхнем и среднем течении Рейна, были преданы забвению. На этом фоне в преимущественном положении оказалась Голландия. Она первой из европейских стран встала на капиталистический путь развития и вышла на передовые роли не только в прирейнском регионе, но и во всей Европе. Как пишет В. Е. Мотылев, в «Северных Нидерландах наблюдалось значительное развитие судостроения, судоходства, рыболовства, шерстяной и льняной промышленности, торговли» [4, с. 49]. Основными центрами промышленности и торговли стали Амстердам, Роттердам, Лейден, Утрехт, Энкхейзен, Эдам.

Переходом к капиталистическим отношениям, началом промышленного переворота характеризовался в Европе XVIII в. Также были сделаны первые попытки промышленных разработок на территории прирейнского региона двух крупнейших угольных бассейнов — Рурского и Саарского, а также железорудного — Лотарингского. Но коли-

чество получаемого угля и железной руды было в тот период ничтожным из-за отсутствия должного технического оборудования и, как следствия, невозможности глубинной добычи. Несмотря на это, в регионе наблюдались существенные сдвиги к наращиванию промышленного потенциала. Так, в конце XVIII в. стали повсеместно открываться мануфактуры суконной промышленности, получавшие шерсть преимущественно из Англии. В Вестфалии постепенно возрождается железоделательное производство (после тяжелых последствий Тридцатилетней войны) и распространяется изготовление пряжи и льняных тканей. В южной части рейнского бассейна преобладало аграрное хозяйство. Основной экспортируемой продукцией на север в Англию и Нидерланды был хлеб, доставляемый по Рейну. Наибольший промышленный подъем в этот период наблюдался во Франции, в основном благодаря развитию легкой промышленности (производство шелковых, шерстяных и других тканей) и открытию ткацких мануфактур (Страсбург, Лион). Увеличивалось и производство железа в Эльзасе (Нидербронн).

В XIX в. началась активная фаза формирования пространственной структуры экономики на территории прирейнского региона. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, с этого периода страны, расположенные на территории бассейна реки Рейн, переживают настоящий промышленный бум (Германия, Франция, Бельгия). Во-вторых, начинается стремительная разработка природных богатств (рурский и саарский угольные, лотарингский железорудный бассейны), что приводит к концентрации населения и производства в районах добычи, в связи с чем получают развитие агломерации. В-третьих, стали вестись гидротехнические работы по углублению и выравниванию русла Рейна в районе Базеля (Швейцария), что позволило увеличить пропускную способность реки и сделать ее главной воднотранспортной магистралью Европы. Среди этих причин решение транспортной проблемы ставилось во главу угла, так как оно способствовало обеспечению внутренних и внешних связей расположенных в регионе государств, а также стимулировало развитие промышленного производства. Решение данной проблемы осуществлялось в двух направлениях. Первое — строительство каналов, второе — строительство железных дорог. К первому следует отнести грандиозный гидротехнический проект по выпрямлению русла верхнего Рейна. В результате Рейн стал судоходен от Базеля до самого Роттердама с выходом к Северному морю. Второй крупный проект — открытие в 1846 г. канала Людвиг (нем. *Ludwigskanal*), или канала Майн — Дунай, который соединил Рейн с Дунаем. Помимо реализации этих двух основных проектов Рейн был соединен каналами с Роной и Марной.

Возведением железных дорог со второй половины XIX в. в регионе занимались быстро растущая Германия, Бельгия, Нидерланды, Франция, Австрия, Швейцария. Темпы строительства были настолько велики, что уже к 1890 г. практически не осталось пунктов, которые бы не были «вплетены» в железнодорожную сеть региона.

С решением транспортных проблем и началом промышленного переворота на территории рейнского бассейна наступила эра индустриализации. В Германии «локомотивом развития» становится Рейнско-Вестфальский район. На базе Рурского угольного бассейна возникла мощнейшая сталелитейная и химическая индустрия. В районах добычи повсеместно строились металлургические заводы и химические предприятия, росла численность населения. Быстрому же освоению природных ресурсов — основного фактора стремительного развития региона — способствовала относительная простота их добычи [8, с. 145]. Ко всему прочему необходимо добавить, что Рурский бассейн имел крайне выгодное транспортно-географическое положение, располагаясь непосредственно вблизи реки Рейн, с которой его связывали правые притоки Липпе и Рур, и это облегчало транспортировку угля и металла. Наиболее динамично развивающимися городами на территории Рурской области были Дуйсбург, Эссен (центр угледобычи), Дортмунд, Бохум, Боттроп, Херне.

Вторым звеном, аккумулирующим производительные силы на территории прирейнского региона, являлся Саарский каменноугольный бассейн, располагающийся на границе Франции и Германии с центром Саарбрюккен. На этой базе Германия организует собственное машиностроение и химическую промышленность, работающие на основе побочных продуктов угольной и сталелитейной промышленности, как правило для военных нужд. Успешному подъему этого района способствовало, так же как и в Руру, выгоднейшее транспортно-географическое положение в долине реки Рейн с выходом к его берегам через канал Марна — Рейн к речному порту Страсбурга, а также по Саару и Мозелю к Кобленцу.

По соседству в Лотарингии на железорудных месторождениях возникает металлургическая промышленность — осуществляется выплавка чугуна и производство стали. Неподалеку в Эльзасе в городе Мюлуз создавались бумагопрядильные предприятия, оснащенные десятками тысяч прядильных станков. В Бельгии, частью входящей в прирейнский регион, развивалась металлургическая, а вместе с ней и химическая промышленность на базе Южного угольного бассейна в Валлонии (открыт в XVIII в.). Начатые разработки угольных и железорудных месторождений сказались также на распределении населения в регионе. Промышленности на тот момент требовалось значительное количество рабочих рук, в связи с этим в районы добычи (так как основным фактором размещения на тот момент был сырьевой) постепенно начало стягиваться население, образуя концентрические кольца поселений вокруг главных центров производства. Например, в Лотарингии металлургическим центром являлся город Лонгви, а вокруг него сформировались поселения (впоследствии также города, специализирующиеся на выплавке стали) Тьонвиль, Брис, Айанж (рис. 4). Таким образом стали формироваться первые агломерации, под которыми, А. Вебер понимает «"скопление", "сосредоточение" промышленного производства в каком-либо месте» [2, с. 87].

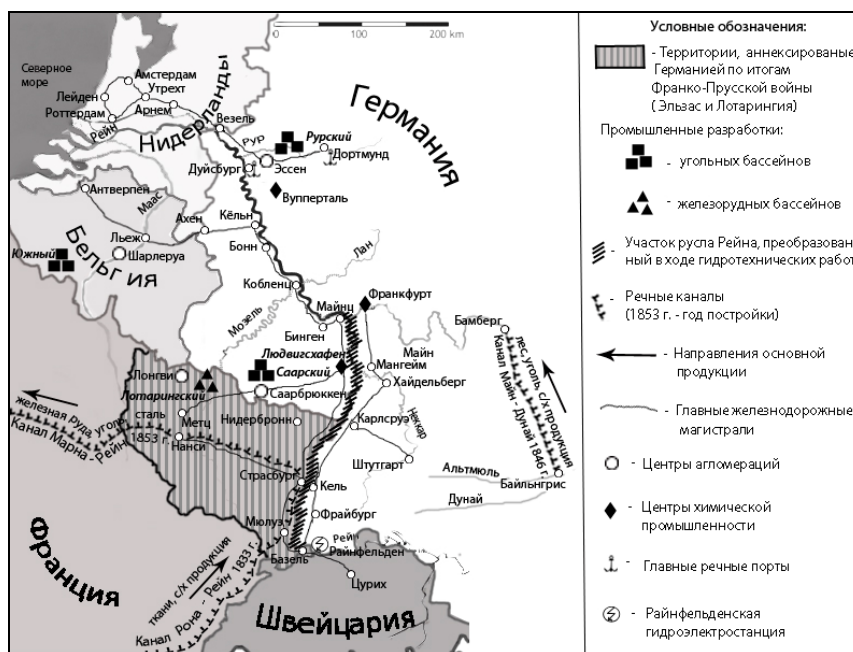

Рис. 4. Пространственная структура экономики на Рейне в конце XIX в.

На фоне стремительного развития железнодорожного транспорта Рейн не потерял своей экономической значимости. Со второй половины XIX в. после проведенных гидротехнических работ наблюдалось существенное увеличение грузопотоков по Рейну, несмотря на солидную конкуренцию со стороны железных дорог. Свою роль в этом процессе сыграли сразу два обстоятельства:

1) рост внешней торговли, а перевозка (себестоимость) по воде основных грузов оказывалась дешевле;

2) значительное увеличение пассажиропотока благодаря развитию пароходства и популярности перемещения граждан этим видом транспорта между крупными населенными пунктами, которые в большинстве своем находились на берегах реки. Ко всему прочему в конце XIX в. Рейн оказывается в центре внимания в связи с развитием в его верховьях гидроэнергетики. В 1880 г. в Райнфельдене (Швейцария) построена первая ГЭС (являющейся одной из старейших в мире).

Проведенное исследование истории пространственной структуры экономики стран прирейнской Европы позволяет сделать следующие выводы:

- во-первых, само формирование сложившейся на конец XIX в. пространственной структуры экономики стран прирейнской Европы является результатом длительного исторического процесса, берущего начало со времен римской колонизации;

- во-вторых, в процессе формирования очень заметна роль Рейна, не только выполняющего функцию главной воднотранспортной артерии, но и являющегося своеобразной экономической осью развития, вдоль которой образовался «каркас» расселения и выросли промышленные центры;

• в-третьих, к концу XIX в. в странах прирейнской Европы уже существовало крепкое экономическое ядро, вокруг которого происходило постоянное пространственное сближение, это обстоятельство позволяет говорить о возможном начале интеграционных процессов в прирейнском регионе, впоследствии охвативших всю Европу.

Список литературы

1. *Асланов Л. А.* Культура и власть. Философские заметки. М., 2001. Кн. 1.
2. *Вебер А.* О теории размещения промышленности. Т. 1 : Чистая теория размещения. М., 1926.
3. *Мотылев В. Е.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
4. *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в Средние века. М., 1976.
5. *Слудковская М. А.* Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте. М., 2005.
6. *Стародубровская И. В.* Стратегии развития старопромышленных городов. М., 2011.
7. *Сухов А. А.* Экономическая география Германии. Одесса, 1924.

Об авторе

Гражданкин Александр Сергеевич, аспирант кафедры экономической и социальной географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: al.grajdankin@gmail.com

THE ROLE OF THE RIVER RHINE IN THE FORMATION OF SPATIAL STRUCTURE OF THE ECONOMY OF EUROPEAN COUNTRIES (1ST CENTURY BC – 19TH CENTURY AD)

A. S. Grahdankin

48, Moyka Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russia

Received on March 17, 2011

This article considers the main historical stages of formation of spatial economic structure of the European countries, parts of whose territories lie within the Rhine basin. The analysis covers a protracted chronological interval from the Roman colonization until the beginning of the 20th century. The author emphasizes the role of the River Rhine in the course of territorial structure formation.

This study aims to retrace the historical sequence of the formation of territorial structure of economies of the Rhine basin countries. The research and practical significance of the work lies in the identification of the periods of increased activity in the formation of spatial structural communications of the states mentioned. The author applies the historical-descriptive approach and cartographical-geographical modelling to identify the main stages of this process.

The author arrives at the following conclusions. The beginning of the formation of spatial structure of economies of the Rhine basin countries dates back to the Roman period of the history of European states rather than the industrial revolution. Similarly, it is possible to assume that primitive integration processes started to develop in the region in the same period. Throughout history, the River Rhine has served as the central axis for economic structure development. The practical significance of the article lies in identifying the early — previously insufficiently studied — stages of formation of territorial economic structure in the historical and geographical context.

Key words: River Rhine, spatial structure of the economy, Rhine region, structural context.

References

1. Aslanov, L. A., 2001, *Kultura i vlast'. Filosofskie zametki [Culture and power. Philosophical notes]*, Moscow, Izd-vo ITRK, 496 p.
2. Weber, A., 1926, *O teorii razmeschenija promyshlennosti. T.1. Chistaja teorija razmeschenija [On the theory of industrial location. T. 1. The pure theory placement]*, Moscow, 185 p.
3. Motylev, V. E., 1961, *Jekonomicheskaja istorija zarubezhnyh stran [The economic history of foreign countries]*, Moscow, Izd-vo. Sotzjgiz, 400 p.
4. Samarkin, V. V., 1976, *Istoricheskaja geografija Zapadnoj Evropy v srednie veka [Historical Geography of Western Europe during the Middle Ages]*, Moscow, Izd-vo Vysshaja shkola, 249 p.
5. Starodubrovskaya, M. A., 2005, *Razvitie zapadnoi jekonomicheskoy mysli sozjal'no-politicheskom kontekste [Development of Western economic thought in the socio-political context]*, Moscow, Izd-vo Infra-M, 220 p.
6. Starodubrovskaja, I. V., 2011, *Strategii razvitija staropromyshlennyh gorodov [Development Strategy old industrial cities]*, Moscow, Izd-vo instituta im. Gaidara, 248 p.
7. Sukhov, A. A., 1924, *Jekonomicheskaja geografija Germanii [Economic Geography of Germany]*, Gosudarstvennoe izd-vo Ukrainy, 270 p.

About author

Alexander S. Grahdankin, PhD student, Department of Economic and Social Geography, Herzen State Pedagogical University.
E-mail: al.grajdankin@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

**Анджей Саксон. От Клайпеды до Ольштына.
Современные жители бывшей Восточной Пруссии:
Клайпедский край, Калининградская область, Вармия и Мазуры.
— Познань : Западный институт, 2011. — 828 с.**

Монография известного польского социолога и историка Андрея Саксона (в 2004—2011 гг. — директора Западного института в Познани) подводит итог его многолетней работе по изучению истории и современной жизни одного из самых интересных регионов Восточной Европы — бывшей Восточной Пруссии. Исследование опирается на колоссальную базу источников (архивных и опубликованных документов, мемуаров и дневников, материалов «устной истории», публикаций прессы) и историографии (использованы статьи и монографии на английском, немецком, польском и русском языках); обработаны данные различных социологических исследований, осмыслен личный опыт автора. Ему известны все значительные публикации калининградских историков (в том числе статьи Ю. В. Костяшова, лежащие в основе недавней «Секретной истории Калининградской области», с которой А. Саксон, вероятно, не успел познакомиться к моменту завершения своей работы). Все это позволило создать фундаментальный труд, равных которому, пожалуй, нет в современной историографии.

А. Саксон прослеживает историю региона на протяжении «длинного» XX в.: от конца Первой мировой войны до наших дней. Цель его исследования — изучить общее и особенное в развитии территории, которая по итогам Второй мировой войны оказалась разделенной между двумя (а после распада Советского Союза — тремя) государствами, — послевоенное время стало главным объектом исследовательского интереса. По понятным причинам в характеристике послевоенного периода наибольшее внимание уделено польскому Варминьско-Мазурскому региону (примерно 44 % текста), чуть меньше — российской Калининградской области (38 %) и совсем небольшое (18 %) — Клайпедскому краю Литвы. Российского читателя, наверное, заинтересует прежде всего «калининградский аспект» этой темы — взгляд польского ученого на прошлое и настоящее «самой западной».

В «Истории» Геродота было девять книг — сообразно числу муз. Муз, вдохновивших А. Саксона, оказалось семь — именно столько глав в его исследовании. В первой («От старопрусских земель до Восточной Пруссии») дан общий обзор истории региона с древнейших времен до Первой мировой войны (с опорой в основном на немецкую историографию). Вторая глава («Немецкая, литовская и польская Восточная Пруссия (1918—1939)») характеризует межвоенный период на территории края. Автор описывает административное деление провинции, мероприятия нацистского режима по германизации земель, на которых компактно проживали литовцы и поляки. Межвоенная Восточная Пруссия, как и Калининградская область после распада Советского

Союза, была эксклавом — этот пример воспроизводства исторического опыта территории неоднократно отмечен автором (s. 35, 42).

Третья глава называется «Мощь и упадок Восточной Пруссии (1939—1945)». В разделе «Гибель Восточной Пруссии» внимание уделено ходу Восточно-Прусской операции Красной армии. При описании бегства и эвакуации жителей провинции А. Саксон обращается к анализу так называемого «синдрома Неммерсдорфа» (s. 112) — одного из поводов для массового психоза среди местных жителей. Автор описывает фактическую сторону дела, останавливаясь специально на усилиях пропагандистского аппарата нацистов по пробуждению у немцев чувства мести. Характеристика действий Красной армии в Восточной Пруссии строится на основе немецких работ — политика советского командования определяется через формулу «ненавижу немцев»; позиция Льва Копелева, участника боевых действий, протестовавшего против насилия в отношении гражданского населения и арестованного НКВД «за мелкобуржуазный гуманизм», отнесена к «немногочисленным исключениям» (s. 115). Заметно меньше места уделено расправе нацистов над евреями в Пальмникене (s. 116—117).

Четвертая глава «Старые и новые жители (1945—1950)» начинается с рассказа об упадке прежнего порядка и общественного уклада. Автор констатирует, что «основным элементом в формировании локальной и региональной идентичности новых жителей Восточной Пруссии были процесс заселения, их национальный состав, политика центральных и региональных властей, значение этих территорий в национальной мифологии или отношение к прошлому, в особенности к немецкому культурному наследию» (s. 121). Обрисован процесс «советизации» трех регионов, в которых были сформированы новые административные структуры; подробно изложены обстоятельства жизни и депортации немецкого населения. Всюду на территории бывшей Восточной Пруссии были организованы переселенческие кампании (в связи с почти тотальной сменой населения Клайпеды автор вводит понятие «год зеро» применительно к 1945 г. — s. 121, 125), и везде коммунистические власти столкнулись, в общем, с одинаковыми проблемами. Во многом сходным было и отношение переселенцев к прошлому земли. Новые жители Клайпеды отнеслись к культурному наследию без пиетета: разграбление церквей, вырубка вековых деревьев на дрова, выпас скота на лютеранских кладбищах (s. 127). В Клайпедском крае, Калининградской области и некоторых городах Вармии и Мазур (например, в Браневе) переселение означало «рурализацию»: из разных областей СССР приезжали жители села и приносили в городскую повседневность элементы сельского быта. Развитие Клайпеды, как и Калининграда, быстро приобрело особый характер (портовой и военной спецификой была обусловлена недоступность городов для иностранцев). Говоря об истории «калининградских» немцев, А. Саксон обычно следует за выводами немецких и российских авторов. Подробно описана история становления нового польского края, весь драматизм взаимоотношений старых и новых жителей, так называемое «изгнание прусского духа».

Вообще, при всех различиях процесс выселения немцев из бывшей Восточной Пруссии вписывался в общую восточноевропейскую картину депортации представителей проигравшей войну страны.

Пятая глава («Трудный процесс вхождения — период реального социализма (1950—1990)») посвящена эпохе реального социализма. Автор констатирует, что освоению приобретенной земли литовцами (отдельно обсуждается проблема локализации Малой Литвы) и поляками сопутствовала своеобразная историческая мифология (s. 265). За лапидарной характеристикой социалистического развития Клайпеды следует обстоятельное изложение основных вех советской истории Калининградской области. Автор начинает с обсуждения вопроса об области как «образцовом крае для *homo sovieticus*»: становлению именно такого типа общества благоприятствовал ряд факторов. Среди них — замкнутый характер региона, настроения и возраст переселенцев, отсутствие православных святынь на этой территории, пропаганда борьбы с немецким наследием. Играла свою роль и сталинская политика — автор сопоставляет планы советских и нацистских идеологов, мечтавших создать новый тип общества на оккупированных территориях (s. 293). Проанализированы ход преобразований экономики (особенно создание колхозов и совхозов), советская градостроительная политика и (в связи с ней) политика в отношении немецкого культурного наследия. Подробно изложена история протестов творческой интеллигенции против сноса Королевского замка в Калининграде: *case study* позволяет в описании советской общественной реальности избежать монотонности, столь свойственной тем, кто редуцирует все многообразие форм гражданского поведения к конформизму. Автор резюмирует свои размышления по поводу «образцового края» так: «Результат усилий по созданию «нового человека» на руинах прошлого — отрицательный. Калининградская область с течением времени превратилась в регион, охваченный апатией и подвергшийся *уравниловке*. Он также представляет из себя аномалию в постсоветском пространстве, «заповедник бывшей советской системы» (процитированы слова немецкого историка А. Коссерга. — *И. Д.*)» (s. 325).

В социалистической истории Вармии и Мазур (как, разумеется, и Польши в целом) отчетливо выделяются два периода — сталинизации (1949—1955 гг.) и постепенной десталинизации (с октября 1956 г. до упадка «реального социализма») (s. 335). Изменения касались всех сфер жизни, отдельно оговаривается то обстоятельство, что именно после 1956 г. в Вармии и Мазурах (в отличие от Калининградской области и Клайпедского края) начался процесс реставрации памятников истории и культуры (s. 344—345), — так отношение к довоенному наследию стало индикатором более глобальных общественных перемен.

Шестая глава — самая большая по объему — занимает едва ли не полкниги. Ее название — «Постмиграционные общества в процессе трансформации». Автор начинает с констатации многих общих черт в трех рассматриваемых регионах на конец 1980-х гг.: «глубокий цивилизационный коллапс», связанный с упадком социалистической экономики; общие социальные болезни (алкоголизм, ВИЧ, снижение уровня

жизни, особенно на приграничных территориях, высокий уровень безработицы, демографические проблемы); недостаток иностранных инвестиций и т. д. Это были наиболее советизированные районы Литвы, Польши и России, что создавало многочисленные барьеры для формирования институтов гражданского общества. Однако, полагает исследователь, для молодых поколений во всех трех регионах были характерны большая открытость и толерантность, проевропейские и модернизационные установки, готовность к усвоению своеобразного исторического наследия. На территории бывшей Восточной Пруссии менее всего по сравнению с другими областями трех государств были выражены антинемецкие или (в случае литовцев и поляков) антироссийские настроения.

В разделе о Клайпедском крае преимущественно освещается история бывшего Мемеля. Калининградский эксклав дал несколько поводов для исследований: сценарии будущего развития региона, вызовы в связи с расширением НАТО и ЕС, специфические способы усвоения немецкого наследия. Подробно говорится о проблемах развития постсоветской области: помимо названных общих социальных болезней это также и стремительная социальная дифференциация, рост коррупции, маргинализация села, миграционные процессы. Обстоятельная характеристика экономического развития самой западной российской области соседствует с сюжетами социальной и политической жизни: в книге нашлось место и 750-летию Кенигсберга-Калининграда, и знаменитым калининградским митингам, и общественной дискуссии по поводу переименования областного центра, и дебатам вокруг восстановления Королевского замка, и нашумевшей передаче собственности Русской православной церкви. В характеристике истории Варминьско-Мазурского воеводства автор не ограничивается казусом Ольштына, он также анализирует последствия процесса социально-экономической трансформации для жителей села. Отмечено, что этот процесс болезненнее всех переживали именно сельские жители (это справедливо для всех трех регионов бывшей Восточной Пруссии, потому что везде в советское время была осуществлена в тех или иных формах коллективизация. Сложный процесс преодоления новых противоречий (последствия распада системы государственных хозяйств в Польше определены автором как «социальная катастрофа», s. 591) раскрывается на богатом статистическом материале.

Заключительная глава называется «Новые идентичности в свете собственных исследований». В ней автор знакомит читателей с результатами социологического исследования, проведенного в 2005—2006 гг. в трех регионах, но это также своеобразное подведение итогов всей книги. А. Саксон констатирует, что социальные перемены последних шести десятилетий в Вармии и Мазурах, Клайпедском крае и Калининградской области имели свою специфику. Там сложились постмиграционные общества с особым характером социального взаимодействия. Из всех рассматриваемых регионов было депортировано немецкое население, численно доминировавшее там до войны (за небольшими исключениями в литовской части). В Клайпедском крае от-

личием было то, что в сельской местности преобладали литовцы (переселенцы из Центральной Литвы), тогда как в городе в основном жили русские, украинцы, белорусы, прибывшие из СССР. В Калининградской области основу населения (его половина сосредоточена в областном центре) составили русские, но всего на территории Янтарного края автор насчитал около ста национальностей. В Вармию и Мазуры прибывали переселенцы преимущественно из центральных районов Польши.

Процессы социально-экономического развития в трех частях бывшей Восточной Пруссии имели различную динамику и характер. Клайпедский край и Вармия и Мазуры формировались как интегральные части национальных государств (в том числе Литовской ССР) со своим местным колоритом. Поэтому для населения этих регионов характерно высокое чувство региональной и общенародной идентичности. Иным образом обстояли дела в Калининградской области, развитие которой во многом обусловлено статусом эксклава, военным предназначением, сконцентрированностью населения в «столице», национальным многообразием, удаленностью от «большой России»... Здесь уровень локальной и региональной идентичности ниже по сравнению с соседними регионами. Это, впрочем, справедливо прежде всего в отношении тех, кто приехал в область в первые двадцать лет ее становления, и их потомков.

Другие интересные наблюдения автора: во всех трех регионах фиксируется обратная пропорциональность между возрастом жителей и уровнем их региональной идентичности, однако у молодежи (18—25 лет) этот уровень практически одинаков. Калининградская молодежь в меньшей степени привязана к родному региону, что объясняется эксклавым характером и периферийным положением области, дефицитами легитимизации исторической принадлежности территории к России, многонациональным составом населения и нестабильной политикой центральных властей (s. 758). В исследуемых регионах тяжелый процесс формирования региональной идентичности заставил людей столкнуться с разнообразными барьерами: аморфность постмиграционных обществ, маргинальное положение в структурах национальных государств и т. д. Общими для жителей Клайпеды, Ольштына, Калининграда и других населенных пунктов бывшей Восточной Пруссии являются не только климат и природа, но также историческое прошлое и память о нем, сходный тип старых построек, единые принципы пространственного планирования городов и поселков, во многом даже система коммуникаций. «Но прежде всего, — резюмирует А. Саксон, — большинство людей объединяет любовь к тем прекрасным местам, которые стали их родным краем, а когда-то образовывали Восточную Пруссию» (s. 773).

Работа А. Саксона в целом — это непредвзятый взгляд на историю бывшей Восточной Пруссии как некоторую целостность. Границы, которые возникали внутри этого единого пространства, все же не были абсолютно непроницаемыми даже в самые сложные времена. На протяжении нескольких десятилетий этот край находился под влиянием тоталитарных диктатур — автор старается выявить изоморфизм неко-

торых общественных и политических структур двух режимов. Над признать, что это вполне тривиальная концепция, описывающая восточно-европейские регионы (*bloodlands* — по приобретшему популярность определению Т. Снайдера) как зону действия сменяющих друг друга тоталитарных режимов. Такому взгляду, пожалуй, недостает глубины; отсутствует анализ механизмов латентного сопротивления граждан диктатурам, дополнявшего антисоветские и антикоммунистические партизанские движения. И хотя это вполне академичное исследование (автор, следуя за Геродотом, объективно описывавшим греков и персов, не стремится обелить поляков либо очернить русских или литовцев), предвзятости иногда избежать не удастся. Лишь один пример: не очень убедительно звучит такая ремарка А. Саксона: «Характерная черта немецкого дискурса на тему выселения немецкого населения после Второй мировой войны состоит в том, что в основном ограничивается претензиями и сформулированными обвинениями в адрес Польши и Чехии. Зато это не касается Франции, России, а также Литвы или других государств, которые были союзниками Третьего рейха» (s. 228). Немецкий дискурс об Изгнании (*Vertreibung*), окончательно оформившийся в контексте знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*), опирается на массу зарегистрированных свидетельств (они исследованы во многих работах немецких историков, включая вышеназванного А. Коссерта), которые обеспечивают аналогичные претензии ко всем странам, включая Советский Союз. Однако общая гуманистическая направленность работы А. Саксона несомненна: автор постоянно иллюстрирует свои умозаключения устными свидетельствами простых людей — литовцев, немцев, поляков, русских. Все они, как правило, говорят о трудностях, лишениях, трагедиях, что закономерно, поскольку прежде всего страдание, как отмечено многими — от Яна Ассмана до Франклина Анкерсмита, делает вообще возможной историографию.

В колоссальном исследовании на восьми сотнях страниц невозможно было избежать опечаток и неточностей (так всегда бывает с большими проектами — от диссертаций до энциклопедий). Есть незначительные ошибки и в «калининградских» главах книги А. Саксона. Памятник Пушкину в Калининграде оказался в ряду традиционных советских памятников, установленных в период социализма (s. 320), тогда как на самом деле он появился лишь в 1993 г. Указаны ошибочные даты, когда императрица Елизавета «владела» Восточной Пруссией — 1764—1770 гг. (s. 474), хотя имеется в виду, конечно, период Семилетней войны. Автор отмечает, что три космонавта (А. Леонов, В. Пацаев, Ю. Романенко) родились в Калининградской области (s. 524), в действительности они лишь провели в ней детство. Сочинитель Вадим Храппа назван Владимиром (s. 538) (впрочем, эта ошибка перекочевала в книгу А. Саксона из известной работы П. Бродерзена по истории Калининграда). Встречаются опечатки в некоторых фамилиях, в немецких и русских названиях населенных пунктов; курьезным последствием набора текста на компьютере выглядит наименование местности Гранит (s. 55) — вероятно, имеется в виду Рагнит (современный Неман). Все

эти мелкие недочеты, однако, не могут испортить общего крайне благоприятного впечатления от книги, которая насыщена интересными и систематически изложенными сведениями по истории и современной жизни трех регионов бывшей Восточной Пруссии.

Есть ли возможности развить достоинства книги? Безусловно. Исследование во многом выстроено с учетом новейших тенденций развития исторической науки последних пятидесяти лет: автор по возможности привлекает материалы «устной истории», широко использует демографические и иные статистические сведения, данные соцопросов. Потенциал социально-исторического исследования далеко не исчерпан, как не освоены еще и многочисленные архивные фонды в описанных городах. Конечно, в фокусе внимания А. Саксона — история регионов и «столичных» городов (Клайпеды, Калининграда и Ольштына). Небольшим городам и тем более селу уделено по понятным причинам значительно меньше места. Между тем социальное и экономическое развитие сообществ за пределами крупных городов, несомненно, обладает своей спецификой; микроисторические исследования отдельных населенных пунктов могли бы существенно дополнить общую картину. Обращает на себя внимание диспропорция в распределении материала: исследование первой послевоенной пятилетки в полтора раза больше по объему, чем глава, посвященная советскому периоду (1950—1990 гг.). Этот дисбаланс присущ и современной российской историографии истории Калининградской области (подавляющее большинство новейших работ описывает период 1946 — начала 1950-х гг.).

Книга Анджея Саксона — заметный вклад европейского масштаба в региональные исследования. Для российской историографии это серьезный вызов, потому что до сих пор нет истории Калининградской области (не говоря уже о соседних регионах), написанной на современном научном уровне. Нет сомнений, что когда-то такое исследование появится на русском языке. Но бесспорно и то, что любой, кто в будущем обратится к истории бывшей Восточной Пруссии на протяжении «долгого» XX в., не сможет проигнорировать данные и выводы, представленные в фундаментальной работе польского ученого.

И. О. Дементьев

Об авторе

Дементьев Илья Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

About author

Dr Ilya O. Dementyev, Associate Professor, Department of International History and Relations, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами). Статья направляется в редакцию журнала заместителю главного редактора по периодическим изданиям Кузнецовой Татьяне Юрьевне по e-mail: *tikuznetsova@kantiana.ru* или *tikuznetsova@gmail.com*. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф.И.О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче работы по электронной почте рецензию можно представить в формате PDF.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150—200 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;

- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210×297мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2012
2 (12)

Редакторы *Л. Г. Ванцева, М. В. Королева*
Корректоры *Е. В. Владимирова, М. В. Бурлетова*
Оригинал-макет подготовлен *Л. В. Семеновой*

Подписано в печать 08.05.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×108^{1/16}
Гарнитура «Times». Ризограф. Усл. печ. л. 13,1. Уч.-изд. л. 9,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 127.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14